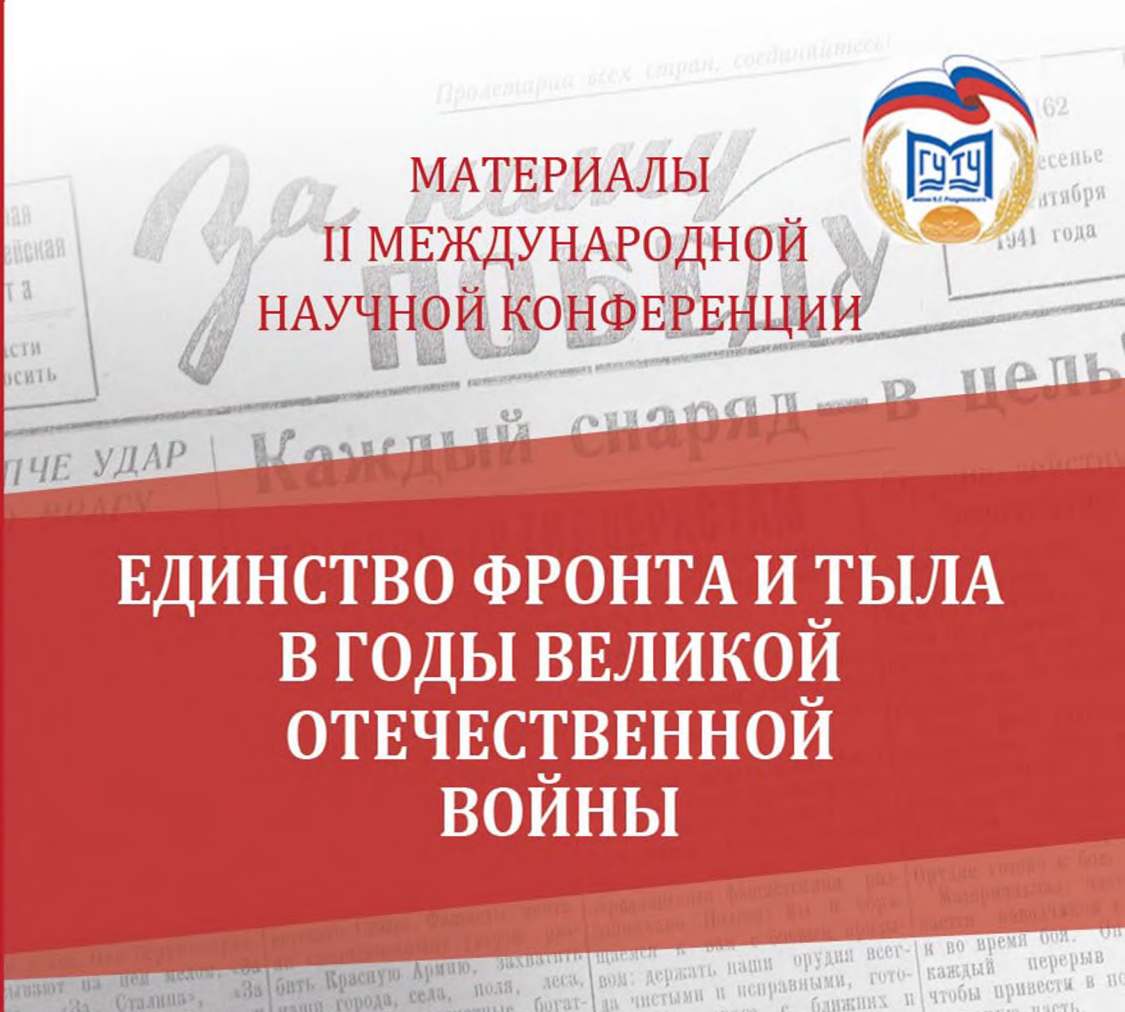

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Смоленский казачий институт промышленных
технологий и бизнеса (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)»

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Материалы II международной научной конференции
23 мая 2021 года, г. Вязьма**

СВИТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Смоленск
2021

УДК 908
ББК 63.3(2рос-4Смо)622
Е 33

*Конференция проведена при поддержке
Администрации Смоленской области
и Российского исторического общества*

Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны.
Е 33 Материалы II международной научной конференции. 23 мая 2021 года,
г. Вязьма. – Смоленск: Свиток, 2021. – 200 с.
ISBN 978-5-907495-00-5

УДК 908
ББК 63.3(2рос-4Смо)622

ISBN 978-5-907495-00-5

© Коллектив авторов, 2021
© Оформление. «Свиток», 2021

Приветственное слово участникам конференции

Добрый день, уважаемые участники Второй международной научной конференции «Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны». Уже во второй раз на площадке Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) «МГУТУ им. К.Г. Разумовского», расположенного в городе Вязьме, проходит международная конференция, посвященная Великой Отечественной войне. 2021 год особенный: в этом году мы вспоминаем события 80-летней давности – начало Великой Отечественной войны и самый тяжелый ее период, период оборонительных боев 1941 года. Именно тогда наша армия понесла огромные потери, а многие солдаты, павшие в этих боях, так и остались незахороненными.

Конференция проходит в период начала работы «Вахты памяти – 2021» на территории Смоленской области. В этом году в центральный лагерь, расположенный в Вяземском районе, рядом с деревней Всеволодкино, съехались более 400 поисковиков из 27 субъектов Российской Федерации и зарубежных стран. От их имени я как руководитель «Вахты памяти» на территории Смоленской области приветствую участников данного научного форума. Отрадно отметить, что в научную разработку вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны, активно включаются представители поискового движения России. И именно в рамках этой конференции двум поисковикам предоставлена трибуна для выступления. Надеемся, что эта практика будет продолжена.

Позитивным фактом является то, что расширяется география участников конференции. В этом году в конференции принимают участие не только ученые, представляющие научные центры России, но и Белоруссии, Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Польши. В ее работе наряду с видными учеными, докторами и кандидатами наук, предоставлена возможность выступить аспирантам и независимым исследователям.

Желаю всем участникам конференции успехов в нашей совместной деятельности по защите исторической правды от попыток искажения и фальсификаций и в деле сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

*Член Совета Федерации
Федерального собрания
Российской Федерации
Н.Г. Куликовских*

Уважаемые организаторы и участники мероприятия, представители научного и студенческого сообщества!

От лица аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе я рад приветствовать Вас на открытии II Международной конференции «Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны», которая проводится в памятный год, связанный с 80-летием трагических событий начала этой войны!

Говорить о том, какой страшной и кровопролитной была Великая Отечественная война, мы будем всегда... В нашей стране и соседних государствах трудно найти семью, которой бы не коснулась война: в сражениях с нацистами у кого-то тогда погибли отец, дедушка, брат или дядя, многие семьи потеряли несовершеннолетних родственников, которые были угнаны в концлагеря, а в некоторых селениях группами расстреливали десятки людей. На территории современной Смоленщины было размещено несколько концлагерей, где нацисты зверски убили несколько тысяч человек из числа военнопленных и мирного населения.

Мероприятие проходит, в том числе, во исполнение поручений Президента России В.В. Путина о недопустимости искажения истории и исторических фактов, поскольку такая риторика, к сожалению, в последние годы встречалась в странах Западной Европы.

Искренне благодарен организаторам конференции, включая Администрацию Смоленской области, Первый казачий университет в лице филиала в г. Вязьме и члена комиссии Российского исторического общества по изучению преступлений нацизма в период Великой Отечественной войны, доктора исторических наук Комарова Дмитрия Евгеньевича за организацию столь значимого патриотического мероприятия, ставшего уже вторым, – конференции, направленной на связь между поколениями. Чтобы не только наши предки и мы сами, но и наши дети, внуки и правнуки помнили, благодаря каким жертвам и подвигам живет и процветает мир, светит солнце, а вокруг столько улыбок и радости!

А участие в мероприятии поисковиков и значительного числа ученых-историков и заинтересованных тематикой лиц из России и дружественных государств позволит понять, в каких условиях трудятся

люди, благодаря которым увековечиваются имена героев, погибших за Родину, и придать конференции высокую значимость.

Уверен, что несмотря на еще нестабильную эпидемиологическую ситуацию, в текущем году мы сможем провести и День Победы, и акцию «Бессмертный полк», и многие другие памятные мероприятия, чтобы вспомнить...

Успешного обсуждения, исторической справедливости, мира Вам и добра!

*Федеральный инспектор
по Смоленской области аппарата
полномочного представителя Президента
Российской Федерации в ЦФО
А.П. Брылёв*

СМОЛЕНСКИЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ «ДУЛАГ 126»: НА ОСНОВЕ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о лагере военнопленных № 126, функционировавшем в городе Смоленске в период с 1941 по 1943 год. Приведены ранее не используемые документы и свидетельства о преступлениях захватчиков в отношении советских военнопленных и мирных граждан. Показаны масштабы совершенных злодеяний. Определена особенность смоленского лагеря «Дулаг 126», руководство которого в основном состояло из советских граждан из числа военнопленных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Смоленская область, Смоленск, «Дулаг 126», Военные преступления нацистов, лагерь военнопленных.

Avramenko S.M.

search party commander

Hammer and Sickle (Safonovo)

SMOLENSK PRISONER OF WAR CAMP «DULAG 126»: BASED ON DECLASSIFIED DOCUMENTS

Annotation. The article discusses the issue of the prisoner of war camp № 126, which functioned in Smolensk in the period from 1941 to 1943. Previously unused documents and evidence of the invader's crimes against Soviet prisoners of war and civilians are presented. The scale of the atrocities committed is shown. The peculiarity of the Smolensk camp «Dulag 126», the leadership of which mainly consisted of Soviet citizens from among prisoners of war, was determined.

Key words: the Great Patriotic War, Smolensk region, Smolensk, «Dulag 126», Nazi war crimes, prisoner of war camp.

20 июля 1941 года на окраине города Смоленска, по улице Краснинское шоссе, в бывших военных складах № 105 немецким командованием был создан лагерь для советских военнопленных № 126. Лагерь располагался на нескольких площадках. По указанному адресу находился так называемый «Большой лагерь». В непосредственной бли-

зости, на территории Нарвских казарм в районе Большой Чернушевской улицы, размещался филиал этого лагеря – «малый лагерь». При данных лагерях находился также госпиталь для военнопленных по Киевскому шоссе, в бывшем здании фельдшерской школы. Смоленский лагерь № 126 войдет в историю как место величайших злодеяний германского нацизма по истреблению советских граждан. Согласно материалам Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР от 16 октября 1943 года, установлено, что за период с 1941 по 1943 год в Большом лагере «Дулага 126» было уничтожено 45000 человек, в Малом лагере – 15000 [4, с. 188].

Для содержания военнопленных были приспособлены деревянные, холодные, неутепленные, без печей, полов и потолков сараи, внутрь которых проникали вода, снег и холодный зимний ветер. Люди располагались, где как, постельные принадлежности отсутствовали. Вместо нормальной вместимости лагеря 3–4 тысячи человек немецко-фашистское командование загоняло туда по 30 тысяч. Вследствие указанных причин соблюдение самых элементарных санитарных норм было совершенно невозможно.

В подтверждение тому обратимся к показаниям военнопленных. Так, например, бывший военнопленный Итунин Григорий Моисеевич свидетельствовал: «Прибыв в город Смоленск, я попал в "Дулаг 126", что значит пересыльный лагерь. Как только военнопленные вступали на территорию лагеря, прямо у ворот производился обыск, при котором изымались часы, бритвы, ножики, плащ-палатки, одеяла, вся хорошая обувь. После этого пленные без всякого учета загонялись в холодные, раскрытые бараки, совершенно не приспособленные для жилья, без всяких отопительных приборов, без деревянного пола. Бараки настолько плотно набивались военнопленными, что выйти из барака, тому, кто вошел первым из-за тесноты, не было никакой возможности. Земляной пол настолько был размешан, что ноги утопали в грязи до голенищ. Военнопленные спали друг на друге в три яруса. Когда начались морозы, то спавшие внизу военнопленные замерзали в грязи, а одежда постоянно примерзала к земле. Освещения в бараках никакого не было. Естественные надобности военнопленные справля-

ли здесь же в бараке. Ночью в бараках стоял смрад, стоны больных и раненых, которых было много среди военнопленных. Никакой медицинской помощи не оказывалось в течение октября-декабря 1941 года. Больные тифом, дизентерией, раненые находились вместе со здоровыми людьми, последние заражались, и зимой 1941 года сыпной тиф имел очень большое распространение в лагере 126. Вшивость в лагере достигла невероятных размеров. Вши кишели по поверхности одежды» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 2].

Из показания бывшего военнопленного Ерпилова Петра Петровича: «Я находился в Смоленском лагере № 126 и около одного месяца в южном “малом лагере”. Два раза в день выдавалась пища, так называемая “баланда”, состоящая из жидкой похлебки: вода с затхлой ржаной мукой, совершенно не соленая. Когда “баланда” в ваннах начинала заметно убавляться, ее иногда разбавляли подогретой, а чаще обыкновенной, холодной, сырой водой, и раздача “пищи” продолжалась снова. Очень часто вместо мучной давали картофельную “баланду”, она состояла из промерзшей, неочищенной и даже невымытой картошки, нередко уже разложившейся, сваренной в воде также без соли. Раздавали эту картошку также черпаками вместе с водой, причем попадало в черпак не более 4-5 небольших раскисших картофеля или незначительное количество разваренной картофельной, грязной массы с плавающими в ней навозом и щепками. Вследствие этого в громадном количестве появлялись еще более истощающие поносы и голодные отеки, и как результат этого – большая смертность. Умирало в день до 300 человек. Каждое утро из всех барачков умерших, раздетых догола, вытаскивали во двор, где они валялись до тех пор, пока их не увозили специальные команды могильщиков (из 50 человек). Хоронили тут же, за лагерь, в бесконечно длинной, напоминающей ров могиле, которую по мере заполнения трупами удлиняли еще больше, так что, в конце концов, она протянулась вдоль ограды лагеря длинной лентой» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 3].

Созданный бытовым режим и питания военнопленных были рассчитаны на истощение и гибель советских граждан от голода, заморзания и эпидемических заболеваний. Санитарно-медицинское обслуживание военнопленных сводилось к тому, что после ухода здоровых на работу врачи отправляли в изоляторы и госпиталь заразных и тяжелых больных, обслуживающий же персонал с железными крючья-

ми вытаскивал умерших за ночь, которые зарывались в яме у лагеря. В данном лагере существовал также такой зверский закон – все пленные должны обязательно работать. Те военнопленные, которые заболели, с ними подолгу возиться не разрешалось, они просто бросались на произвол судьбы и, в конце концов, умирали из-за отсутствия ухода, лечения и питания. Для этой категории военнопленных существовал официальный барак № 2, который военнопленные называли «барак смерти». На третий день после невыхода на работу, больные отравлялись или расстреливались.

Бывший военнопленный Дрожжин Никита Сергеевич показывает, что были случаи, что еще живых больных военнопленных привязывали обмотками за ноги, вытаскивали за ограду лагеря и зарывали в ямы [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 5].

В лагере был организован полицейский режим. Все бараки были изолированы друг от друга колючей проволокой. Никто не имел права переходить из барака в барак. В каждом бараке была команда полицейских во главе со старшиной. Эти команды были полными хозяевами в бараках. Запрещалось вести какие бы то ни было разговоры между военнопленными, в противном случае полицейские разгоняли их и избивали палками. Всё было пронизано шпионством и доносом. В задачу полицейских входило выявлять политсостав Красной армии и евреев, а также бывших работников НКВД.

Отличительной чертой смоленского лагеря являлось то, что практически всё лагерное руководство было представлено советскими гражданами, из числа военнопленных. Из показания военнопленного Итунина Григория Моисеевича: «Все полицейские по баракам были подчинены русскому коменданту лагеря, которым с начала существования лагеря до августа месяца 1942 года являлся Костромин, бывший капитан воинской кавалерийской части, попавший в плен под городом Волковском. Костромин как комендант лагеря ревностно исполнял свои обязанности и приводил в жизнь внутренний распорядок лагеря. Его заместителем являлся Зелинский, бывший старший лейтенант войск связи. Зелинский отличался свирепостью по отношению к военнопленным. Ежедневно он ходил с резиновой плеткой, и каждый раз избивал военнопленных при разбивке на рабочие команды. У Костромина и Зелинского был также переводчик Маслов Михаил Дмитриевич. После Костромина комендантом лагеря был назначен

Романенко Анатолий, власовец, за “заслуги” по лагерю 126 получил от немецкого командования железный крест 2-й степени. Романенко отличался большой жестокостью, поддерживал тесную связь с руководителем гестапо при лагере Гисс (так в документе – *прим. А.С.*). Кроме комендантского управления, была еще лагерная полиция. С начала существования лагеря начальником полиции был Григоренко, бывший старший лейтенант, который занимался избиванием военнопленных, отбирал у последних ценные вещи. Весной 1942 года в связи с перемещением Григоренко на должность коменданта в другой лагерь, начальником полиции был назначен Долганов Тимофей Азарович, бывший председатель райсовета ОСО Износковского района Смоленской области. Начальника полиции Долганова знал весь лагерь как крайне свирепого и кровожадного человека. У него была специальная резиновая плётка с железным наконечником, которую он называл “советская премия”. После Долганова на должность начальника полиции был назначен Тупицын Павел Власович, который за “усердную” работу в лагере был награжден железным крестом 2-й степени, являлся агентом гестапо, любимцем Гисса, отличился большим зверством по отношению к военнопленным. Вся система полицейского режима в лагере 126 возглавлялась руководителем гестапо зондер фюрером Гиссом Этькой. Свою карьеру Гисс начал с рядового солдата в этом же лагере, последнее время он был в чине лейтенанта. Гисс был обеспечен большими правами в лагере: он самостоятельно решал вопросы о физическом уничтожении политсостава Красной Армии, работников НКВД и евреев. Прежде чем попасть в этот бункер-карцер, военнопленные избивались гестаповцами до потери сознания, а затем бросались в это темное, сырое подземелье» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 6–7].

Госпиталь для военнопленных при лагере № 126 представлял собою 4-этажное кирпичное здание по Киевскому шоссе, с емкостью в 1000 человек больных. Здание ранее имело паровое отопление, но немцами оно было выведено из строя. Большинство окон не имело стекол. Необходимых коек для больных, постельных принадлежностей и другого инвентаря не имелось. Не проводя абсолютно никакой работы по подготовке помещения, немецкое командование расположило в этом здании больных и раненых военнопленных, отказав в каком бы то ни было материальном обеспечении. Медицинский персонал для госпи-

таля был подобран из врачей-военнопленных. Главными врачами лагеря были немцы: Заксе, а затем Гиват.

Вследствие массовых заболеваний сыпным тифом в лагерях, истощения от голода, в госпитале вместо нормального количества больных постоянно имелось до 4500 человек, поэтому больные размещались в коридорах и в подвальных помещениях на голых полах.

Все больные госпиталя получали полуголодный рацион, состоящий из 200 граммов хлеба, смешанного с древесными опилками, каши или супа из зерна ржи, овощных очистков или гнилого картофеля. Для поддержания тяжелобольных в одном случае была отпущена партия гнилого сыра, а также кровяные консервы, срок годности которых истек еще год тому назад.

Хирургическое отделение необходимыми инструментами обеспечено не было, и оперирование больных производилось в антисанитарных условиях.

Врач-хирург Чижев показывал: «Я лично был свидетелем, когда немецкий хирург, производя ампутацию конечностей больным, вытирал окровавленную пилу грязной тряпкой. Матерчатые бинты госпиталь вообще не получал, а для перевязок выдавались бумажные бинты. Медикаментами госпиталь не снабжался» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 16].

Советская военнопленная Софья Анваер вспоминала: «Потом всех медиков перевели в смоленский лазарет военнопленных. Он располагался в большом больничном городке на окраине города. Рядом широкое, уходящее под гору шоссе, вдоль него длинное одноэтажное здание, перпендикулярно несколько каменных трехэтажных корпусов (Летом 1990 года я побывала в Смоленске и нашла там очень похожее место на улице Гагарина. Там областная больница. Она сильно пострадала во время боев за Смоленск, всё перестроено, я ничего, кроме расположения, не смогла узнать. Это место сходится и с воспоминаниями М.Ф. Лукина (советского военачальника): “Здание бывшего медицинского техникума на юго-восточной окраине города”). Я работала в сыпнотифозном корпусе. Условия здесь были чуть получше, чем в Вязьме. У медперсонала были халаты, оставшиеся от родильного отделения, с разрезами на груди для кормления новорожденных. Разрезы мы, конечно, зашивали. Работающим выдавали к баланде по небольшому куску почти настоящего хлеба, во всяком случае, таким он казался после вяземских буханочек. Была камфара, легче было с перевязоч-

ным материалом. А он был очень нужен, ведь среди больных у многих были незаживающие раны. Еще оставались наши перевязочные пакеты (их расходовали в крайнем случае). Главное же – была возможность стирать бинты (заодно и халаты). Одному из врачей удалось сварить мыло из минеральной олифы, оно было темное и вонючее, какое-то желеобразное, но стирало хорошо даже в холодной воде. В корпусе была перевязочная, там с начала существования лазарета работали несколько медсестер. Они собирали голубоватые, с печатным текстом хлопчатобумажные чехлы перевязочных пакетов. Из этих небольших, размером в две детские ладони клочков ткани они шили себе сначала лифчики и носовые платки, потом другое белье, наволочки, мне пришлось видеть даже простыни. Клеенчатые чехлы они собирали тоже, но я не помню, на что они их употребляли. В ход шли и солдатские обмотки. Их распускали на нитки, делали из них носки и чулки, видела я и сшитые из обмоток свитера» [1, с. 35–38].

В госпиталь ежедневно поступала масса военнопленных из лагеря № 126, больных сыпным тифом, дизентерией, с отеками от белкового истощения, обмороженные, раненые и избитые, завшивевшие.

Вследствие того, что больные и раненые военнопленные в госпитале не получали нужной медицинской помощи, ухода и питания, находились в антисанитарных условиях, в зимнее время – в неотопливаемых помещениях, смертность среди больных достигала до 200 человек в день и за время существования госпиталя с 20 июля 1941 года по 25 сентября 1943 года составила более 25 тысяч человек [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 18].

Из показания бывшего военнопленного Тютюника Василия Александровича: «В марте месяце 1943 года я видел, когда главный врач лагеря № 126, он же и главный врач госпиталя, отобрал истории болезней военнопленных, прошедших лечение, от 4 до 15 дней после выздоровления, после чего по составленному списку всех вызвал и лично сам брал кровь от 150 до 300 грамм у каждого. Кровь была взята у военнопленных Щитова И.К., Белина Т. и других. Кровь немцам была нужна для выработки противотифозной сыворотки для производства прививок немецким солдатам и офицерам во избежание заражения тифом. Отдельные военнопленные оказывали сопротивление и не отдавали немцам свою кровь, тогда немцы силой брали кровь. Военно-

пленные, у которых была взята кровь, и без того были истощены. У санитаров Щипова и Белина было взято по 250 грамм крови, после чего они снова болели. Кровь брал обер-штабс-арти Гивак» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 17].

Вместо оказания необходимой медицинской помощи больным и раненым военнопленным немецкое командование через своих главных врачей Закса и Гиват прибегало к варварским способам спасения своих раненых солдат и офицеров, за счет сознательного умерщвления русских солдат.

Чтобы скрыть от мировой общественности истинные причины громадной смертности в госпитале, немецкое командование, в лице главного врача Закса, запретило указывать в истории болезни больных причину смерти от истощения, а ссылаться на туберкулез, как болезнь, приобретенную до войны и распространенную на территории СССР, вследствие скудных жизненных условий.

Так же, как и в лагере № 126, в госпитале свирепствовал нацистский террор, организаторами которого были начальник отделения гестапо Гисс и главные врачи лагеря Заксе и Гиват, а также врач лагеря по расовым вопросам, фамилия которого не установлена.

Так, только за национальную принадлежность к евреям были расстреляны профессор Свердловского университета Виткин, зубные врачи Лилькина Татьяна и вторая по имени Роза, два санитаря, пять человек из военнопленных, в том числе инструктор политотдела Московской Баумановской дивизии Чудновский. В двух случаях фашистами для умерщвления военнопленных, применялась автомашина «душегубка» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 18].

В начале 1942 года в «Большом лагере» появился сыпной тиф в очень больших размерах. Для изоляции больных в Нарвских казармах, в районе Большой Чернушенской улицы (окраина города), был организован второй лагерь, под названием южный, или «Малый лагерь». Сюда направлялись все больные тифом из «Большого лагеря».

Жизнь военнопленных в «Малом лагере» по условию и питанию ничем не отличалась от жизни в «Большом лагере», напротив, для больных там было тяжелее. Очень часто по утрам больных обнаруживали замерзшими. Смертность зимой 1941–1942 года достигла колоссальных размеров.

Как обращались с советскими военнопленными, рассказал Эрих Мюллер, ефрейтор 3-й роты 335-го охранного батальона: «В Смолен-

ском концлагере № 126 с советскими военнопленными немецкие солдаты обращались очень жестоко. Считалось, что русский – получеловек, дикарь, и поэтому всякая жестокость по отношению к русским не только оправдывалась, но и поощрялась. Их избивали, гоняли на самые тяжелые работы, а при малейшем признаке неповиновения расстреливали. Командир 335-го батальона подполковник Ширштедт инструктировал: “Русских щадить нечего, нужно, чтобы советские военнопленные постоянно чувствовали мощь германского оружия”. Мы добросовестно выполняли эти указания. Лично я убил в “Дулаге 126” не менее 30 советских военнопленных. Между солдатами возникло соревнование – кто больше убьет. Поэтому в русских стреляли по всякому малейшему поводу. Главным образом, когда они подходили к проволочному заграждению. За два месяца моей службы в лагере, то есть за декабрь 1941 года и январь 1942 года, погибло не менее 4 тысяч человек. Командование батальона всячески поощряло солдат, наиболее активно участвующих в истреблении русских. Например, командир батальона подполковник Ширштедт неоднократно выносил благодарность “за образцовую службу” командиру отделения унтер-офицеру Вайсу, а также мне» [2, с. 326].

С октября 1941 года по май 1942 года при охране советских военнопленных, работавших на очистке железнодорожного полотна на Восточном вокзале Смоленска, ефрейтор Вилли Краузе лично застрелил 20 военнопленных, которые по причине истощения не могли выполнять физическую работу, и около 30 человек забил до смерти [5].

Из показаний лекарского помощника 551-го германского военного госпиталя, старшего ефрейтора Рудольфа Модиса: «Всего в лазарете находилось 1 тысяча 200 человек, русских военнопленных постоянно находилось 180–200 человек, они помещались сюда не на предмет излечения. Они использовались как живой материал для производства над ними различных экспериментов. Немецкий медицинский персонал открыто называл русских военнопленных “подопытными кроликами”. Но никто из пленных не подозревал, что они используются немецкими врачами как материал для опытов. Русским военнопленным прививали сыпной тиф для испробования на них противотифозной сыворотки. Других военнопленных подвергали общему заражению крови (сепсису). Нередко в госпиталь поступали немецкие военнослужащие с повреждениями позвоночника. Немецкими врачами про-

изводилась пункция жидкости спинного мозга у русских пленных с последующим вводом ее раненым немцам. Обычно после этой операции у истощенных русских пленных наступал паралич нижних конечностей. В Смоленск неоднократно приезжал немецкий профессор для производства опытов по новому виду перевязки ампутированных конечностей с целью более быстрого зарубцовывания раны. Для опыта были взяты, как обычно, русские пленные. В госпиталь также часто приезжали практиканты-медики из Германии, которые учились производить операции на русских пленных как на живом материале.

В 551-м госпитале требовалось много крови для переливания раненым немецким военнослужащим. Оккупационные власти Смоленска для забора крови привлекали главным образом молодежь школьного возраста и детей 6-8 лет, так как считалось, что у них наиболее здоровый состав крови. При этом за один раз брали 600-800 кубических сантиметров, тогда как у взрослого человека, при соответствующем врачебном наблюдении и усиленном питании, разрешалось за один раз брать не более 350-400 кубических сантиметров крови. Дети были обречены на смерть. Но это считалось нормальным, ибо смерть русских детей спасала жизнь немцев. Осенью 1942 года советская авиация произвела сильный налет на железнодорожную станцию Смоленска. В результате взрыва эшелона с боеприпасами в лазарет поступило большое количество раненых немецких военнослужащих. В хирургическое отделение приняли тяжелораненого обер-лейтенанта, потерявшего много крови. Я быстро отправился в лабораторию, куда только что был доставлен девятилетний мальчик. При моем участии у него было взято более 800 кубических сантиметров крови. Ребенок потерял сознание, и когда я вторично пришел в лабораторию, мне сказали, что мальчик не выдержал и скончался.

В госпитале работали врачи преимущественно высокой квалификации. Их имена были широко известны в Германии: профессор Шем, Гетте, Мюллер, оберарцт Отт и другие. После того как подопытные военнопленные переставали интересоваться этих врачей-экспериментаторов, последние давали прямые указания уничтожить их. Таким пленным давали большую дозу повышающих сердечную деятельность средств, например, строфантин, чего их истощенный организм выдержать не мог, и они умирали.

Особой ненавистью к русским отличались профессор Шем, оберартц Вагнер и оберартц Альянс. Однажды мне пришлось помогать Штефану при операции русского, который поступил с раздробленной рукой. Я спросил у Штефана, не нужен ли местный наркоз. Штефан ответил: “Ничего, эта скотина всё выдержит. Пусть покричит, немцу русские вопли лучше театрального представления. Держите его крепче, ведь это только русские”. Мы все искренне смеялись над его остроумием. Однажды оберартц Вагнер предложил мне умертвить раненого в голову советского пленного только потому, что он, по мнению Вагнера, не подходил для экспериментальной работы. Я впрыснул этому раненому мышьяк, и раненый умер.

В 1942 году одному русскому пленному немецкие медицинские работники произвели искусственное заражение крови. После чего было введено противодействующее средство для наблюдения за действиями этого препарата. После окончания этого эксперимента данный пленный был мной умерщвлен. Умерщвление военнопленных производилось санитарями и лекарскими помощниками из числа старослужащих» [3, ф. 7021, оп. 44, д. 1090, л. 21–22].

Приведенные выше факты наглядно демонстрируют преступные действия нацистов по преднамеренному уничтожению советских военнопленных. Необходимо учитывать тот факт, что в статье использована лишь небольшая часть документов о преступлениях, совершенных ими в «Дулаге 126» над военнопленными и гражданским населением.

Масштаб трагедии и число жертв показаны только на примере одного пересыльного лагеря в Смоленске, а таких было более десяти на территории Смоленщины.

Сохранение памяти о колоссальных жертвах, которые понес наш народ, является не только важнейшей государственной задачей, но и важной общечеловеческой задачей. Однако, множество «белых пятен» в нашей военной истории порождает домыслы, слухи, а то и прямые спекуляции. До сих пор высказываются различные мнения о цене победы в Великой Отечественной войне. В государственные архивы Российской Федерации обращаются зарубежные и отечественные исследователи в поисках фактов «гуманности» немецких оккупационных властей. Это делается для того, чтобы максимально очернить образ Красной Армии и поставить ее в один ряд с вермахтом, а в отдельных

случаях придать вооруженным силам Третьего рейха благородный оттенок в борьбе «с кровавой Сталинской империей».

Поэтому так важно на современном этапе отойти от одностороннего, упрощенного изображения войны и рассказать о рассекреченных документах периода оккупации. Почти полвека на многих документах оккупационного периода стоял гриф «секретно». Но в настоящее время этот гриф постепенно убирается. В связи с этим объективно оценить этот трагический период в истории не только Смоленской области теперь смогут многие поколения.

Литература

1. Анваер С.И. Кровоточит моя память: из записок студентки-медички. – М: Росспэн, 2005. – 208 с.
2. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 756 с.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1945. – 392 с.
5. Правда. – № 293 (10069). – 16.12.45.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ 1942 ГОДА В ДНЕВНИКАХ ЭРНСТА ЮНГЕРА

Аннотация. В статье анализируются воспоминания немецкого писателя и офицера Эрнста Юнгера о событиях советско-германской войны 1941–1945 годов. В основу воспоминаний легли его записи о поездке на Восточный фронт в конце 1942 года, в которых зафиксированы размышления о природе новой войны, жизни и судьбе гражданского населения и особенностях современной войны. В них отражаются свидетельства о карательных действиях айзатц-групп и изменении характера войны по сравнению с Великой войной.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Вторая мировая война, Восточный фронт, военные переживания.

Artamoshin S.V.

Doctor of History, Associate Professor, Bryansk State University
named after. I.G. Petrovsky

EASTERN FRONT 1942 IN THE DIARIES OF ERNST JÜNGER

Annotation. The article analyzes the memories of the German writer and officer Ernst Junger about the events of the Soviet-German war of 1941–1945. His memoirs are based on his notes about a trip to the Eastern Front at the end of 1942, which reflect on the nature of the new war, the life and fate of the civilian population, and the features of modern war. They reflect the evidence of the punitive actions of the Einsatzgruppen and the change in the nature of the war compared to the Great War.

Keywords: Ernst Junger, World War II, Eastern Front, military experiences.

Э. Юнгер не воевал на Восточном фронте, но в его заметках, изданных после Второй мировой войны под название «Излучения», отражено то, что он слышал от офицеров, которые посещали немецкую военную администрацию в Париже, а также результаты обшественных наблюдений во время поездки на Кавказ в конце 1942 года. Они представляют собой свидетельство стороннего наблюдателя, который фиксировал свидетельства об особенностях войны на Востоке, а так-

же преступлений нацизма в рамках войны в отношении как гражданского населения, так и военнопленных.

Подготовка поездки в СССР началась в октябре 1942 года и планировалась на ноябрь в расположение немецких частей группы армий «А». Отправленный в служебную командировку со странными заданиями, которые до сих пор не понятны исследователям, 16 ноября 1942 года он отбыл в Восточную Пруссию. На территории СССР Э. Юнгер оказался 21 ноября, в Киеве, с тем чтобы отправиться дальше в Сталино и оттуда в Ростов. На протяжении поездки он фиксирует тяжелые условия жизни и нищету оккупированного советского населения, критическую продовольственную ситуацию в городах, которая хорошо видна по состоянию советских рынков, где продается скромное имущество населения. На страницах дневника часто появляются торговки семечками; мальчики, которые чистят сапоги на окраинах дороги; мужчины, везущие на тележках пожитки немецких солдат и офицеров. В Ростове он понял изменение положения германских войск по отголоскам информации о Сталинграде. Это стало видно по поведению немецких комендатур в отношении солдат, получивших отпуска и ожидавших на станции отправления на родину, к семьям. «Днем задержали отпускников, ожидавших своих поездов, и в наспах сформированных воинских соединениях отправили на фронт. Значит, русские прорвались к северу от Сталинграда» [2, с. 223]. Более детально ситуация под Сталинградом стала ему понятной в ходе встречи с командующим группы армий «А» Эвальдом фон Клейстом 25 ноября 1942 года. Они были знакомы еще по службе в рейхсвере и вспомнили прошлые годы, и их беседа носила доверительный характер. Обер-лейтенант Шухарт показал на штабной карте состояние 6-й немецкой армии под Сталинградом. «Жизнь на этих окруженных уничтожением пространствах ставит труднейшие задачи; по своей опасности она напоминает жизнь в осажденных античных городах, где о милости не могло быть и речи. Так же и в моральном отношении; всё время видишь, как смерть день за днем, неделями и месяцами приближается к тебе. И тут за многое приходится платить, ибо политическая система, принятая на себя государствами, выступает своей обратной стороной» [2, с. 226].

В Ворошиловске (Ставрополе – С.А.) Э. Юнгер узнал историю, связанную с деятельностью Института чумы, управляемым профессором

Хохом, сосланным сюда в годы Большого террора. «Так как Институт чумы получает в больших количествах вакцину, к нему после вхождения немецких войск была приставлена охрана. Для снабжения ему выделили колхоз, в котором русское государство до этих пор содержало и кормило восемьсот душевнобольных. Чтобы освободить хозяйство для института, этих больных уничтожила служба безопасности. В подобной акции сказывается стремление творцов идеологии заменить мораль гигиеной, точно так же, как правду – пропагандой» [2, с. 232]. Эта история отражает практику айзатцгрупп, участвовавших в убийствах политических и мировоззренческих врагов на территории Советского Союза. Юнгер стремился разделять солдат и убийц. 2 декабря 1942 года он записал: «Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять. Злодеяния уничтожают всё, людское пространство становится нежилым, будто из-за припрятанной падали. При таком соседстве вещи теряют свою душу, вкус и аромат. Дух изнемогает на задачах, которые он ставит перед собой и которые могли бы его увлечь. Но именно вопреки этому он обязан бороться» [2, с. 232–233].

Э. Юнгер в ходе поездки прибыл в штаб 17-й немецкой армии, которой командовал генерал-полковник Руафф, откуда отправился в Майкоп и далее – на позиции войск в районе Куринской. Оказавшись в расположении одной из рот, он попал под советский обстрел. Он отмечал: «Мы прыгнули в укрытие и переждали бой. Подобные положения видятся мне теперь полукомическими, полудосадными. Возраст или, скорее, состояние, в котором эти вещи кажутся увлекательными, когда стараешься превзойти самого себя, остались для меня в далеком прошлом» [2, с. 252].

На следующий день он совершил подъем на Сарай-гору, вершина которой была в руках красноармейцев. Передохнув на позициях командира роты, он вместе с ним поднялся на наблюдательный пункт, который две недели назад был прорван противником, уничтожившим всех, кто там находился. «Могильные кресты венчали высоту; они были обвиты рождественскими розами. Оттуда была видна вершина – лысая глава с бункерами в ближнем кустарнике». Его внимание привлек сопровождавший его переводчик роты. В его лице отразились изменения, которые накладывала на человека война: «Мне показалось, что стали заметнее пергаменный оттенок его кожи, неподвижность

взгляда, который я наблюдал у тех, кто стремится участвовать в таких кровопролитиях. Ставшая автоматической привычка к убийству в состоянии производить физиогномически те же разрушения, что и механический секс». Вернувшись в расположение полка, он побеседовал с генералом Фогелем, который выделил для него вооруженный конвой, чтобы он безопасно вернулся в Куринскую, так как «только вчера после наступления темноты двое связных были застрелены с тыла и ограблены вплоть до рубах» [2, с. 255].

Вернувшись в Куринскую, 19 декабря он добрался до командного пункта 97-й пехотной дивизии вместе с ее командиром генералом Руппом. Наблюдательный пункт располагался очень близко к позициям советских войск, что позволяло наблюдать за перемещениями советских солдат. Э. Юнгер отметил отличие в собственном поведении по сравнению с опытом Великой войны – он лишь наблюдал. «На голой, покрытой снегом, площадке бинокль различил группу русских, казалось, бесцельно окружавших ее то с одной, то с другой стороны, как муравьи, подползавших к ней. В первый раз, как того не желая, я наблюдал за людьми, как в телескоп, наставленный на луну. Мысль: в Первую мировую войну отдали бы приказ стрелять в них» [2, с. 258]. Э. Юнгер, как опытный наблюдатель, отметил одну характерную черту. Несмотря на изможденность и усталость солдат от боев, измотанность командиров, чьи измученные, небритые, не спавшие несколько суток лица демонстрировали всю тяжесть ситуации, несмотря на постоянные обстрелы и возникающее безразличие к жизни, среди солдат поддерживалось уважение к смерти и памяти погибших. «Посреди этой заваленной военным мусором пустыни я заметил ряд содержавшихся в чистоте могил, украшенных к рождеству ветками падубы и омелы» [2, с. 258].

Рождество 1943 года Э. Юнгер встретил на Восточном фронте, в Куринской. «Утром служба одного молодого католического священника, превосходно справившегося со своими обязанностями. Потом причащение у евангелического пастора, молодого унтер-офицера, делавшего свое дело также с большим достоинством» [2, с. 267]. Это Рождество омрачалось тяжелым военным положением, в котором оказалась 6-я немецкая армия под Сталинградом. Вообще, с момента прибытия на Кавказ Э. Юнгер не упускал из внимания сталинградскую проблему. Еще 21 декабря он отметил, что направление советского удара на-

целено на Ростов-на-Дону, который выступал «стратегической целью наступления русских. Так всегда есть шанс быть втянутым в массовую катастрофу, подобно рыбе в стае, хотя сеть и ставят вдали от нее. Однако лишь от нас зависит, станет ли массовая смерть – смерть, когда правит ужас, – также и нашим уделом» [2, с. 262]. Э. Юнгер вспоминал, что за рождественским столом офицеры вспомнили 6-ю армию. «Если ей придется погибнуть в окружении, то зашатается вся южная часть фронта, и это будет именно то, что Шпейдель предсказывал мне весной как вероятное следствие кавказского наступления. Он полагал, что оно повлечет за собой “раскрытие зонтика”, т.е. создание длинных фронтов с узкими подступами» [2, с. 265]. Уже в Майкопе в беседе с генералом Конрадом Э. Юнгер получил более подробное представление о трагической ситуации с частями 6-й немецкой армии под Сталинградом. «Он (генерал Конрад – С.А.) показал мне на столе огромную карту и сказал, что готовится отступление. Удары, нанесенные 6-й армии, расшатали всё южное крыло. Он полагает, что наши силы за последний год были растрочены впустую людьми, разбирающимися в чем угодно, но только не в умении воевать. Особенно дилетантским является пренебрежение созданием ударной группы войск на главном направлении; Клаузевиц перевернулся бы в гробу. Следуют за любым капризом, за любой случайной идеей, пропагандистские цели вытесняют стратегические. Можно захватить Кавказ, Египет, Ленинград и Сталинград, но не одновременно же! – И при этом существуют еще несколько побочных планов» [2, с. 276].

В начале января 1943 года Э. Юнгер был срочно отозван в штаб группы армии «А», которая готовилась к масштабному отступлению с Кавказского фронта. «В штабе настроение было еще более подавленным, чем в войсках; дело в том, что здесь ситуация была яснее. Котел вызвал то состояние духа, какого еще не знали в прошлые войны нашей истории, – оцепенение, сопутствующее приближению к абсолютному нулю. Дело не в фактах, как бы ужасны они не были сами по себе, не в морозе и снеге, не в гибели среди массы трупов и умирающих. Речь идет о состоянии людей, верящих, что разгром неизбежен. В штабах лучше всего слышно шуршание набрасываемой сети, почти ежедневно кто-нибудь попадает в ее петли» [2, с. 283].

Личные наблюдения Э. Юнгера сопровождаются рассказами других офицеров, с которыми он общался в Париже, создавшими первое впечатление о новой войне, подтвержденное уже в ходе поездки на

фронт. В большей степени детализация особенностей войны исходила из этих разговоров. Остановка немецкого наступления на Москву и советский контрудар привнес с собой дополнительные картины войны. В первую очередь речь идет о бытовых и погодных сложностях жизни немецких солдат на Восточном фронте, неподготовленности служб тыла к ведению зимней войны. 2 января 1942 года в вагоне купе он разговаривал с лейтенантом, прибывшим с Восточного фронта. «Его батальон потерял треть состава из-за обморожений, часть которых закончилась ампутацией конечностей. <...> К постоянной стрельбе добавился мороз со своими страшными ножницами» [3, с. 72]. С зимы 1942 года в записках Э. Юнгера начинают появляться зарисовки самой войны на Восточном фронте, которые он называл «капричос» и старался просто зафиксировать, не оценивая и не комментируя, вместе с тем, иногда передает игривую манеру рассказа рассказчика, давая намек на то, что в этом может быть и элемент фантазии. Так, в записи от 2 марта 1942 года он приводит рассказы Грюнингера, командовавшего артиллерийской батареей 281-й пехотной дивизии. «281-я дивизия, выпущенная со скудным зимнем обмундированием и сразу почти уничтоженная морозом, получила название “астматической дивизии”». Картины зимней войны сочетались с циничными зарисовками. «На перекрещении траншей в положении стоя замерз комиссар, убитый немецким ефрейтором в рукопашной схватке. Этому ефрейтору часто приходилось сопровождать в походах по позиции приезжих офицеров и обычно он проводил их мимо того места, словно скульптор, показывающий свою работу» [3, с. 103].

Поездка на Кавказ дала ему возможность познакомиться и побеседовать с участниками боев, увидеть фронт своими глазами. Его убежденность в жесточести войны и ее ином характере по сравнению с Западным фронтом в полной мере подтвердилась. «Даже между регулярными частями борьба идет не на жизнь, а на смерть. Солдат отдает последние силы на то, чтобы не попасть в руки врага, и этим объясняется стойкость, с какой сопротивляются в котле (речь идет о Сталинграде – С.А.). <...> Противники не ждут пощады друг от друга, и пропаганда укрепляет их в этом сознании. Так, прошлой зимой сани с ранеными русскими офицерами заехали по ошибке на немецкие позиции. Прежде чем обитатели траншеи заметили их, они подорвали себя гранатами. За пленными охотятся постоянно, чтобы заполучить как рабочую силу, так и перебежчиков. Партизаны же тем

более стоят вне законов войны, если вообще о таковых еще может идти речь. Их обкладывают в лесах, подобно волчьим стаям. <...> Теоретически это выглядит весьма убедительно, на практике же неминуемо ведет к тому, что поднимают руку на беззащитных. На самом деле подобное хладнокровие можно представить только в схватке со зверем или в войнах, которые ведутся между атеистами» [2, с. 242–243]. Э. Юнгер сделал акцент на жестокости войны, ставшей отличительной особенностью Второй мировой войны. «В этом смысле война на Востоке приняла тот абсолютный масштаб, который Клаузевиц после опыта 1812 года не мог себе и представить, – это война между государствами и народами, война гражданская и религиозная с зоологическим уклоном» [1, с. 303].

Э. Юнгера поразило отношение к советским военнопленным, которое он услышал в Париже от французского парикмахера. «Сволочи они все. Отнимают пищу у собак» [3, с. 120]. На Кавказе он услышал о Майвеге и его «минералогической бригаде», в которой были советские военнопленные, взятые для восстановительных работ: «бурильщики, геологи, местные рабочие-нефтяники одной воюющей частью использовались на вокзале в качестве грузчиков. Их было пятьсот человек, из которых триста пятьдесят умерло на обочинах. Когда вернули оставшихся, умерло от истощения еще сто двадцать, так что осталось только тридцать» [2, с. 273]. В Киеве он записал трагическую судьбу военнопленных киевского лагеря. «Обитатели большого лагеря заключенных, запертые там, питались вначале кониной, затем занимались каннибализмом и в конце концов умерли от голода» [2, с. 286].

Особенно Э. Юнгер пишет о жестокости массовых убийств гражданского населения, о которых ему доводилось слышать. Причастность к ним айзатцгрупп СС упоминается достаточно часто, но не единожды в его дневниках нет свидетельств об участии в этих акциях солдат вермахта. Эта территория смерти табуирована для него, и к ним он относил «все те места, где поднимают руку на беззащитных и где пытаются действовать путем репрессий и акций массового уничтожения. «Я, впрочем, не жду изменений. Всё это в духе времени, хотя бы потому, что стало своего рода эпидемией. Противники в этом недалеко ушли друг от друга. Но, может, надо было бы исследовать эти места ужаса, в качестве свидетеля увидеть всё и понять, кто они – участники или жертвы» [2, с. 244]. Круг общения Э. Юнгера позволял ему фиксировать различную информацию, и в отличие от зарисовок о СССР, они сопровождались комментариями и оценками. Это вызвано тем, что тема массо-

вых убийств волновала его в контексте преступлений политического режима, которые становятся чертой современности. «Так, генерал Мюллер рассказывал о чудовищных позорных акциях службы безопасности после взятия Киева. Снова упоминался туннель с отравляющим газом, куда завозили поезда с евреями. Эти слухи, и я записываю их в качестве таковых, но наверняка массовые убийства в огромных количествах имеют место» [2, с. 273]. Портрет массового убийцы он приводит в записи от 30 марта 1942 года, в которой отражается кровавый путь айзацгрупп в Прибалтике. «Клаус Валентинер вернулся из Берлина. Он рассказал о жутком подонке, бывшем учителе рисования, за кем тянулась зловещая слава руководителя команды убийц в Литве и других приграничных районах, ими было уничтожено бесчисленное множество людей. Согнав жертв, их заставляли выкапывать массовые могилы и укладываться туда, затем расстреливали их слоями. До этого их обирали, оставляя на теле только рубахи» [3, с. 115].

Юнгеровская оценка этих массовых убийств на территории СССР, совершенных нацистскими карательными отрядами, выглядит крайне осуждающей. Ее разрушительное воздействие на человеческую природу огромно.

Военные дневники Э. Юнгера представляют собой интерес как свидетельство не столько участника войны, сколько внимательного наблюдающего за ее ходом и характером. Его суждения позволяют увидеть, насколько изменился не только характер войн, но и насколько глубоко деформировалась природа человека под воздействием политической мотивации в эпоху идеологий.

Литература

1. Юнгер Э. Второй Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/ Пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 297–616.
2. Юнгер Э. Кавказские заметки// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/ Пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 207–273.
3. Юнгер Э. Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/ Пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 5–206.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДВИЖЕНИЯ ПОДПОЛЬЩИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (БССР) В 1941–1944 ГОДАХ

Аннотация. Статья посвящена изучению основных черт движения подпольщиков на территории Беларуси в 1941–1944 годах. В ней идет речь об особенностях подпольного движения на территории Беларуси в данный период. Авторы статьи раскрывают основные методы подпольной борьбы в БССР в 1941–1944 годах.

Ключевые слова: БССР, территория Беларуси, подпольщики, партизанская борьба, рельсовая война, немецко-фашистские захватчики, диверсионная деятельность.

Atrushkevich M.M.

candidate of historical sciences, associate professor,
Academy of public administration under the aegis of the
President of the Republic of Belarus

Tsobkalo A.A.

candidate of historical sciences, associate professor,
Academy of public administration under the aegis of the
President of the Republic of Belarus

MAIN FEATURES OF UNDERGROUND WORKERS IN THE TERRITORY OF BELARUS (BSSR) IN 1941–1944

Abstract. The article is devoted to the study of the main features of the underground workers in Belarus in 1941–1944. It deals with the features of the underground workers in Belarus during this period. The author of the article reveals the main methods of underground workers in the Belarus in 1941–1944.

Keywords: BSSR, the territory of Belarus, underground workers, guerilla warfare, rail war, Nazi invaders, sabotage activities

Существенной составной частью всенародного сопротивления немецко-фашистским оккупантам в БССР в 1941–1944 годах явилось антифашистское подполье. В целом, в подпольной деятельности участво-

вало более 70 000 белорусских патриотов. Становлению и развитию подполья на территории Беларуси способствовал тот факт, что накануне оккупации партийно-советские органы подготовили и оставили законспирированными группы организаторов подпольной работы, определили явки, виды их связи и т.д. Так, в 89 районах были оставлены подпольные партийные органы в виде райкомов, групп, троек, как правило, во главе с партработниками. Всего для нелегальной работы в тылу врага осталось 8500 коммунистов, 73 руководящих комсомольских работника. Почти все они сразу же приступили к политической и диверсионно-боевой деятельности на территории Беларуси. Это выразалось в саботаже мероприятий оккупационных немецких властей, антифашистской пропаганде, распространении листовок, во взрывах складов, коммуникационных и производственных объектов.

Одновременно с вооруженной партизанской борьбой против немецко-фашистских захватчиков разворачивалась подпольная антифашистская деятельность в городах и других населенных пунктах БССР [1]. Патриоты, которые там остались, несмотря на фашистский террор, не давали спуска врагу. Они саботировали хозяйственно-экономические, политические и военные мероприятия захватчиков, совершали многочисленные диверсии.

Именно на это ориентировала директива ЦК КП(б)Б от 30 июня 1941 года «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» [2]. Обращалось внимание на то, что партизанская борьба должна находиться в поле зрения и вестись под непосредственным руководством законспирированных подпольных структур.

Только для организационно-управленческой деятельности в тылу врага, на территории БССР, было оставлено более 1200 коммунистов, в том числе 8 секретарей обкомов, 120 секретарей горкомов и райкомов партии. Всего же для нелегальной работы в БССР оставалось свыше 8000 коммунистов [2].

Как и партизанские формирования, возникшее на территории Беларуси подполье сразу же самостоятельно приступило к диверсионной, боевой и политической деятельности. В Минске уже во второй половине 1941 года подпольщики взрывали склады с оружием и военным имуществом, цехи и мастерские по ремонту боевой техники, продукты питания, уничтожали вражеских чиновников, солдат и офицеров.

Так, в декабре 1941 года, во время напряженных боев под Москвой, они осуществили успешную диверсию на железнодорожном узле. Итогом этого явился тот факт, что взамен 90–100 фашистских эшелонов в сутки на фронт отправлялось только 5–6.

Оккупационная администрация в Минске получала сведения об активной диверсионно-боевой деятельности подпольщиков Бреста, Гродно, Мозыря, Витебска, Гомеля. В ноябре 1941 года гомельские подпольщики Т.С. Бородин, Р.И. Тимофеев, Я.Б. Шилов заложили в ресторане взрывчатку и мину замедленного действия. Когда там собрались немецкие офицеры, чтобы отметить успехи войск вермахта под Москвой, раздался мощный взрыв. Были уничтожены десятки немецко-фашистских офицеров и один генерал.

На железнодорожном узле в г. Орша эффективно действовала группа подпольщика К.С. Заслонова. В декабре 1941 года брикетно-угольными минами она вывела из строя несколько десятков паровозов. Одна часть из них была взорвана и заморожена на станции, другие взорвались на пути к фронту. Характеризуя обстановку в прифронтной полосе, оршанская группа безопасности СД Третьего Рейха сообщала своему руководству: «Диверсии на железнодорожной линии Минск–Орша стали такими частыми, что каждую из них и не опишешь. Не проходит ни единого дня, чтобы не было совершено одной либо нескольких диверсий» [2, с. 426].

После битвы под Москвой в 1941 году подпольная борьба в городах и населенных пунктах Беларуси (БССР) активизировалась. Несомненную роль в этом сыграло укрепление связи белорусского подполья с населением, партизанскими отрядами и группами, установление связи руководящих подпольных центров с «Большой землей». Подпольщики передавали за линию фронта ценные разведданные, обратно через аэродромы партизанских формирований поступала помощь оружием, минно-взрывной техникой.

Минские подпольщики в 1942 году основное внимание уделяли массово-агитационной работе среди жителей города, диверсиям, сбору разведданных. Наряду с другими активную деятельность осуществляла в Минске группа подпольщиков-студентов БПИ (Белорусского политехнического института), впоследствии вошедшая в подпольную организацию, которую возглавлял бывший партийный работник С.А. Романовский. В сентябре 1942 года члены этой группы, студенты

БПИ В. Чернов и Э. Умецкий взорвали офицерское казино немецкого авиационного штаба. В результате диверсии было убито и ранено более 30 фашистских офицеров-летчиков.

В марте–апреле 1942 года гитлеровцы нанесли тяжелый удар минскому подполью. Было арестовано более 400 человек, в том числе члены подпольного горкома партии – С.Г. Заяц (Зайцев), И.П. Козинец, Р.М. Семёнов. 7 мая они в числе других 27 патриотов были повешены. В этот же день был расстрелян еще 251 человек.

Тем не менее, минское подполье продолжало действовать. Оставшиеся на свободе члены горкома партии БССР и активисты провели структурную реорганизацию, были созданы 5 подпольных райкомов партии, ряд подпольных групп на предприятиях и в учреждениях. Однако в сентябре–октябре 1942 года минскому подполью был нанесен еще один удар. Были арестованы сотни патриотов, большинство подвергнуты смертной казни. Среди погибших были секретарь подпольного горкома партии Г.К. Ковалёв, члены горкома – Д.А. Короткевич, Б.К. Никифоров, К.И. Хмелевский, секретари райкомов – П.Е. Герасименко (с семьей), М.К. Коржаневский, И.И. Матусевич, М.А. Ширавев, руководители подпольных групп – Л.Е. Одинцов, М.А. Богданов, Е.М. Баранов и другие.

Тем не менее, подпольщики продолжали действовать. В рядах минского подполья боролись с врагом более 9 000 человек, в том числе около 1000 коммунистов и 1500 комсомольцев. За время оккупации в Минске было совершено свыше 1500 диверсий, в ходе одной из них был уничтожен гауляйтер В. Кубе.

В Витебске в 1941–1942 годах действовало 56 подпольных групп. Одной из них в 1942 году руководила В.З. Хоружая, которая была направлена сюда Белорусским штабом партизанского движения. 13 ноября 1942 года фашисты схватили и после длительных допросов замучили ее, а также С.С. Панкову, Е.С. Сурганову, семью Воробьёвых. Посмертно В.З. Хоружей присвоено звание Героя Советского Союза [2, с. 428].

Широкий размах приобрело подпольное движение в Осиповичах, Борисове, Бобруйску, Жлобине, Мозыре, Калинковичах, других городах и населенных пунктах Беларуси (БССР). Фактически в республике не было ни одной достаточно крупной железнодорожной станции, где бы не действовали патриоты.

Смело и решительно действовали подпольщики на железнодорожной станции Осиповичи. В ночь на 30 июля 1943 года они совершили

одну из самых крупных диверсий в истории Второй мировой войны. Руководитель одной из подпольных групп комсомолец Фёдор Крылович, работая на железнодорожной станции в ночную смену, подложил две магнитные мины под эшелон с горючим, который должен был отойти в сторону Гомеля. Однако произошло неожиданное. Партизаны совершили диверсию на железной дороге, и в итоге произошло скопление составов на станции. Эшелон с горючим был переведен в так называемый Могилёвский парк, где находились еще три эшелона с боеприпасами и состав с танками «Тигр». После взрыва мин около 10 часов на станции бушевал пожар, который сопровождался взрывами снарядов, авиабомб. В результате операции были полностью уничтожены 4 эшелона, в том числе один с танками, 31 цистерна с горючим, 63 вагона с боеприпасами.

Подпольная комсомольская организация «Юные мстители» была создана на железнодорожной станции «Оболь» Витебской области весной 1942 года. Возглавила ее бывшая работница витебской фабрики «Знамя индустриализации» комсомолка Ефросинья Зенькова. В состав подпольной группы вошли 40 человек. Молодые подпольщики совершили 21 диверсию, передавали партизанам оружие, медикаменты, разведданные, распространяли листовки. После ареста были замучены до смерти Н.А. Азолина, М.П. Алексеева, Н.М. Давыдова, мать Ефросиньи Зеньковой Марфа Александровна, Ф.Ф. Слышанкова и другие. После войны Ефросинья Зеньковой и Зинаиде Портновой (посмертно) было присвоено звание Героев Советского Союза [3, с. 249].

В Западной Беларуси также действовали массовые антифашистские организации, созданные по инициативе и под руководством коммунистов, бывших деятелей КПЗБ, других патриотов. В мае 1942 года на базе подпольных групп Василишского, Щучинского, Радуньского и Скидельского районов был создан «Окружной белорусский антифашистский комитет Барановичской области». Возглавили его Г.М. Картухин, А.И. Иванов, А.Ф. Манкович и Б.И. Гордейчик. К осени 1942 года под руководством окружного комитета на территории БССР вели борьбу с оккупантами более 260 подпольщиков [3, с. 250].

Важная роль в развертывании антифашистского движения в Брестской области принадлежала созданному в мае 1942 года по инициативе членов компартии БССР П.П. Урбановича, М.Е. Криштоповича, И.И. Жижки «Комитету борьбы с немецкими оккупантами». Комитет

не ограничивал свою деятельность только Брестской областью, а распространял влияние на ряд районов Барановичской, Белостокской и других областей.

В Гомеле активную борьбу с врагом вели группы на железнодорожном узле, паровозоремонтном заводе, лесокомбинате и других предприятиях города – всего более чем 400 человек. Их деятельностью управлял оперативный центр в составе Т.С. Бородина, И.Б. Шилова, Г.И. Тимофеенко [3].

Ни на один день не останавливалась антифашистская борьба в оккупированном Могилёве. Весною 1942 года около 40 групп, более чем 400 человек, объединились в подпольную организацию «Комитет помощи Красной Армии».

Анализ такого важного исторического явления в период Великой Отечественной войны, как деятельность антифашистского подполья на временно оккупированной немцами территории Беларуси (БССР) в 1941–1944 годах свидетельствует о том, что подполье с начала и до конца своего существования (а через него прошло 70 000 человек) было тесно связано с народными массами, опиралось на их постоянную поддержку. Большую часть белорусских патриотов, принявших участие в партизанском и подпольном движении, составляла молодежь в возрасте до 26 лет. В борьбе с немецко-фашистскими оккупантами участвовала значительная часть населения Беларуси, представители разных социальных слоев и национальностей. В организации этой борьбы в БССР немалую роль сыграли коммунисты, которые находились во вражеском тылу и пользовались доверием местного населения. Свидетельством этого является тот факт, что за три года вражеской оккупации в партию непосредственно на оккупированной территории Беларуси (БССР) вступило более 12 500 патриотов.

В патриотической борьбе на территории БССР в 1941–1944 годах против немецко-фашистских захватчиков активно участвовали комсомольско-молодежные организации. Их деятельностью руководил ЦК ЛКСМБ. Всего на оккупированной территории БССР было создано 10 областных и 213 межрайонных, городских и районных подпольных комитетов ЛКСМБ. Им подчинялось 2600 первичных организаций партизанских формирований и около 3335 местных подпольных комсомольско-молодежных организаций [3].

Много сил и энергии развитию молодежного подполья в БССР в 1941–1944 годах в борьбе с фашистскими оккупантами отдавали

Ф.А. Башкинцев, А.А. Быкова, П.Ф. Воложин, В.А. Голярко, А.Ю. Денисевич, М.В. Зимянин, В.И. Лузгин, К.Т. Мазуров, П.М. Машеров, П.Н. Ольшанский, С.И. Пармон, И.Е. Поляков, С.В. Притыцкий, Ф.Д. Ромма, А.Д. Рудак, А.К. Рыбаков, Т.Н. Стрижак, Ф.А. Сурганов, Э.Ф. Шубенок и др. [3, с. 275].

Таким образом, за проявленный героизм и мужество в 1941–1944 годах в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками 140 000 белорусских партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями, 88 людям присвоено звание Героя Советского Союза. Десятки тысяч патриотов Беларуси отдали свою жизнь за свободу Родины.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка // Российская академия наук. Ин-тут русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. Т. 5. – Мінск.: БелЭн, 1999. – 592 с.
3. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в годы Великой Отечественной войны; под общей ред. А.М. Литвина. – Минск: Беларуская энциклапедыя, 2019. – 352 с.

БЕРЕГОВЫЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ БАТАРЕИ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ 1941–1942 ГОДОВ

Аннотация. Рассматривается битва за Севастополь, которая являлась ключевым сражением в Причерноморском регионе в 1942–1943 годах, в ходе которой Красная Армия оттягивала на себя мощную немецко-румынскую группировку. Героически сражались с врагом береговые артиллерийские батареи, подвиг которых менее известен. Используются исторические исследования, документальная хроника, мемуары защитников Севастополя, изданные в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период, которые неизвестны современным исследователям.

Ключевые слова: береговые батареи, Керченско-Феодосийская десантная операция, мыс Херсонес, оборона Севастополя, Октябрьский Ф.С., подвиг севастопольцев, Сапун-гора, 35-я батарея, Черноморский флот.

Borisov V.I.

Doctor of Historical Sciences, Professor,
of the Smolensk State University

Kovaleva O.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Automobile and Road Institute, Gorlovka,
Donetsk People's Republic

COASTAL ARTILLERY BATTERIES IN THE DEFENSE OF SEVASTOPOL IN 1941–1942

Annotation. The battle for Sevastopol, which was a key battle in the Black Sea region in 1942–1943, during which the Red Army pulled back a powerful German-Romanian group, is considered. Coastal artillery batteries, the feat of which is less known, fought heroically against the enemy. Used historical research, documentary chronicles, memoirs of the defenders of Sevastopol, published during the Great Patriotic War and in the post-war period, which are unknown to modern researchers.

Key words: coastal batteries, Kerch-Feodosia landing operation, Cape Chersonesus, defense of Sevastopol, Oktyabrsky FS, feat of Sevastopol, Sapun Gora, battery 35, Black Sea Fleet.

Битва за Севастополь являлась ключевым сражением в Причерноморском регионе в 1941–1943 годах, в ходе которого Красная Армия оттягивала на себя мощную немецко-румынскую группировку, столь необходимую противнику на других участках советско-германского фронта.

При изучении и анализе историографии обороны Севастополя проявилась необходимость в републикации исторических исследований и воспоминаний защитников Севастополя, изданных в период Великой Отечественной войны и вплоть до конца 1940-х годов, так как данная литература издана малыми тиражами, не представлена в крупнейших библиотеках России и как следствие совершенно неизвестна современным исследователям. В этом и заключается цель статьи: используя документальную хронику, мемуары защитников Севастополя показать героическую оборону города в 1941–1942 годах, что Севастополь всегда был городом мужества и героизма русских моряков, стойкости его жителей.

Оборона и освобождение Севастополя – одна из самых трагичных и блестящих операций Великой Отечественной войны.

В целом, оценивая значение обороны Севастополя в начальный период Великой Отечественной войны, можно вычленить три фактора, оказавших влияние на весь ход войны.

Во-первых, длительное удержание мощной немецко-румынской группировки на территории полуострова и нанесение ей серьезных людских и материальных потерь. Героическая оборона Севастополя, Керченско-Феодосийская десантная операция зимой 1941–1942 года и бои за Керченский полуостров в мае 1942 года надолго связали крупные силы противника, спутали и расстроили планы немецкого командования. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах и понесли огромные потери людьми.

Небезынтересно отметить, что оборону Севастопольской городской агломерации в дальнейшем рассматривали наравне с обороной Сталинграда как образец проведения оборонительных операций. Так, когда в апреле–июне 1943 года на всем Курском выступе развернулась работа по созданию оборонительных укреплений, учитывался «опыт оборонительных операций, накопленный войсками под Москвой, Ленинградом, Севастополем, Одессой и Сталинградом» [5, с. 224].

Во-вторых, оборона Севастополя оказывала сильное влияние на партизанское движение Крыма, его снабжение, моральный облик советских партизан и в целом на тот «внутренний фронт» полуострова, который работал, в том числе и на снижение немецкого давления на Севастополь. Так, Военному Совету Черноморской группы войск в докладе о состоянии партизанского движения в Крыму было доложено: «Однако героическая оборона Севастополя снова поднимает настроение людей. Все взоры партизан были обращены в сторону Севастополя, никто и не допускал, что Севастополь будет сдан и это вполне понятно. Партизаны рассматривали Севастополь, как свою опору для дальнейших действий в Крыму» [2, с. 297].

С падением Севастопольского оборонительного района немецкие войска высвободились из Севастополя и переключились на борьбу с партизанами, началось масштабное прочесывания лесных массивов Крыма с 12 июля, то есть через 9 дней после падения Севастополя, а связь с партизанскими отрядами прервалась до 8 сентября [5, с. 54]. Но более серьезные последствия ждали южный участок советско-германского фронта.

В-третьих, захват Севастополя позволил перенести накал борьбы на южный фланг советско-германского фронта. Это были в первую очередь Сталинградское направление и одновременно территории Кавказа, а также еще более усилить давление на Новороссийскую военно-морскую базу, которая стала главной базой Черноморского флота после падения Одессы и Севастополя. Так, советские исследователи отмечали, что «потеря Крыма создала для нас дополнительные трудности в борьбе с врагом. Немцы получили возможность нанести нам удар летом 1942 года на юге, прорваться к Сталинграду и на Северный Кавказ, захватить военно-морскую базу на Чёрном море, Новороссийск и этим самым стеснить действия нашего флота» [10, с. 302].

Героически сражались с врагом артиллеристы береговых батарей. Большой урон врагу нанесла 35-я батарея береговой обороны. Но немцы занимали Севастополь и положение батареи становилось безнадёжным – тяжелые пушки невозможно было эвакуировать.

В ночь на 29 июня 1942 года, когда бои велись уже в историческом центре Севастополя, командование принимает решение перенести на батарею штаб Севастопольского оборонительного района. На 35-ю батарею прибыл Военный совет во главе с вице-адмиралом Ф.С. Ок-

тябрьским, штабы Приморской армии и Береговой обороны города. 30 июня в помещении кают-компании батареи состоялось последнее заседание Военного совета Черноморского флота и Приморской армии, на нем было принято решение об эвакуации на Кавказ Военного совета и старших командиров-специалистов. В ставку Северо-Кавказского фронта была отправлена шифрограмма, в которой было описано положение дел в Севастополе и содержалась просьба о разрешении на эвакуацию. Далее был получен ответ, в котором ставка разрешила эвакуацию из Севастополя. Командир 35-й батареи капитан А.Я. Лещенко получил приказ от коменданта Береговой обороны генерал-майора П.А. Моргунова подорвать батарею после того, как боезапас будет израсходован [9].

По воспоминаниям командира А.Я. Лещенко, к 1 июля 1942 года на 35-й батарее оставалось 3 фугасных, 7 бронебойных, 6 шрапнельных и 60 практических снарядов (болванок без взрывчатых веществ) [6, с. 194].

Ручных гранат и патронов к стрелковому оружию было достаточно. Личный состав батареи был уверен, что сумеет прикрыть отход наших частей к побережью. Эвакуацию наших войск должны были обеспечить пограничные катера и подводные лодки, но их было крайне мало, и эвакуировать всех было физически невозможно. Вблизи батареи скопилось много автомашин, во время бомбежки или артобстрела техника горела, от дыма нечем было дышать, также горящие машины в темноте очень хорошо освещали территорию батареи. Ночью обстрел прекратился, и матросы сумели скинуть машины под обрыв.

Утром 1 июля около 9:00 немцы подогнали в район Юхариной балки крупнокалиберные орудия и начали обстрел батареи, бетонному массиву эти удары особого вреда не нанесли, но сухопутная оборона была уже сильно разрушена предыдущими бомбежками. Немецкие орудия необходимо было уничтожить. Командир батареи № 18, расположенной у мыса Фиолент, лейтенант Дмитриев сумел определить расположение фашистской артиллерии и стал корректировать огонь 35-й батареи. Орудия немцев были уничтожены, но были израсходованы последние фугасные и бронебойные снаряды.

В 12:30 командир Дмитриев сообщил, что танки противника подошли к батарее № 18, на самой батарее нет снарядов, она подготовлена для подрыва, но немцы не дают возможности подобраться к орудиям батареи и уничтожить их. Командир Лещенко принял решение

вести огонь по фашистским танкам практическим снарядами. От прямого попадания танк противника рассыпался как картонный домик, остальные отошли и спрятались за складками местности. Личный состав батареи № 18 сумел подобраться к орудиям, взорвать их и прибыть на 35-ю батарею. В это же время командир Лещенко получил еще одну просьбу о помощи от старшего лейтенанта Халифа, командира батареи № 32, расположенной в Стрелецкой бухте: «Боеприпасов нет, окружены фашистами, поддержите артогнем». Но помочь было нечем, снарядов не осталось. Около 16:00 разведка батареи доложила, то немцы накапливают силы в балке у Камышовой бухты. Это примерно в одном километре от массива батареи. Чуть позднее под прикрытием артогня и бомбежки с воздуха пехота немцев двинулась в район 35-й батареи. Первую атаку удалось отбить. Наступила ночь, но артобстрелы и налеты немецкой авиации продолжались. Личный состав и бойцы из соединений Приморской армии находились в окопах и были готовы к встрече с врагом. Бойцам оставалось умереть, но не отступать, да и отступать некуда, позади только море. Единственная надежда была на корабли, которые сумеют забрать последних защитников Севастополя. В 23:35 оперативный дежурный доложил командиру Лещенко, что немцам удалось прорвать нашу оборону и отрезать от батареи правый командный пост, он находился в 450 метрах от массива. Группа наших бойцов взорвала командный пост и по подземной потерне перешла в массив батареи [6, с. 198].

О дате 1 июля 1942 года есть упоминание и в книге «Дорога к подполью» супруги старшины батареи № 35 Бориса Мельника, Евгении Мельник. В последние дни обороны она вместе с маленьким сыном находилась под массивом 35-й батареи. «Немцам удалось пробить массив батареи в двух местах. Рассказывали о том, что глыбами обрушившегося бетона завален какой-то отсек, где находились политрук Коротков и другие моряки. Никто не знал, погребены ли они заживо или убиты, сдвинуть тонны бетона и земли было невозможно», – именно так описывает Евгения Мельник гибель политрука 35-й батареи [8].

После подрыва батареи в ночь с 1 на 2 июля 1942 года особенно пострадали помещения, которые находились в блоке первой бронебашни. Поисковики ведут работу по восстановлению истории защиты батареи. Разбор бетонных завалов в этой части батареи не окончен и по сей день. Вести работы там опасно из-за угрозы обвалов. Пер-

вые поисковые отряды начали там работать только через 65 лет после взрыва, за это время грунт успел просесть. Но 2 июня 1942 года, т.е. сразу после подрыва, к входу в помещение фильтровентиляционной установки можно было пробраться. Это известно из воспоминаний бывшего начальника местной противовоздушной обороны Корабельного района Севастополя В.А. Лубянова. Он был одним из тех, кто в последние дни обороны отходил в район 35-й батареи, осколком он был ранен в ногу, но смог доползти до бетонного массива, там ему оказали помощь. Пограничные катера не могли вместить в себя всех, кто находился на западном побережье города. Оборона уже полностью рухнула, единого командования нет и нет никакой информации, о том, смогут ли спасти оставшихся в живых людей и переправить их на Кавказ. По воспоминаниям В.А. Лубянова, он тогда оказался в группе людей, укrywшихся под частично уцелевшим после подрыва массивом 35-й батареи. Их было 288 человек, все они находились в районе первой башни: «Я попал к людям, не знавшим меня. Я их тоже не знал, но нас объединяло одно желание – не сдаваться в плен, и мы надеялись, что удастся наладить связь с большой землей. Были у нас и радисты. Они наладили приёмник, но заставить работать не смогли». 5 июля немцы уже полностью овладели берегом и находились даже в жилой части батареи. Группа наших бойцов укрылась на нижнем уровне. В воспоминаниях В.А. Лубянов пишет, что возглавил эту группу подполковник С.А. Комарницкий – начальник штаба 109-й стрелковой дивизии Приморской армии. Присутствие С.А. Комарницкого в казематах батареи не отражено в сохранившихся документах, но вполне логично. Именно 109-я стрелковая дивизия прикрывала отход уцелевших частей Приморской армии на западное побережье Севастополя. Командовал дивизией генерал-майор П.Г. Новиков. Именно Новиков приказом командующего Черноморским флотом Ф.С. Октябрьского был назначен старшим военным начальником Севастополя. В казематах 35-й батареи за сутки до ее подрыва размещался штаб 109-й дивизии. Сам генерал окажется в немецком плену, будет передан в руки гестапо, погибнет в феврале 1944 года в концлагере г. Флоссенбюрг.

«Осажденные разместились в помещении главного боезапаса (артпогребов). Была сформирована рота с разбивкой по взводам. На батарее был обнаружен склад продовольствия, где был рис, мука, сахар, хлеб и крупы. Но пресной воды на батарее почти не было. Немного ее

оказалось в котле, но ее давали только раненым. Ночью по штормтрапу спускались на берег (от 1-й башни) и приносили ведрами морскую воду. Давали по кружке», – так пишет В.А. Лубянов в своих воспоминаниях.

Немцы пытались занять нижние уровни батареи через аварийные выходы. Именно такой выход к морю есть и у помещения фильтровентиляционной установки, он же был и воздухозаборником. Со стороны моря эти выходы смотрятся как небольшие отверстия в скалах, примерно на высоте 15 м от уровня моря, они довольно небольшие (меньше человеческого роста), издавлека их можно принять за природные гроты.

Из воспоминаний В.А. Лубянова также известно: «Утром 7 июля подошли два немецких катера и открыли огонь. Снаряды рикошетировали и рвались в толпе, спешившей укрыться в коридоре и складе боезапаса. Через полчаса обстрел прекратился. Немцы приставили пожарные выдвигные лестницы. Раздался крик тревоги. Бойцы бросились к входам. У каждого были автоматы, гранаты. Дав немцам подойти поближе, забросали гранатами и открыли огонь. Немцы отошли на катера, которые минут через 10–15 ушли. Среди защитников батареи было убито 33 человека, еще больше было раненых. Среди убитых был подполковник Комарницкий, майор и другие командиры и рядовые...» [7].

Только с помощью этих воспоминаний удалось установить судьбу и дату смерти подполковника С.А. Комарницкого, он погиб 7 июня 1942 года у аварийного выхода 35-й батареи, во всех официальных бумагах он числится как без вести пропавший. Также в отрывке воспоминаний В.А. Лубянов описывает какой-то коридор, в котором укрывались люди. В правом ответвлении воздухозаборника, на прямом участке, который ведет к выходу к морю даже сегодня хорошо видны повреждения в бетоне. На другом выходе никаких следов повреждений на стенах не обнаружено. Специалисты взрывотехники дали заключение, что это следы прямого попадания снаряда в бетонную стену, более мелкие повреждения – это следы осколков. Предположительно от разрыва этого снаряда и погиб подполковник Комарницкий.

Со дня окончания обороны Севастополя минуло уже 76 лет, но до сих пор очень многие события и подвиги защитников города остаются неизвестными. Поэтому каждая установленная судьба – это малень-

кая победа. Подвиг защитников города никогда не будет забыт, а память о них храниться в музее «35-я Береговая Батарея» и в семьях их потомков.

30 июня 1942 года И.В. Сталин отдал приказ оставить Севастополь. Но сделать это было физически невозможно. Бои продолжались до 12 июля. Последние защитники оказались прижатыми к морю у мысов Херсонес и Фиолент. Командование флотом и Приморской армией, включая И.Е. Петрова и Ф.С. Октябрьского, на последних самолетах и подводных лодках эвакуировалось на Кавказ.

Подавляющее большинство защитников Севастополя немцы взяли в плен. Многие отстреливались до последнего, а потом кончали с собой. Некоторые пытались добраться до Кавказа вплавь, единицам это даже удавалось... «Оставшиеся бойцы дерутся героически, в плен не сдаются, при безвыходном положении уничтожают сами себя. Севастополя, как города, нет – разрушен», – со слов очевидцев.

Несмотря на все эти военные и политические факторы, Севастопольская оборонительная операция принесла значительный успех в деле борьбы с немецко-фашистскими войсками и благотворно повлияла на ход этого противостояния, позволив оттянуть на себя значительные силы немецких войск и их союзников.

Многие исследователи и мемуаристы отмечали, что оборона Севастополя сыграла значительную роль в преддверии немецких действий 1942 года, зимой и весной 1942 года. Севастополь – это психологический перелом, который изменил весь ход наступления на Южном направлении.

Освобождение Севастополя стало одной из самых блестящих операций Великой Отечественной. 5 мая 1944 года советские войска начали отвлекающее наступление на позиции фашистов в районе Мекензиевых гор, а 7 мая, после массированной артподготовки, при мощнейшей поддержке с воздуха наша армия штурмом взяла Сапун-гору.

9 мая, ровно за год до Победы, освободители форсировали Севастопольскую бухту, и над городом взвилось победное знамя – советский военно-морской флаг.

Вплоть до 12 мая 1944 года фашистов гнали к мысу Херсонес и добивали. Корабли фашистов, уходившие в море, топили моряки. Почти 200 000 советских людей, погибших за Севастополь, были сполна отомщены.

В Севастополе есть памятник, где выбиты такие слова: «В груди великого города будет вечно биться сердце русской славы». Эти слова доказывают величие города, славу его жителей.

В заключение необходимо отметить, что те подвиги, которые совершались повсеместно на протяжении всего военного времени во имя Родины, Победы, являются ярким примером доблести, мужества, патриотизма, огромной любви и преданности Родине.

Литература

1. Ванеев Г.И. Севастополь. 1941–1942. Том 2. – Киев: Украина, 1995. – 285 с.
2. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011.– 756 с.
3. Военно-исторический форум реконструкторов Крыма и Севастополя. Экспедиции ПО «Севастополь» РО ДОСААФ России г. Севастополя. URL: <http://www.reenactors-krim.info/threads/ehkspedicii-po-sevastopol-ro-dosaaf-rossii-g-sevastopolja.877/> (дата обращения 17.01.2021).
4. Гаврилкин Н.В. Севастопольская 305-мм башенная батарея № 35. – URL:<http://www.bellabs.ru/30-35/35.html> (дата обращения 17.01.2021).
5. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 608 с.
6. Лещенко В., Лещенко А. Выверено жизнью и смертью... – Киев: Полипринт, 2011. – 224 с.
7. Маношин И.С. Героическая трагедия. Сборник воспоминаний. – URL:http://militera.lib.ru/h/manoshin_is/02.html (дата обращения 17.01.2021).
8. Мельник Е. Дорога к подполью. – URL:<http://indbooks.in/mirror4.ru/?p=6237> (дата обращения 17.03.2020).
9. ОБД «Мемориал». – URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75842379> (дата обращения 17.01.2021). Официальный сайт ММК «35-я Батарея» URL:<https://35battery.ru/index.php/ru/museum-history/history.html>(дата последнего обращения 17.01.2021).
10. Шунков В.Н. Оружие и военная техника, изменившие ход истории. История вооружений от глубокой древности до наших дней. – М.: АСТ, 2013. – 320 с.

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ВЫХОД ФИНЛЯНДИИ ИЗ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

Аннотация. В статье освещается прогерманская политика правящих кругов Финляндии, приведшая ее к войне с СССР. Раскрыта героическая оборона пограничников рубежей Родины от захватчиков. Более подробно проанализирована деятельность командования и бойцов Карельского фронта в оборонительных боях и в проведении наступательных операций против немецко-финских войск, которые заставили Финляндию выйти из войны. Также описаны бои в советском Заполярье.

Ключевые слова: Заполярье, Карелия, Карельский фронт, Киркенеская операция, Мерецков К.А., пограничные части, Сvirско-Петрозаводская операция, Финляндия.

Borisov V.I.

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Smolensk State University

THE KARELIAN FRONT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR AND FINLAND'S WITHDRAWAL FROM THE WAR 1941–1945

Annotation. The article highlights the pro-German policy of the ruling circles of Finland, which led to its war with the USSR. The heroic defense of the border guards of the borders of the Motherland from the invaders is revealed. The activity of the command and soldiers of the Karelian Front in defensive battles and in carrying out offensive operations against the German-Finnish troops, which forced Finland to withdraw from the war, is analyzed in more detail. The battles in the Soviet Arctic are also described.

Key words: Polar region, Karelia, Karelian front, Kirkenes operation, Meretskov K.A., border units, Svirsk-Petrozavodsk operation, Finland.

Обширный Советско-германский фронт во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов подразделялся на целый ряд оперативно-стратегических объединений советских вооруженных сил или фронтов. Это делалось для решения важных оперативно стратегических задач на том или ином направлении общего и очень протяженного фронта борьбы между вооруженными силами нацистской

Германии, ее союзников и Советского Союза. В ходе военного противоборства было задействовано различное количество фронтов. В начале Великой Отечественной войны было создано 5 фронтов. Затем количество фронтов увеличивалось до 10–15. Они формировались и объединялись, разъединялись и реорганизовывались в зависимости от складывавшихся объективных обстоятельств. В военную историю они вошли с разной долей известности, но все они в свое время были необходимы и выполняли свои определенные задачи в ходе беспримерной по масштабам и ожесточенности вооруженной борьбы.

В литературе основной акцент делается на описании войны СССР с Германией. Некоторое место находится для их союзников, воевавших непосредственно с Советским Союзом. Но почти не подчеркивается тот факт, что против СССР был организован «крестовый поход» всех стран Европы. Каждая европейская страна, кроме Швейцарии, сформировала и отправила на Восточный фронт определенную воинскую единицу. Хочется еще раз подчеркнуть, что это страны, оккупированные фашистской Германией, не объявившие войну СССР, но представившие ей свои вооруженные силы для похода на Советский Союз. В данной статье будет рассмотрена война с Финляндией, которая воевала за интересы Германии и была ее верным союзником.

Еще до начала войны с Советским Союзом немцы предложили финнам вступить в ряды В-СС. Первый призыв дал немцам 1200 добровольцев. В течение мая–июня 1941 года добровольцы были переправлены в Германию. По прибытии добровольцы были распределены на две группы. После обучения был сформирован финский добровольческий батальон войск СС. В январе 1942 года финский батальон прибыл на фронт в расположение дивизии «Викинг» на рубеж реки Миус. Вплоть до 26 апреля 1942 года батальон вел бои на реке Миус против частей 31-й пехотной дивизии РККА. После тяжелых боев финны были выведены с участка фронта на пополнение, длившееся до 10 сентября 1942 года. Изменение обстановки на фронте потребовало участия батальона в кровопролитных боях за Майкоп, в которых немецкое командование использовало финнов на труднейших участках [10].

Немецкие самолеты, базировавшиеся на финских аэродромах, с первого дня войны приняли участие в бомбардировке советских городов. 22 июня финские войска заняли демилитаризованные Аландские острова, совершив таким образом агрессивные действия. В ответ со-

ветская авиация стала бомбить финские аэродромы и города, что послужило поводом для Финляндии объявить СССР войну 25 июня. Наступление финской армии на Советский Союз летом 1941 года было продиктовано существовавшим соглашением между Хельсинки и Берлином. Активную поддержку финскому правительству оказывало офицерство и элита общества, которые стремились завоевать Советскую Карелию и выдвигали лозунг «создания Великой Финляндии» до Урала. Чтобы привлечь на свою сторону массы, простому народу внушалась мысль о том, что: во-первых, Финляндия защищает себя от очередного нападения со стороны Советского Союза; во-вторых, их задача – отвоевать территорию до старой государственной границы [3].

Первыми удар финских войск приняли на себя советские пограничники. Бессмертный подвиг совершили пограничники 80-го пограничного отряда под командованием старшего лейтенанта Никиты Фадеевича Кайманова. В конце июня – июле 1941 года на Карельском участке государственной границы СССР старший лейтенант Кайманов Н.Ф. 20 суток (из них 14 – в полном окружении) во главе сводного отряда пограничников численностью 146 человек отражал многочисленные атаки противника. Сводная группа в течение 20 дней вела бои с превосходящими силами противника, отразила 60 атак и нанесла ему большие потери. Стойкая оборона не позволила использовать дорогу в своих целях. Финские и немецкие части понесли потери до 500 солдат и офицеров. Группа сковывала возле себя до 2500 солдат противника, чем оказала большую помощь нашим частям. Потеряв связь с командованием и выполнив боевую задачу, отряд прорвал кольцо окружения и, пройдя по болотам и лесам 160 километров, соединился с советскими войсками. 26 августа 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Кайманову Н.Ф. присвоено Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Другие пограничники также получили высокие правительственные награды. Подвиг пограничников под командованием Н.Ф. Кайманова называют «Северной Брестской крепостью». Так же мужественно сражались пограничники по всей линии государственной границы [10].

Карельский фронт как оперативно-стратегическое объединение советских войск действовал в Великой Отечественной войне на северном участке Советско-германского фронта в 1941–1944 годах. Он был образован решением Ставки ВГК от 23 августа 1941 года путем

разделения Северного фронта на Ленинградский и Карельский. В его состав вошли войска, расположенные на линии от Баренцева моря до Ладожского озера. Командованию Карельского фронта был оперативно подчинен Северный флот. Фронту была поставлена ответственная задача: укрепить северный стратегический фланг Советских Вооруженных Сил и обеспечить сухопутные и морские коммуникации, проходящие на этом северном участке страны [12, том 4, с. 85–86].

Соотношение сил и средств в полосе Карельского фронта в начале военных действий [1, с. 2]

Наименование сил и средств	Советские войска	Войска противника
Солдаты и офицеры	свыше 103 290	около 250 000
Орудия и минометы	более 1 500	2 300
Боевые самолеты	273	547
Танки	около 100	свыше 200

Весь начальный период военных действий, особенно в июле–сентябре 1941 года советским войскам пришлось вести изнурительные оборонительные бои с превосходящими силами гитлеровцев и финских войск. На северном участке фронта враг стремился прорваться к Мурманску и захватить этот важнейший портовый город на Баренцевом море. Бои носили ожесточенный характер. Враг намеревался овладеть незамерзающим Мурманским портом, главной военно-морской базой в Полярном и перерезать линии Кировской железной дороги на выходе к морскому побережью. Стремясь овладеть Советским Заполярьем, гитлеровцы тем самым пытались лишить Советский Союз транспортной связи с союзниками через северный морской путь. Они намеревались соорудить еще одно блокадное звено вокруг нашей страны, Советские войска, обороняясь, сами переходили в наступление, наносили контрудары по наступающим войскам противника. В конце июля 1941 года его войска были отброшены на западный берег реки Западная Лица. Гитлеровцы вынуждены были перейти к позиционной обороне.

Несколько южнее советские войска под давлением превосходящих сил противника на Кандалакшском направлении отошли на рубеж восточнее населенного пункта Алакуртти. Нечто подобное произо-

шло и в районе Кастеньга. 8 августа 1941 года после упорных боев советские войска оставили город и закрепились на позициях восточнее его. Таким образом, враг был остановлен за пределами вышеназванных городов, которые явились конечными железнодорожными станциями на западных ответвлениях от Кировской железнодорожной магистрали.

Что касается наступления финских войск на Ухтинском и Ребольском направлении, то и здесь врагу не удалось осуществить в полной мере конечные замыслы. Финские войска были остановлены западнее городов Ухта и Реболы. Тем более им не удалось достичь линии Кировской железной дороги. Враг был задержан, а затем полностью остановлен. В конце ноября 1941 года фронтовая линия здесь стабилизировалась.

В сентябре 1941 года Карельская армия финнов, превосходившая по численности советские войска более чем в 3 раза, развернула сильное наступление на Петрозаводском и Олонецком направлениях. Враг прорвал оборону советских войск, захватил город Олонец, форсировал реку Свирь, временно перерезал линию Кировской железной дороги. В конце сентября финская Карельская армия, сосредоточив на Петрозаводском направлении более половины своего состава, начала упорные бои за город Петрозаводск. Советские войска оставили город и отошли на северный берег реки Шуя. Затем враг продолжил свое наступление на город Медвежьегорск. В ходе ожесточенных боев город несколько раз переходил из рук в руки. И всё же нашим войскам пришлось оставить Медвежьегорск и по льду Повенецкого залива отойти на его восточный берег. Но дальнейшее наступление врага было приостановлено, и он должен был перейти к длительной обороне.

В результате героического советского сопротивления, ожесточенных боев и неоднократных контрударов по противнику ему так и не удалось достичь своих конечных целей. Финским и гитлеровским войскам не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Советские войска сохранили за собой восточный берег Ладожского озера. В Заполярье враг не достиг желаемых для него результатов. Карельский фронт обеспечил свободу действий Северного флота в Баренцевом море. Транспортная связь Заполярья и Советской Карелии с центральными районами страны сохранилась. Были созданы условия для защиты северного морского транспортного пути.

Своим стойким сопротивлением советские войска сковали более 20 дивизий противника на длительное время и подготовили условия для перехода в победоносное наступление в 1944 году. Советская авиация, несмотря на трудности авиационного базирования и неблагоприятные метеорологические условия, эффективно прикрывала живую силу и боевую технику от ударов вражеской авиации и поражала самые разнообразные инженерные объекты противника. Характерной чертой партизанского движения в этой не очень-то населенной местности являлось то, что они базировались на неоккупированной территории, а в тыл врага направлялись лишь для выполнения заданий в интересах Карельского фронта [10, том 4, с. 85]. Это был особый вид партизанских ударов в тыловой зоне вражеских вооруженных сил.

За довольно длительный период стабилизации фронтовой линии советская сторона пополнилась силами и средствами для предстоящего решительного контрнаступления. Только осенью 1944 года началось наступление советских войск по освобождению оккупированных врагом советских территорий в Карелии и в Заполярье.

С этой целью были проведены две наступательные операции: Свирско-Петрозаводская (21 июня–9 августа 1944 года) [10, том 7, с. 265] и Петсамо-Киркенесская (7–29 октября 1944 года) [10, том 6, с. 321].

Соотношение сил и средств к началу Свирско-Петрозаводской операции в 1944 году [1, с. 4]

Наименование сил и средств	Советские войска	Войска противника
Солдаты и офицеры	около 184 000	130 000
Орудия и минометы	около 4 000	до 1 000
Боевые самолеты	854	30
Танки и самоходки	223	около 20

Соотношение сил и средств к началу Петсамо-Киркенесской операции 1944 года [1, с. 6]

Наименование сил и средств	Советские войска	Войска противника
Солдаты и офицеры	около 99 650	53 000
Орудия и минометы	более 9 100	более 750
Боевые самолеты	свыше 1 000	160
Танки и самоходки	123	свыше 50

В Свирско-Петрозаводской операции, начавшейся 21 июня 1944 года советские войска успешно форсировали реку Свирь, прорвали первую полосу обороны и вышли к Олонецкому укрепленному району. Уже 25 июня советские войска штурмом взяли вражеские укрепления и освободили город Олонец. При освобождении города Петрозаводска Онежская военная флотилия в непосредственной близости от Петрозаводска высадила морской десант. В ходе тяжелых боев 23 июня был освобожден город Медвежьегорск. 28 июня были освобождены города Кондопога и Петрозаводск. К 10 июля после упорного штурма была освобождена Питкяранта. К 21 июля советские войска стали выходить на линию советско-финской границы. Советские войска с боями прошли 110–250 км. Выход советских войск к советско-финской границе создавал предпосылки к выходу Финляндии из войны. Очень активно действовала советская авиация. В очень сложных и своеобразных условиях местности использование танковых войск было ограничено. Успешная Свирско-Петрозаводская операция помогала создавать благоприятную обстановку для действий по освобождению Советского Заполярья.

Но внутренняя обстановка в Финляндии всю войну было сложным. Продовольственное положение ухудшалось. Гражданское население получало 80–100 г хлеба в день, солдаты – 300. Солдаты не хотели воевать. Немецкие части, находившиеся в Финляндии, высокомерно относились к солдатам и местному населению, совращали женщин. Острота противоречий нашла отражение даже в военном фольклоре. Об этом свидетельствует популярная среди финнов песня.

ФРОНТ ВНУТРИ СТРАНЫ

Закончился день и ночь наступает,
Орудия на минутку замолкли,
Молодые солдаты получили на время покой,
Их мысли мчатся домой.

Там в кустарниках немцы в любовь играют,
От альпийских сапогов остаются только следы,
Там наши «доблестные» женщины отдыхают
На руках саксманов [14, с. 132].

(Саксман – немец в оскорбительной форме – прим. В.Б.).

Успехи Карельского фронта заставили Финляндию искать пути выхода из войны. Договор о прекращении военных действий между Финляндией и Советским Союзом был подписан в Москве 19 сентября 1944 года. В финской истории этот договор называется «соглашение о перемирии».

После победоносных боев советских войск в Карелии и последовавшего за этим выхода Финляндии из войны предстояло еще освободить Советское Заполярье от немецко-фашистских захватчиков. Там засел 19-й горно-стрелковый корпус 20-й горной немецко-фашистской армии. Гитлеровское командование намеревалось во что бы то ни стало удержать за собой район Петсамо-Киркенес как источник важного стратегического сырья и удобную военно-морскую базу на Крайнем Севере Европы. Советским войскам пришлось действовать в условиях труднопроходимой, горно-лесистой местности, изобилующей множеством скалистых сопок, рек, ручьев, озер и болот. В течение трех лет немцы укрепляли сильную оборону. Они создали три оборонительные полосы. Глубина обороны достигала 150 км.

Советские войска, закаленные в оборонительных боях и пополненные новыми силами в личном составе и создавшие перевес над противником в артиллерийско-минометном вооружении, в авиации и в бронетанковых средствах, разгромили весьма квалифицированного противника, яростно пытавшегося уйти от поражения.

Командующие Карельским фронтом: сентябрь 1941 – февраль 1944 годов – генерал-полковник В.А. Фролов; февраль 1944 – ноябрь 1944 годв – Маршал Советского Союза К.А. Мерецков. В руководящий состав советского командования Карельского фронта входили генерал-майор Л.С. Сквирский, генерал-лейтенант В.А. Пигалевич, генерал-лейтенант А.Н. Крутиков и др.

Следует еще отметить, что проведение Свирско-Петрозаводской операции, Петсамо-Киркенесской операции взаимодействовало с Выборгской наступательной операцией правого крыла Ленинградского фронта при поддержке Краснознаменного Балтийского флота и Ладожской военной флотилией. Она была проведена в июне 1944 году и явилась, кроме того, одной из завершающих операций битвы за Ленинград 1941–1944 годов.

В связи с выводом Финляндии из войны Карельский фронт в конце 1944 года был постепенно расформирован. Его полевое управление

выведено в резерв в г. Ярославль. В апреле 1945 года оно было переброшено на Дальний Восток. Там на его базе было создано полевое управление Приморской группы войск. Позже оно было переименовано в полевое управление 1-го Дальневосточного фронта.

Литература

1. Боевые действия войск Карельского фронта. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Карты. – М.: ГУГК Картография, 1985.
2. Борисов В.И., Ошеров В.Б., Савельев Ю.Е. Политика царизма в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX веков. – М.: МАДИ (ГТУ), 2003. – 100 с.
3. Война – продолжение 1941–1944 гг. – URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/vojna-prodolzhenie-1941-44-gg/> (Дата обращения 09.04.2021).
4. Гнетнев К.В. Карельский фронт: тайны лесной войны. – Петрозаводск: Острова, 2011. – 415 с.
5. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Военно-исторический очерк. – М., 1984. – 359 с.
6. Колосенок С.В., Сулимин С. Север сражается. Рассказы и очерки о Карельском фронте. – Беломорск: Госиздат КФССР, 1943. – 88 с.
7. Крестовый поход на Россию. – М.: Яуза, 2005. – 480 с.
8. Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. – Петрозаводск: Карелия, 1975. – 232 с.
9. По обе стороны Карельского фронта. – Петрозаводск, 1995. – 636 с.
10. Подвиг пограничников старшего лейтенанта Кайманова. – URL: https://obratnosssr.mirtesen.ru/blog/43552063124/Podvig-pogranichnikov-starshego-leytenanta-Kaymanova?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения 17.01.2021).
11. Слава тебе, Карельский фронт! Воспоминания ветеранов. – Петрозаводск, 2004. – 365 с.
12. Советская военная энциклопедия. – М.: Воениздат, 1980.
13. Счеревский В.С., Дрыгин Ю.Д. Застава в огне. – Петрозаводск, 1982. – 165 с.
14. Татаркина Н.В. Участие частей финской армии в битве за Ленинград (1941–1942 гг.)// Научные труды международной научно-практической конференции ученых МАДИ(ГТУ), РГАУ-МСХА, ЛНАУ. 19–20 января 2012 года. Том 4. История. – Москва–Луганск: Издательство МАДИ(ГТУ), РГАУ-МСХА, ЛНАУ. 2012. – 196 с.
15. Чернышева Т.А. Застава Кайманова. – Петрозаводск, 1975. – 118 с.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОККУПАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ
ВЯЗЕМСКОГО РАЙОНА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯЗЕМСКОЙ РАЙОННОЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ**

Аннотация. Представленная статья подготовлена в рамках реализации проекта «Без срока давности». Рассматривается вопрос о масштабах преступлений нацистов на территории Вяземского района Смоленской области. Определены наиболее пострадавшие от вражеской оккупации сельские советы Вяземского района. Особое внимание уделено изучению масштабов преступлений немецко-фашистских захватчиков на территории Хмелитского сельского совета, который в настоящее время территориально вошел в государственный историко-культурный и природный музей-заповедник «Хмелита».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупационный режим, преступления нацистов, Вяземский район, музей «Хмелита».

Zhurkov A.S.
junior researcher of
Museum-reserve «Khmelita»

**CRIMES OF THE OCCUPIERS ON THE TERRITORY OF VYAZMA
DISTRICT OF SMOLENSK REGION BASED ON THE MATERIALS
OF THE VYAZMA REGIONAL EXTRAORDINARY STATE
COMMISSION**

Annotation. The presented article was prepared within the framework of the project “Without an expiry date”. The issue of the scale of Nazi crimes on the territory of Vyama district of Smolensk region is being considered. The village councils of Vyazma region most affected by the enemy occupation have been identified. Particular attention is paid to the study of the scale of the crimes of the Nazi invaders on the territory of the Khmelita village council, which is now territorially included in the state historical, cultural and natural museum-reserve “Khmelita”.

Key words: the Great Patriotic War, the occupation regime, the crimes of the Nazis, Vyazma district, Khmelita museum.

Великая Отечественная война нанесла колоссальный урон Советскому Союзу. Прежде всего, это потери мирного населения. Наиболее сильно пострадали те территории СССР, которые находились в зоне прямых боевых действий и в зоне временной оккупации. К их числу принадлежит Вяземский район Смоленской области, где в октябре 1941 года, зимой – весной 1942 года и в марте 1943 года проходили боевые действия. Кроме того, 17 месяцев Вяземский район находился в оккупации.

После освобождения Вязьмы, с 25 марта 1943 года, Вяземской районной Чрезвычайной Государственной комиссией было начато расследование злодеяний немецко-фашистского оккупационного режима на территории Вяземского района Смоленской области. Было выявлено огромное количество фактов, совершенных злодеяний и определены масштабы совершенных преступлений. Собранная информация легла в основу историографии, рассматривающей вопросы преступлений оккупационного режима на территории Смоленской области и Вяземского района в частности. В 1960–1970-х годах в Смоленском отделении издательства «Московский рабочий» вышли сборники документов «Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов и материалов» [9]. В данном сборнике содержится отдельная глава, в которой представлены акты и другие документы, зафиксировавшие злодеяния и преступления нацистского режима в период оккупации Смоленской области. В 2003 году вышел сборник «...Все судьбы в единую слиты...». Сборник основан на документах Государственного архива Смоленской области и Центра документации новейшей истории Смоленской области, рассекреченных в конце 80 – середине 90-х годов XX века. В книге представлены ранее не используемые документы о злодеяниях гитлеровских захватчиков [1]. В 2020 году был издан 23-томный сборник документов «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой: документы и материалы». Каждый том этой серии посвящен одной из оккупированных в годы войны территории РСФСР. Там № 19 посвящен Смоленской области. В сборнике документов собран уникальный архивный материал, раскрывающий факты геноцида мирного населения Смоленской области [4]. Несмотря на то, что за послевоенные годы тема преступлений немецко-фашистского оккупационного режима достаточно рассмотрена и изучена [2, 6, 7, 8], масштабы произошедшей трагедии

огромны. В представленном исследовании внимание будет сконцентрировано на потерях среди гражданского населения в сельсоветах Вяземского района.

Основные источники по изучению злодеяний оккупационного режима содержатся в документах Вяземской районной Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению злодеяний и зверств немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинения ими ущерба району. Документы данной комиссии составляют два дела, которые называются: «Материалы комиссии по установлению фактов злодеяний немецко-фашистскими захватчиками за период временной оккупации территории района с 6.10.1941 г. по 12.03.1943 г.», «Персональные списки граждан, расстрелянных, повешенных, сожженных, угнанных в рабство, умерших от голода и болезней и итоговый материал по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам района». Первое дело было начато 25 марта 1943 года и окончено в апреле 1944 года. В нем имеются справки, акты и другие источники, в которых зафиксированы факты злодеяний, а также учтены размеры материального ущерба. В деле имеется следующий массив документов:

- ежедневная красноармейская газета 5-й армии «Уничтожим врага» № 70 от 25 марта 1943 года;
- справки и ведомости о нанесении материального ущерба Вяземскому району в целом и отдельно по сельсоветам;
- акты о преступлениях фашистов против гражданского населения и военнопленных;
- персональные списки граждан, расстрелянных, повешенных, сожженных, угнанных в фашистскую неволю, а также умерших от голода и болезней;
- реестр актов по учету ущерба причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам Вяземского района;
- сводные ведомости нанесения ущерба, выражающиеся в денежном и натуральном выражении.

Наиболее важными документами являются:

- акт Вяземской районной Чрезвычайной Государственной комиссии от 15 июня 1943 года (сокращенный) и акт от неустановленной даты 1944 года (более подробный);

– справка, выданная отделу контрразведки «СМЕРШ» 43-й армии от 20 апреля 1944 года;

– список населенных пунктов Вяземского района, сожженных немецко-фашистскими захватчиками;

– справки, содержащие общие цифры о погибших, умерших, угнанных в Германию граждан и цифры материального ущерба [5, ф. 65, оп. 1, д. 6].

Обратимся к исследованию и анализу материалов вышеназванной комиссии, сделав одну существенную оговорку: в 1943 году Вяземский район имел другое административное территориальное деление. В состав района входило 26 сельских советов. Современный Вяземский район приобрел свои границы в 1962–1963 годах, когда после нового территориально-административного деления Смоленской области в его состав вошла большая часть территории Семлёвского и Тумановского районов. В представленном исследовании мы рассматриваем Вяземский район в границах 1943–1945 годов.

При внимательном и детальном изучении документов обнаруживаются некоторые противоречия. Например: в акте комиссии от 15 июня 1943 года указано «зверская расправа с мирным населением: а) расстреляно и повешено – 333 человека; б) умерло от голода и болезней в период оккупации – 271 человек; в) угнано оккупантами на каторжные работы в тыл – 1615 человек» [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 3 об. ст]. В более поздней справке о злодеяниях и зверствах немецко-фашистских захватчиков над мирным населением и об ущербе, причиненном хозяйству Вяземского района, от 29 декабря 1943 года, указывается: расстреляно, сожжено, повешено – 688 человек; умерло от голода и болезней – 1946 человек; угнано в рабство – 4763 [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 6]. В других документах, например, в справке, выданной отделу контрразведки «СМЕРШ» 43-й армии приводятся другие данные: «Расстреляно, повешено, сожжено – 1030 человек; умерло от голода и болезней – 824 человека; угнано оккупантами на каторжную работу – 3547» [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 18]. Эти же цифры повторяются в акте от неустановленной даты 1944 года [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 15]. Цифра в 1030 расстрелянных, замученных и сожженных жителей повторяется в списках от 15 июня 1944 года» [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 6]. Таким образом, мы можем констатировать, что к июню 1944 года цифра умерших насильственной смертью была уточнена на 164 человека. При этом хотелось

бы обратить внимание на следующее: в поименном списке жертв – граждан Вяземского района расстрелянных, сожженных и повешенных немецко-фашистскими оккупантами за период 06.10.1941–13.03.1943 указано только 368 фамилий. В примечаниях к списку указано «...на остальных установить персонально, кто был, не представляется возможным, в число их входят также расстрелянные, замученные военнопленные...» [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 6]. Это подтверждается следующим свидетельством. В акте 1944 года приводится такой факт: «В деревне Тригубово Навосельского сельсовета было повешено 6 бойцов, трупы которых не снимались несколько дней» [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 15], «при этапировании военнопленных через деревню Лосьмино-Митюшино Лосьминского сельсовета было расстреляно около 40 человек» [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 15]. Естественно, что в этих документах фамилии погибших бойцов не указаны. Но вызывают определенные вопросы другие факты установления персоналий погибших граждан. Так, например, в акте Вяземской районной Чрезвычайной Государственной комиссии от 1944 года упоминается о том, что 5 февраля 1942 года в деревне Старое Пекарево Щеколдинского сельсовета было сожжено фашистскими карателями 26 жителей деревни [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 14], а в поименном списке пофамильно указан только 21 человек [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 5 об. ст. – 6]. Возникает вопрос: почему члены комиссии не смогли установить весь список сожженных жителей деревни? Подобные нестыковки встречаются и в списках других сожженных деревень. Возможно, члены комиссии или работники сельсоветов не смогли найти свидетелей или родственников всех замученных граждан и поэтому ограничились только итоговой констатацией общего числа жертв. Изменяющуюся цифру в разных источниках можно объяснить тем, что комиссия постоянно работала, получала новую информацию, уточняла судьбы и, соответственно, изменялись итоговые цифры.

Более скрупулезно проходил подсчет материального ущерба. Уже к середине июня 1943 года (то есть спустя 3 месяца после освобождения района) был составлен акт, в котором подробно и детально были учтены различные критерии материального ущерба. Например, в акте отмечено не только количество уничтоженных домов единоличного пользования, клубов, школ, бань, но и учтена численность уничтоженного или разграбленного скота: лошадей, жеребят, жеребцов, бы-

ков-производителей, коров, телят, кроликов, птицы. Одновременно уточнялись данные по: ржи, овсу, пшенице, картофелю. Подсчитывалась утрата в связи с оккупацией: топоров, кос, пил, конской сбруи и упряжи, одеял, патефонов, гармоний и т.д. [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 19]. Согласно актам Чрезвычайной Государственной комиссии, общий размер ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками хозяйству Вяземского района в период временной оккупации с 6 октября 1941 года по 12 марта 1943 года, составил 1 796 094 рублей [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 6].

Одним из важных направлений работы комиссии было выявление и учет населенных пунктов района, уничтоженных захватчиками в период оккупации. В наиболее раннем документе, датированном 29 декабря 1943 года, упоминается 30 полностью уничтоженных населенных пунктов [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 6]. Другой документ, который относится, вероятно, к первой половине 1944 года, гласит следующее: «Немецкие оккупанты, вступив на территорию района, полностью уничтожили 118 населенных пунктов из 328» [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 12]. Эти же цифры еще раз упоминаются в справке Вяземской районной государственной чрезвычайной комиссии от 20 апреля 1944 года, выданной отделу контрразведки «СМЕРШ» 43-й армии [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 18 об. ст.]. К справке Райисполкома, относящейся, вероятно, к более позднему периоду, прилагается список, где упоминается 146 уничтоженных населенных пунктов [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 20–21]. И еще в одном списке называется 130 населенных пунктов [5, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 22–24]. То, что цифра изменялась от меньшего к большему, вполне объяснимо – по мере работы комиссии устанавливались новые факты. Но вызывает определенное недоумение разница, которая упоминается в двух документах: в одном – 148, в другом – 130. К сожалению, мы можем только предполагать, когда были составлены эти документы, так как и в одном, и в другом случае на документах отсутствуют даты.

В деле присутствуют несколько актов и справок, в которых скрупулезно подсчитывается ущерб, «принесенный с собой» немецко-фашистским оккупационным режимом. В документах приводится подсчет по следующим категориям:

- 1) общего материального ущерба;
- 2) по колхозам района;
- 3) гражданам района.

Каждый из этих пунктов детализируется различными показателями, тем самым конкретизируя общий урон Вяземскому району Смоленской области.

Одним из важнейших документов Чрезвычайной Государственной комиссии Вяземского райисполкома является сводная таблица подсчета потерь гражданского населения по каждому сельскому совету в отдельности. В таблице учитываются следующие показатели.

1. Количество населения до начала оккупации.
2. Умершие от голода и болезней.
3. Угнанные оккупантами в тыл.
4. Расстреляно и повешено.
5. Количество населения, оставшееся в живых после оккупации.

Каждый показатель детализирован разбивкой на мужчин, женщин, подростков, детей и общий показатель. Сводная таблица позволяет нам проанализировать и определить, какие из сельсоветов Вяземского района понесли наибольшие потери как количественно, так и в процентном отношении. Некоторые итоги этой сводной ведомости представлены в таблице, причем, в отличие от оригинала потери среди гражданского населения мы подсчитывали в процентном отношении к общему количеству жителей сельсоветов.

Таблица 1

Сводная таблица учета потерь населения Вяземского района за период оккупации с 6 октября 1941 года по 12 марта 1943 года

Название сельсовета	Было до оккупации района	Умерло	Угнано в свой тыл оккупантами	Расстреляно и повешено	Осталось после оккупации
Андрейковский	1053–100 %	96–9,1 %	139–13,2 %	–	818–77,7 %
Бознянский	838–100 %	20–2,4 %	334–39,9 %	11–1,3 %	473–56,4 %
Богородицкий	1085–100 %	80–7,3 %	58–5,3 %	27–2,5 %	920–84,8 %
Бухоновский	810–100 %	24–3 %	7–0,8 %	49–6 %	730–90,1 %
Борисовский	1226–100 %	109–8,9 %	69–5,6 %	19–1,5 %	1009–82,3 %
Гармановский	1522–100 %	82–5,3 %	127–8,3 %	3–0,1 %	1310–86,07 %
Гредякинский	1240–100 %	83–6,7 %	189–15,2 %	–	968–78,06 %

Дваевский	1352–100 %	149–11,02 %	119–8,8 %	127–9,4 %	957–70,8 %
Жулинский	1628–100 %	193–11,8 %	260–16 %	36–2,2 %	1139–70 %
Исаковский	1961–100 %	31–1,5 %	270–13,7 %	130–6,6 %	1530–78,02 %
Кокоревский	2797–100 %	57–2,03 %	583–20,8 %	17–0,6 %	2137–76,4 %
Кочетовский	1151–100 %	75–6,5 %	51–4,4 %	52–4,5 %	973–84,5 %
Крутовский	1331–100 %	63–4,7 %	233–17,5 %	9–0,6 %	1026–77,08 %
Костинский	1104–100 %	53–4,8 %	158–14,3 %	5–0,4 %	888–80,4 %
Каснянский	1885–100 %	80–4,2 %	174–9,2 %	17–0,9 %	1614–85,6 %
Лосьминский	1360–100 %	121–8,9 %	185–13,6 %	10–0,7 %	1044–76,7 %
Масловский	720–100 %	63–8,75 %	158–21,9 %	7–0,9 %	492–68,3 %
Митьковский	1489–100 %	53–3,5 %	107–7,1 %	11–0,7 %	1318–88,5 %
Новосельский	1674–100 %	28–1,6 %	204–12,1 %	17–1,01 %	1425–85,1 %
Пуповский	1565–100 %	41–2,6 %	84–5,3 %	19–1,2 %	1421–90,7 %
Степаньковский	1446–100 %	67–4,6 %	213–14,7 %	12–0,8 %	1154–79,8 %
Федоровский	1205–100 %	9–0,7 %	253–20,9	10–0,8 %	933–77,4 %
Фомищевский	1319–100 %	83–6,2 %	140–10,6 %	34–2,5 %	1062–80,5 %
Хмелитский	1909–100 %	205–10,7 %	555–29,07 %	25–1,3 %	1124–58,8 %
Щеколдинский	1944–100 %	81–4,1 %	93–4,7 %	41–2,1 %	1729–88,9 %

Все потери среди гражданского населения мы можем разделить по следующим категориям:

1. Безвозвратные потери (к ним относятся умершие от голода и болезней, расстрелянные, повешенные и сожженные);
2. Угнанные;
3. Совокупные потери (безвозвратные и угнанные);
4. Остались в живых после оккупации.

Определим пять сельских советов Вяземского района, понесших наибольшие потери по каждой из выше названных категорий.

Таблица 2

Потери среди гражданского населения по отдельным сельским советам Вяземского района

Безвозвратные потери среди гражданского населения	
Двоевский	20,4 %
Жулинский	14 %
Хмелитский	13 %
Кочетовский	11 %
Борисовский	10,4 %
Угнанное гражданское население во вражеский тыл	
Бознянский	39,9 %
Хмелитский	29 %
Масловский	21,9 %
Федоровский	20,9 %
Кокоревский	20,8 %
Совокупные потери	
Бознянский	43,6 %
Хмелитский	41 %
Масловский	31,5 %
Жулинский	30 %
Двоевский	29,2 %

Таблица 3

Сельсоветы с наибольшим количеством лиц гражданского населения к моменту освобождения

Пуповский	90,7 %
Бухоновский	90,1 %
Щеколдинский	88,9 %
Митьковский	88,5 %
Гармановский	86 %

Исходя из соотношения общего количества населения, проживавшего на территории сельсовета, к количеству безвозвратных потерь, можно объяснить следующим образом: на территории Двоевского сельского совета немецко-фашистские оккупанты совершили одно из самых тяжких преступлений на территории бывшего Вяземского района – в ночь с 11 на 12 марта 1943 года в деревне Песочня было сожжено 135 мирных жителей [9, с. 314], что существенным образом повлияло на горькую статистику потерь по данному сельсовету. Следующими в этом скорбном списке Жулинский и Хмелитский сельские советы. Выскажем предположение, что основными причинами постигшей трагедии являются масштабные боевые действия частей 33-й армии (Жулинский сельский совет); 11-го кавалерийского корпуса (Хмелитский сельский совет) зимой–весной 1942 года. Мирное население испытало на себе месть гитлеровцев за поддержку частей Красной Армии. Так, в феврале 1942 года жители колхоза «Красные Ежевицы» засвидетельствовали факты издевательств оккупантов над мирным населением деревни Ново-Греково. В ходе наступления частей Красной Армии на Вязьму эта деревня вначале была освобождена советскими частями, а потом вновь занята немцами. Свидетельские показания показывают, что после занятия деревни всю свою злость гитлеровцы выместили на местных жителях: они избивали их, глумились над стариками и женщинами, некоторых расстреляли. Так, в показаниях зафиксировано: «Стариков: Белкина Ивана Андреевича, 70 лет, Филиппова Ивана Филипповича, 75 лет, Михайлова Владимира Михайловича, 73 года, – отвели к реке за 0,5 км. Били палками и затем расстреляли» [4, с. 75]. В другом акте этого же сельсовета зафиксированы расстрелы жителей колхоза «Красное Жулино» именно за помощь воинам 33-й армии [4, с. 86]. Из документов Вяземского военного комиссариата известно, что в конце января – начале февраля 1942 года кавалерийскими частями 11-го кавкорпуса Калининского фронта было освобождено село Хмелита [3, д. 9 (1958 г.), инв. номер 42, л. 123–126]. На протяжении февраля–марта 1942 года на территории Хмелитского, Борисовского, Масловского, Богородицкого и Щеколдинского сельских советов части 11-го кавкорпуса вели боевые действия, и именно в этот период произошла трагедия деревни Старое Пекарево, когда 5 февраля 1942 года каратели сожгли заживо 26 жителей этой деревни. Кроме того, нам известно, что на терри-

тории Хмелитского сельского совета действовал партизанский отряд имени Малышенкова [3, д. 9 (1958 г.), инв. номер 42, л. 154]. Приведенные факты объясняют высокие потери среди гражданского населения Хмелитского сельского совета. В среднем безвозвратные потери гражданского населения по сельсоветам Вяземского района можно оценить в 8 % от довоенной численности жителей.

Следующая категория потерь – угон гражданского населения в немецкий тыл. Наибольшие потери в данном случае понес Бознянский сельский совет – 39,9 %, то есть более трети населения сельсовета. Причем из 334 угнанных жителей сельсовета было 103 женщины, 12 подростков и 145 детей [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 4]. Обращает на себя внимание такой факт, что из 334 угнанных жителей 321 были угнаны из колхоза «Большевицкий путь» 22 февраля 1943 года [4, с. 188]. Следующий сельский совет по количеству угнанных в рабство – Хмелитский. Здесь цифра составила 29 %. Причем обращает на себя внимание такой факт: с территории Хмелитского сельсовета было угнано 555 человек, из них 48 мужчин, 187 женщин, 84 подростка и 276 детей [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 4]. Больше по количеству угнанных было только в Кокоревском сельском совете – 583 человека, из них 213 мужчин, 231 женщина, 59 подростков и 80 детей, что составило 20,8 % от общего количества населения [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 4]. Но, с другой стороны, в Кокоревском сельсовете цифры угнанных мужчин и женщин являются наибольшими по сравнению с другими сельскими советами на территории Вяземского района [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 4]. В Масловском и Федоровском сельсоветах показатели составили соответственно 21,9 % и 20,9 %. Анализ масштабов угона гражданского населения по всем сельсоветам Вяземского района дает достаточно большой разброс – от 39,9 % по Бознянскому сельсовету до 0,8 % по Бухоновскому сельсовету. Средний процент угнанных по всем сельсоветам составляет около 15 %. Вероятнее всего, на число угнанных мирных жителей влияли разные факторы: близость населенных пунктов к главным маршрутам движения немецких войск и обозов, общее количество проживающих в населенных пунктах, действия органов местного самоуправления (сельские старосты могли предупредить жителей той или иной деревни о предстоящем угоне, и они могли спрятаться от данной акции) и т.д.

В вышеприведенной таблице обобщены совокупные потери среди гражданского населения. Под совокупными потерями мы понимаем

всех расстрелянных, повешенных, сожженных, умерших от голода и болезней и угнанных в немецкую неволю лиц гражданского населения. В приведенных таблицах упоминается Хмелитский сельский совет. Что дает основание именно этот сельский совет считать одним из наиболее пострадавших на территории Вяземского района. Совокупные потери среди жителей населения Хмелитского сельсовета за период оккупации составили 41 %. В цифрах это выглядит следующим образом: умерло от голода и болезней – 205 человек, расстреляно и повешено – 25 человек (то есть всего безвозвратные потери составили 230 человек), угнано в немецкое рабство – 555 человек. Общая цифра потерь составила 785 человек. К началу оккупации на территории Хмелитского сельского совета проживало 1909 человек, из них: мужчин – 166, женщин – 570, подростков – 168, детей – 1005, к моменту освобождения в живых осталось 1126 человек, из них 80 мужчин (то есть только половина от дооккупационного периода), женщин – 353, подростков – 75 (тоже меньше половины), детей – 618 [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 4].

Важной частью работы Чрезвычайной Государственной комиссии был подсчет материального ущерба. В связи тем, что в документах комиссии присутствует несколько разных актов и справок, где приводятся разные критерии подсчета ущерба, мы не будем в данной статье уделять внимание этому направлению работы Чрезвычайной комиссии – это должно стать предметом дальнейших и более углубленных исследований.

В заключение следует привести еще несколько примеров преступлений оккупантов на территории Вяземского района. Пожалуй, одним из самых страшных преступлений является трагедия жителей села Песочное Кокоревского сельского совета – в ночь с 11 на 12 марта 1943 года немецко-фашистские каратели при отступлении заживо сожгли 135 человек жителей села. В акте о данном преступлении раскрываются некоторые подробности этой трагедии: «Немцы загнали в один дом и в окопчик 135 человек, закрыли, облили бензином и подожгли домик и окоп, в результате все 135 человек сожжены дотла» [9, с. 315]. Другим страшным преступлением фашистов стало сожжение заживо 26 жителей деревни Старое Пекарево Щекотинского сельсовета 5 февраля 1942 года. Среди жертв данной трагедии: Ковалёва Люда 1940 года рождения, Ковалёва Галя 1934 года рождения, Иванова Зина 1933 года рождения, Исаева Нина 1935 года рождения,

Камшилин Толя 1933 года рождения, Камшилина Лида 1936 года рождения [5, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 5 об. ст. – 6]. Еще одним из горьких и страшных мест на территории Вяземского района стал дом инвалидов в деревне Крутицы Исаковского сельского совета. За период оккупации с 6 октября 1941 года по март 1943 года в этом доме погибли насильственной смертью по самым приблизительным подсчетам: расстреляно – 28, сожжено – 70, умерло от голода – 50 человек [9, с. 305].

Вяземский район и вся Смоленская область стали одной из тех территорий, где за годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими оккупантами было совершено множество преступлений, которые мы можем квалифицировать как геноцид. Такие преступления не имеют срока давности и должны сохраниться в народной памяти в назидании будущим поколениям.

Литература

1. ...Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. – Смоленск: Маджента, 2003. – С. 152.

2. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. – М., 2003. – 500 с.

3. Архив Вяземского военного комиссариата.

4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: Сборник архивных документов. Смоленская область. – М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. – 656 с.

5. Государственный архив Смоленской области.

6. Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944 гг. – М., 1976. – 230 с.; Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 544 с

7. Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004. – 488 с.

8. Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. – Смоленск, 2015. – 368 с.

9. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов и материалов. – М.: Московский рабочий, 1977. – 448 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОДА КАК СРЕДСТВА СОКРАЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГИТЛЕРОВЦАМИ НА ЗАПАДЕ РСФСР (1941–1945)

Аннотация. В статье исследуется политика целенаправленного голода, который верхушка Третьего рейха использовала как средство сокращения гражданского населения и советских военнопленных на Западе РСФСР.

Ключевые слова: гитлеровская оккупация, «новый порядок», Запад РСФСР, голод, концентрационные лагеря, гражданское население, военнопленные.

Evgenii A. Zanko
aspirant, Kaluga State University
named after K.E. Tsiolkovsky

THE USE OF FAMINE AS A MEANS OF REDUCING THE POPULATION BY THE NAZIS IN THE WEST OF THE RSFSR (1941–1945)

Abstract. The article examines the policy of targeted starvation, which the top of the Third reich used as a means of reducing the civilian population and soviet prisoners of war in the West of the RSFSR.

Key words: hitler's occupation, «the new order», west of the RSFSR, famine, concentration camps, civilians, prisoners of war.

Одной из отличительных черт политики гитлеровцев на оккупированных территориях СССР была крайняя жестокость по отношению к гражданскому населению. В соответствии с принципами и целями идеологии национал-социализма народы СССР подвергались всевозможным способам массового истребления. Одним из таких способов была целенаправленная политика голода, организованная, в том числе на территории Смоленской, Орловской, Калининской и Тульской областей РСФСР.

Актуальность темы по-прежнему велика, поскольку в современных условиях всё чаще встречаются попытки, как в мире, так и в России, переосмыслить проводимую политику гитлеровцев и их цели в отношении населения оккупированных территорий. Целью настоящей

статьи является исследование идеологического обоснования, методов и результатов политики голода, проводимой гитлеровцами в западных областях РСФСР. Для достижения поставленной цели мы изучим документы, которые обосновывали политику голода, выясним, каких целей пытались достичь гитлеровцами, как именно они планировали ее проводить, и к каким результатам она привела.

Предметом нашего исследования является политика гитлеровцев в отношении гражданского населения на оккупированной территории Запада РСФСР, а объектом – политика голода как метода целенаправленного сокращения населения.

Еще до начала войны Гитлер и его приспешники не скрывали, что главная цель грядущей войны на Востоке – уничтожение русского и большинства других народов СССР, раздробление СССР на несколько подвластных Германии частей, онемечивание части занятых территорий [2, с. 88–89]. В экономическом плане целью войны была колонизация захваченных советских территорий, налаживание на них добычи ресурсов и сырья для обеспечения нужд рейха, чтобы к третьему году войны немецкие войска могли снабжать себя исключительно за счет оккупированных территорий. Для местного населения предписывалось сохранять низкий жизненный уровень, полная ликвидация легкой промышленности, сокращение до минимума снабжения местного населения продуктами и товарами широкого потребления, сокращение до минимума уровня зарплат.

Единственные, для кого планировался высокий уровень жизни – сами немцы [9, л. 10–12]. При этом открыто утверждалось, что в результате эксплуатации советских ресурсов десятки миллионов советских граждан будут обречены на голод [12, с. 84] и будут вынуждены либо умереть, либо переселиться в Сибирь [14, с. 250–254]. К официальным документам Третьего рейха, свидетельствующим о планах организации массового голода на оккупированных территориях, относятся «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» рейхсминистра продовольствия и сельского хозяйства Герберта Бакке, где говорилось, что русский человек привык столетиями испытывать голод. Его желудок растяжим, а потому вносить какие-либо изменения в его образ жизни, сочувствовать, приобщать к немецкому жизненному стандарту запрещалось [8, л. 59–63]. После окончания войны на Нюрнбергском трибунале доведение граждан-

ского населения до голодной смерти было одним из ключевых обвинений нацистской верхушки [16, с. 66].

Таким образом, исходя из анализа вышеперечисленных документов, мы можем сказать, что нацисты планировали использовать территории СССР как колонию и выкачивать из нее ресурсы для нужд Германии и немецкой армии. Заботы о благополучии местного населения не интересовали правительство Третьего рейха. При этом подразумевалось, что в результате подобной политики десятки миллионов советских граждан умрут от голода.

План организации массового голода начал претворяться в жизнь немцами с самого начала вторжения в СССР. На всех оккупированных территориях началось изъятие скота и лошадей, сельскохозяйственного инвентаря, чем усложнялась уборка урожая. У колхозов и крестьян конфисковался собранный урожай, в широких масштабах практиковалось уничтожение культур, которые еще не созрели, а также уничтожение, мародерство и грабеж крестьянских жилищ.

При этом гитлеровцы стремились сохранить на оккупированной ими территории в целостности станции МТС, сельскохозяйственные машины, горючее, скот и др. для снабжения немецкой армии необходимыми сельскохозяйственными продуктами. В каждой дивизии, полку, батальоне и других военных подразделениях вводилась должность специального офицера – уполномоченного по сельскому хозяйству. Советская система колхозов сохранялась, однако председатели, которые отказывались подчиняться немцам, расстреливались, а на их места назначались немецкие ставленники. С помощью данных мер немцы стремились обеспечить контроль и учет запасов скота, ферм, мельниц, хлеба, овощей, картофеля и т.д. для дальнейшего снабжения немецкой армии этими продуктами. Посевом, сбором урожая, заготовкой сена, другими сельскохозяйственными работами обязаны были заниматься местные жители. За саботирование работ по снабжению германской армии против крестьян проводились репрессии [10, с. 153–172].

Все принципы плана организации голода воплощались и в западных областях РСФСР. Например, в Калуге оккупационная власть ввела продовольственные карточки и раздачу продовольствия. Данные меры, однако, не помогали, и жители города страшно голодали. Некоторые жители готовили старые картофельные очистки на снеговой

воде. 10–11 октября 1941 года немцы взорвали водонапорную башню, оставив город еще и без воды. Жители вынуждены были добывать ее разными способами: собирать дождевую воду, растапливать снег, находить колодцы [21, с. 88–89].

Положение усугублялось тем, что немцы вводили обязательные натуральные сборы для жителей Калуги. Сельское население области обязано было поставлять немцам картофель, молоко, мясо, яйца, шерсть и другие продукты. Например, жители Калуги обязаны были ежедневно поставлять по 2 литра молока от коровы, получая за это 60 копеек за литр. Данная сумма была ничтожна, на нее нельзя было ничего купить на рынке, на котором отсутствовали почти все продукты. На протяжении всего периода оккупации население Калуги голодало или находилось в полуголодном состоянии. Хуже всех приходилось детям, особенно сиротам из детских домов, женщинам и старикам, которые не могли прокормить себя сами. Вместо торговли в городе процветал натуральный обмен сельскохозяйственных продуктов на спички, соль, одежду и т.д. Однако это не сильно исправляло ситуацию, и большая часть населения оккупированной Калуги, если только это были не коллаборационисты, жила на грани голодной смерти [19, с. 65–68]. Всего же от голода, лишений и болезней пострадала 51 000 населения Калуги [4, л. 2, 2 об.].

В Смоленске в рамках политики истребления гражданское население и военнопленные помещались в концентрационные лагеря. Одним из них был концлагерь № 126. Наряду с жестоким режимом содержания в лагере была катастрофичная ситуация с едой. Два раза в день узникам выдавалась баланда, состоявшая из воды с затхлою ржаной мукой без соли. Иногда давали картофельную баланду, состоявшую из промерзшего полусгнившего и неочищенного картофеля, сваренного без соли. Узники нерегулярно снабжались 150–200 граммами хлеба, состоявшего наполовину из древесных опилок. От таких условий заключения среди узников вспыхивали дизентерия, поносы, тиф, голодные отеки и др. Смертность в лагере составляла от 200 до 600 человек в день.

В концентрационном лагере в городе Ярцево содержалось около 500 военнопленных и несколько сотен гражданского населения, включая стариков и детей. На завтрак пленные получали 30–50 граммов хлеба и воду, на обед – похлебку из картофельных отходов и кашу из

отходов ржаной муки. В лагере свирепствовал сыпной тиф. Заключение, которые не могли работать по причине физического истощения, расстреливались или забивались до смерти охраной. Многие умерли от истощения. В феврале 1942 года в лагерь прибыла машина с хлебом, которую начала разгружать группа военнопленных из 10 человек. Один из них во время разгрузки украл буханку хлеба и спрятал ее за штабель дров. Однако это заметил ефрейтор Мюллер. Он избил заключенного, затем доложил о случившемся старшему лейтенанту Шнейдеру, который приказал в наказание расстрелять 5 человек из 10 разгружавших на глазах у других военнопленных. С декабря 1941 года по март 1942 года в Ярцевском концлагере погибло более 200 человек от голода и болезней [11, с. 325–328].

С начала оккупации Гжатска в него привозили раненных военнопленных. Поскольку в дороге их не кормили, то в город они прибывали сильно истощенными. Многие умирали не от ран, а от голода. Тех военнопленных, которые не могли идти от истощения, расстреливали на месте. Военнопленные, которые выжили, попадали в «госпиталь», однако их положение было ничем не лучше. «Госпиталь» представлял собой холодный каменный сарай, где люди лежали на двухэтажных нарах. Ситуация с питанием была катастрофичной. В день выдавали по полкотелка супа без хлеба. Суп готовился из неочищенного льняного семени и не усваивался организмом. В результате, среди больных распространялись желудочно-кишечные болезни: дизентерия, голодные отеки. Если кто-либо из военнопленных просил еды у прохожих, его расстреливали. В день от голода умирало 20–30 человек [7, л. 8–9].

В Вязьме фашисты издевались над военнопленными, заставляя их работать по 14–16 часов, моря при этом голодом. Тех, кто не мог работать, расстреливали. Кроме этого, немцы взрывали колодцы или травили в них воду цианистой кислотой, оставляя население еще и без воды [7, л. 27–29].

В поселке Урицкий Орловской области в трех километрах от Брянска находился концентрационный лагерь № 142, в который с марта 1942 года немцы сгоняли всех жителей деревень, поселков и городов прифронтовой полосы, опасаясь их помощи партизанам. Всего в бараках лагеря содержалось 12–15 тысяч узников. Раз в день всем заключенным выдавался литр баланды и 200 граммов хлеба, а детям – половина этой нормы. В сочетании с постоянной грязью и холодом

это приводило к высокой смертности заключенных. Трупы умерших по несколько дней не выносили из бараков и оставляли лежать с еще живыми людьми. Ежедневно из лагеря вывозили по 100–150 трупов. Иногда немцы привозили в лагерь мясо павших лошадей и бросали его в толпу заключенных. Когда голодные люди бросались на мясо, немцы расстреливали их из автоматов и пулеметов. Здесь же, в Урицком, осенью 1941 года был создан еще один концентрационный лагерь для военнопленных на территории ремонтной базы № 6. В лагере содержалось до 80 000 рядовых красноармейцев и их командиров. Узников кормили один раз в 5–6 дней сухой гречкой и картофельной кожурой. Ежедневно от голода умирало 50–200 человек, трупы которых немцы сваливали в овраги. Всего за период оккупации Брянска с 6 октября 1941 года по 17 сентября 1943 года в урицком концлагере умерло 40 000 человек [13].

В деревне Некрасовка немцы организовали изъятие всех продуктов и скота у населения. Кроме того, они организовали концентрационный лагерь для лиц, подозреваемых в сотрудничестве с партизанами. Всего в лагере находилось 200–250 человек, в том числе дети от 12 лет. Помимо всех ужасных условий, в лагере также была ужасающая ситуация с питанием. Утром заключенным выдавали кипяток без хлеба, в обед – нечищенный картофель и 200–300 граммов хлеба. На ужин – кипяток без хлеба. При этом часто случались ситуации, когда даже этой еды не выдавали, оставляя заключенных на несколько дней без питания. От недоедания большинство из них скончалось. Кроме того, немцы привлекали их к тяжелой физической работе и если кто-то не мог работать от истощения, его расстреливали [6, л. 7].

Аналогичная ситуация была в Тульской области, где в 1941 году возле города Плавска был организован концентрационный лагерь для военнопленных и гражданского населения. Смертность в данном лагере составляла 25–30 человек в день. Одна из причин этого также заключалась в плохом питании. Рацион узников составлял две картофелины и немного ячменной каши в день. Водой узников не снабжали, приказав утолять жажду снегом. Все деревни и поселки в области также подвергались разграблению частями и отдельными солдатами вермахта. Например, в деревне Маслово немцы отобрали у населения все продукты, что привело к тому, что ежедневно от голода умирало 1–2 человека [1, л. 5–6, 29–30].

Голод, вызванный массовым грабежом населения немцами, был распространен и в Орловской области. Жители, отказывавшиеся добровольно отдавать немцам продукты, расстреливались. Питание советских военнопленных также не обеспечивало даже голодного их существования [3]. В концентрационном лагере в городе Клинцы Орловской области ежедневно от голода умирало 150–200 человек [5, л. 10].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что немцы проводили в оккупированных западных областях РСФСР политику организации массового голода гражданского населения и военнопленных, которая была запланирована еще до войны. Данный вывод подтверждает и обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала, где говорится, что немцы проводили сознательную политику по умерщвлению голодом сотен тысяч граждан СССР [18, с. 7–8, 108–189].

Истребление гитлеровцами населения голодом в западных областях РСФСР ничем не отличалось от той же политики в других республиках и регионах СССР и в европейских странах. При этом нельзя учесть такое оправдание массовых конфискаций продовольствия, как потребности вермахта и гражданского населения Германии, поскольку Нюрнбергский трибунал установил, что немцы изымали гораздо больше того, в чем нуждались, сами не страдая от голода [17, с. 491]. Однако стоит отметить, что конечной цели – значительного сокращения коренного населения на оккупированных территориях СССР – гитлеровцы не достигли. В оккупированных областях активно действовало партизанское движение, которое поддерживало гражданское население, видевшее политику немцев и потому и поддерживавшее партизан и советский строй. Это во многом и предопределило освобождение СССР и поражение Германии.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 6. Д. 63.
2. Военно-исторический журнал. – М.: Воениздат, 1960. – № 1.
3. Волхонская Н. «Немцы расстреляли в Журинич и Бежичи всё население вплоть до грудных детей...». Преступления немецких оккупантов в Орловской области // [Электронный ресурс]. – URL: <https://victims.rusarchives.ru/volkhonskaya-n-prestupleniya-nemeckikh-okkupantov-v-orlovskoy-oblasti>.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-1122. Оп. 2. Д. 2.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 19. Д. 1.
6. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 6.
7. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 4. Д. 43.
8. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 12.
9. ГАРФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 168.
10. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. – М.: АСТ, 2004. – 483 с.
11. Марочко В.П. Истребительная политика нацистов на оккупированной территории Смоленской области // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – С. 323–345.
12. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1990. – 688 с.
13. Перельгин А.И. Злодеяния нацистов на Орловской земле в годы Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс]/ А.И. Перельгин // – 2018. – Режим доступа: <http://орелпорусски.рф/zlodeyaniya-natsistov-na-orlovskoj-zemle-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojnuy/> (дата обращения: 19.04.2021).
14. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. – М.: Воениздат, 1987. – 302 с.
15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32880. Оп. 5. Д. 278. Л. 18–22.
16. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I / Изд. 2-е, испр. и доп. / Пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. – М.: Военная литература, 2018. – 538 с.
17. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II / Изд. 2-е испр. и доп. / Пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. – М.: Военная литература, 2018. – 628 с.
18. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III / Изд. 2-е испр. и доп. / Пер. с англ. и составление С. Мирошниченко. – М.: Военная литература, 2018. – 562 с.
19. Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И.В. Кометчиков и др.; редколл. В.Я. Филимонов, К.В. Чеченков, Д.Э. Миронов.– Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. – 272 с., ил.
20. Томилина Ж. Тела не убирали неделями. Как немцы обращались с пленными курских лагерей // [Электронный ресурс. Еженедельник «Аргументы и Факты». 2018. № 44]. – URL: https://chr.aif.ru/society/history/tela_ne_ubirali_nedelyami_kak_nemcy_obrashchalis_s_plennmi_kurskih_lagerey(дата обращения: 19.04.2021).
21. Янова О. «Я плакал от голода...» Откровения об оккупации Калуги в 1941 году и фото // [Электронный ресурс «События». 2017. № 3]. // – URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/sobytiya/okkupatsiya-kalugi-v-1941-godu>(дата обращения: 19.04.2021).

ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ В БОЯХ НА СМОЛЕНЩИНЕ И ИХ БОЕВАЯ СУДЬБА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об участии бывших дивизий народного ополчения города Москвы в боях на Смоленской земле в 1941–1943 годы. Воссоздан боевой путь и последующая судьба этих частей в составе Вооруженных Сил Советского Союза. Отмечено, что в современной российской армии отсутствуют части и соединения, которые можно считать продолжателями подвига московских ополченцев. В составе российских вооруженных сил боевой подвиг и героическое наследие московских ополченцев никак не зафиксировано.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дивизии народного ополчения, преемственность воинских традиций, Смоленская область, битва за Москву.

Komarov D.E.

Doctor of History, Associate Professor,
Smolensk Cossack Industrial College of Technologies and Business

DIVISIONS OF THE PEOPLE'S MILITIA OF MOSCOW CITY IN BATTLES IN SMOLENSK REGION AND THEIR COMBAT FATE

Annotation. The article discusses the issue of the participation of the former divisions of the people's militia of Moscow city in the battles on Smolensk land in 1941–1943. The combat path and the subsequent fate of these units within the Armed Forces of the Soviet Union are traced. It is noted that in the modern Russian army, there are no units and formations that can be considered the successors of the feat of the Moscow militias. As part of the Russian armed forces, the feat of combat and the heroic legacy of the Moscow militias have not been recorded in any way.

Key words: the Great Patriotic War, divisions of the people's militia, continuity of military traditions, Smolensk region, battle of Moscow.

Одной из героических и одновременно трагических страниц нашей истории является подвиг народного ополчения в годы Великой Отечественной войны. Данная форма участия народа в обороне своего Отечества

от внешнего агрессора имеет глубокие исторические корни. Со времен древней Руси и вплоть до Первой мировой войны народное ополчение в той или иной форме вставало за защиту Отечества и его интересов, как мощный патриотический ресурс, укреплявший профессиональные вооруженные силы. В период Смутного времени ополчение явилось стержневой основой и выражением народной силы и воли в отстаивании независимости и суверенитета нашей страны.

С началом вражеской агрессии 22 июня 1941 года и осознанием ее масштабов и угрозы, ополчение как один из механизмов усиления обороноспособности страны вновь поучило свое развитие. Имеющиеся документы фиксируют факт того, что первые ополченческие формирования стали создаваться в Ленинграде уже в конце июня 1941 года. Ополченческие дивизии, бригады, батальоны, отдельные отряды создавались практически в каждом крупном населенном пункте нашей страны, оказавшемся в зоне боевых действий или в непосредственной близости от него. По данным видного исследователя истории народного ополчения в годы Великой Отечественной войны А.Д. Колесника, в различные ополченческие формирования в период 1941–1945 годов влилось более 1700 тыс. наших граждан [3, с. 173]. Наиболее широкий размах, по вполне объяснимым причинам, это движение приобрело в Москве. Уже 4 июля 1941 года Военным советом Московского военного округа было принято решение о формировании 25-и дивизий народного ополчения – по одной от каждого района столицы. Первоначально было сформировано 12 дивизий (до конца октября 1941 года Москва сформирует еще четыре ополченческих дивизий). Отдельные из них уже в июле 1941 года вступят в бой. В общей сложности в дивизии народного ополчения вступили более 200 000 москвичей. Кроме рабочих и служащих, в их состав влился цвет московской интеллигенции. На сегодняшний момент сформирован обширный пласт историографии, посвященный подвигу московского ополчения. В последние десятилетия, усилиями историков, краеведов, поисковиков и энтузиастов она активно развивается вглубь, путем персональной детализации судьбы отдельных ополченцев.

Уже во второй половине июля 1941 года части отдельных ополченческих дивизий г. Москвы приняли участие в боевых действиях на Московском стратегическом направлении в ходе Смоленского сражения. Так 6-й ДНО в середине июля была переброшена на строитель-

ство оборонительного рубежа Ельня–Дорогобуж. Здесь ее передовые части вступили в бой с прорвавшимся противником. Позже в августе 1941 года, вместе с регулярными войсками 24-й армии ополченцы приняли участие в Ельнинской наступательной операции [8, с. 171]. Также под Ельней в боевых действиях приняла участие и 9-й ДНО.

В качестве демонстрации уровня боеспособности ополченческих частей приведем впечатления военного корреспондента, писателя Константина Симонова. Он так описывает свою встречу с 6-й ДНО 23 июля 1941 года на Смоленщине:

«В следующей деревне мы встретили части одной из московских ополченских дивизий, кажется, шестой. Помню, что они тогда произвели на меня тяжелое впечатление. Впоследствии я понял, что эти скороспелые июльские дивизии были в те дни брошены на затычку, чтобы бросить сюда хоть что-нибудь и этой ценой сохранить и не растряссти по частям тот фронт резервных армий, который в ожидании следующего удара немцев готовился восточнее, ближе к Москве, – и в этом был свой расчет. Но тогда у меня было тяжелое чувство. Думал: неужели у нас нет никаких других резервов, кроме вот этих ополченцев, кое-как одетых и почти не вооруженных? Одна винтовка на двоих и один пулемет. Это были по большей части немолодые люди по сорок, по пятьдесят лет. Они шли без обозов, без нормального полкового и дивизионного тыла – в общем, почти что голые люди на голой земле. Обмундирование – гимнастерки третьего срока, причем, часть этих гимнастерок была какая-то синяя, крашенная. Командиры их были тоже немолодые люди, запасники, уже давно не служившие в кадрах. Всех их надо было еще учить, формировать, приводить в воинский вид. Потом я был очень удивлен, когда узнал, что эта ополченская дивизия буквально через два дня была брошена на помощь 100-й и участвовала в боях под Ельней» [7, с. 28].

Слова Константина Симонова передают впечатления автора, аналогичные оценки можно встретить в многочисленной мемуарной литературе и воспоминаниях. В Смоленском сражении приняли участие только части двух ополченческих дивизий, введение которых в бой было вызвано критической ситуацией на фронте. Остальные же дивизии в этот момент находились в учебных лагерях и на строительстве оборонительных сооружений. Командование понимало, что уровень боеспособности этих частей был низок, и стремилось исправить по-

ложение. Активно шла боевая подготовка, довооружение, пополнялся кадровый состав дивизий, происходила «демобилизация» ополченцев с ослабленным здоровьем и несоответствующим возрастом. Из ряда ополченческих они были преобразованы по штату стрелковых дивизий и получили общеармейские наименования.

Справедливости ради необходимо отметить, что в научной литературе и обществе и в настоящий момент идут споры о том, являлось ли решение о создании дивизий народного ополчения верным. Был ли уровень боеспособности этих частей по физическим качествам личного состава, уровню подготовки, вооружению, дисциплине достаточным для решения стоящих перед войсками задач. Пытаясь дать ответ на этот вопрос, необходимо учитывать, что запись в ополчение являлась колоссальной по размаху «инициативой снизу», которую необходимо было направить в общее русло укрепления обороноспособности страны. Кроме того, трагичность развития событий под Вязмой в октябре 1941 года, где бывшие московские дивизии народного ополчения были массово введены в бой, показала следующее. В условиях боев при отступлении и в окружении кардинальных отличий в действиях кадровых частей, так и бывших ополченческих частей и соединений практически не было. Мы должны рассматривать участие московского ополчения не сквозь призму военного профессионализма, а с позиции величайшего мужества, доблести и самопожертвования, на которое было способно то поколение. Именно с этих позиций дал оценку воинам-ополченцам маршал Г.К. Жуков, который писал: «В них вступали специалисты самых различных мирных профессий – рабочие, инженеры, техники, ученые, работники искусства. Люди эти, конечно, не обладали военными навыками, многое пришлось познавать уже в ходе боев. Но было нечто общее, что всем им было свойственно, – высочайший патриотизм, непоколебимая стойкость и уверенность в победе» [2, с. 204].

В представленной статье будет заострено внимание не на участии бывших ополченцев в боевых действиях, а исключительно на боевой судьбе первых 12 дивизий московского ополчения. От момента их вступления в бой до времени их расформирования. Напомним, что бывшие ополченческие дивизии г. Москвы вступили в бой с самого начала осуществления германской армией операции «Тайфун», на Смоленско-Московском направлении 2 октября 1941 года. Как уже

отмечалось выше, к началу Вяземской оборонительной операции эти дивизии по факту ополченческими уже не являлись, а считались стрелковыми. Однако по сути своей, специфике формирования, уровню подготовки и многим другим характеристикам, так и остались ополченческими дивизиями. Все они приняли участие в боях под Вязьмой, и их постигла трагическая участь наших войск, разгромленных на вяземских рубежах.

Остановимся на трагических результатах участия этих дивизий в оборонительных боях под Вязьмой в октябре 1941 года и на дальнейшей боевой судьбе тех, которым удалось частично вырваться из окружения, сохранить себя как боевую единицу и избежать расформирования. На начало реализации противником операции «Тайфун» на Смоленско-Московском направлении 2 октября 1941 года все эти дивизии входили в состав 24-й, 32-й и 33-й армий Резервного фронта. В течение двух недель основные силы Западного и Резервного фронтов, несмотря на мужество и героизм наших воинов, были разгромлены, значительные силы были окружены. В окружении западнее Вязьмы были блокированы 37 дивизий, 9 танковых бригад и 31 артиллерийский полк. Кроме основных районов окружения, были отрезаны и блокированы еще пять дивизий и четыре артиллерийских полка РК. Окруженные войска входили в состав десяти армий [1, с. 225–226; 4, с. 101].

11 дивизий бывшего народного ополчения города Москвы, за исключением 110-й сд (бывшая 4-я ДНО), которая вступила в Московскую битву 12 октября в районе Боровска, приняли участие в Вяземской оборонительной операции. Пять из них – 2-я, 29-я, 8-я 139-я, 140-я – оказались в полном окружении [6, с. 21–22]. Частям некоторых дивизий, например, 2-й сд удалось пробиться и вырваться из кольца окружения, другие просачивались к своим отдельными группами и отрядами. Колоссальные потери понесли и те бывшие ополченческие дивизии, которым удалось избежать окружения. Отдельные из них были разгромлены и рассеяны, другие отступили, утратив управление. В дивизиях оставалось по несколько сотен бойцов. Так, например, численность 17-й сд на 12 октября составляла всего 483 человека, а 60-й сд – 669 человек [5, с. 34; 9, л. 6]. Таким образом, можно утверждать, что абсолютное большинство московских добровольцев, вступивших в ополчение в июле 1941 года, в этих боях либо погибли, либо были пленены противником.

**Таблица. Бывшие дивизии народного ополчения
в Вяземской оборонительной операции и их дальнейшая
боевая судьба**

Наименование дивизий народного ополчения г. Москвы	Новая нумерация после формирования в стрелковые дивизии	Подчинение на 1 октября 1941 года	Боевой путь и наименования дивизий после Вяземской оборонительной операции октября 1941 года
1-я Ленинского района Москвы	60-я стрелковая дивизия	33-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 60-я стрелковая Севско-Варшавская Краснознамённая ордена Суворова дивизия
2-я Сталинского района Москвы	2-я стрелковая дивизия	32-я армия Резервного фронта	Приказом НКО от 27.12.1941 «исключена из рядов РККА и расформирована» как погибшая на фронте
4-я Куйбышевского района Москвы	110-я стрелковая дивизия	31-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 84-я гвардейская стрелковая Карачевская Краснознамённая ордена Суворова дивизия
5-я Фрунзенского района Москвы	113-я стрелковая дивизия	43-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 113-я стрелковая Нижнеднепровская Краснознамённая дивизия
6-я Дзержинского района Москвы	160-я стрелковая дивизия	24-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 160-я стрелковая Брестская Краснознамённая дивизия
7-я Бауманского района Москвы	29-я стрелковая дивизия	32-я армия Резервного фронта	Приказом НКО от 27.12.1941 «исключена из рядов РККА и расформирована» как погибшая на фронте.
8-я дивизия Краснопресненского района Москвы	8-я стрелковая дивизия	32-я армия Резервного фронта	Расформирована 30.11.1941

9-я Кировского района Москвы	139-я стрелковая дивизия	24-я армия Резервного фронта	Приказом НКО от 27.12.1941 «исключена из рядов РККА и расформирована» как погибшая на фронте
13-я Ростокинского района Москвы	140-я стрелковая дивизия	32-я армия Резервного фронта	Приказом НКО от 27.12.1941 «исключена из рядов РККА и расформирована» как погибшая на фронте
17-я Москворецкого района Москвы	17-я стрелковая дивизия	33-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 17-я стрелковая Бобруйская Краснознаменная дивизия
18-я Ленинградского района Москвы	18-я стрелковая дивизия	33-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 11-я гвардейская стрелковая Городокская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия
21-я Киевского района Москвы	173-я стрелковая дивизия	33-я армия Резервного фронта	На момент завершения Великой Отечественной войны – 77-я гвардейская стрелковая Черниговская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия

5 дивизий из 12 бывших дивизий народного ополчения города Москвы приказом НКО № 00131 от 27 декабря 1941 года были «исключены из рядов РККА и расформированы» как погибшие (8-я сд была расформирована 30.11.1941). Другие 7 дивизий сохранили нумерацию, восстановили свою численность за счет нового пополнения и продолжили боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны. Причем 4 дивизии из выживших после вяземской катастрофы принимали участие в боях на Смоленщине в 1942–1943 годах – это 17-я, 110-я, 113-я и 160-я дивизии. 113-я и 160-я дивизии в составе западной группировки 33-й армии принимали участие в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции (январь–апрель 1942 года), которую часто участники тех событий называют «вторым вяземским окружением». Вместе со своим командармом генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым

эти дивизии повторно оказались в окружении юго-восточнее Вязьмы. Вместе с другими частями ефремовской группировки эти дивизии погибли в окружении, но удалось сохранить боевые знамена и дивизии не были расформированы. Безусловно, в их составе ополченцев 1941 года практически уже не было.

Любопытна судьба 110-й стрелковой дивизии, преобразованной из 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района столицы. Как известно, эта дивизия избежала окружения под Вязьмой в 1941 году. Но боевая судьба так распорядилась, что именно она освобождала (вместе с 114-й сд и 3-я гв. мсд) Вязьму в ходе мартовского наступления частей Западного и Калининского фронтов в 1943 году. За эту операцию дивизия, ведущая свою историю от московского ополчения июля 1941 года, получила почетное наименование гвардейской. В 1945 году, пройдя тяжелый и героический боевой путь, дивизия носила гордое наименование – 84-я гвардейская стрелковая Карачевская Краснознаменная ордена Суворова дивизия [4, с. 426].

Вообще все 7 выживших в Вяземской оборонительной операции бывшие ополченческие дивизии на момент завершения войны были отмечены командованием и носили гордые наименования. Три из них стали гвардейскими. 173-я стрелковая дивизия (бывшая 21-я дивизия народного ополчения Киевского района) за успешные боевые действия под Сталинградом была преобразована в 77-ю гвардейскую, позже ее воины прославились в боях под Курском в составе 61-й армии Брянского фронта. За бои в контрнаступательной операции под Москвой бывшей 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района столицы было присвоено почетное наименование гвардейской. Дивизия стала первой из всех ополченческих, которая была удостоена этого звания, и дальнейший боевой путь она продолжила как 11-я гвардейская стрелковая дивизия.

В послевоенный период большая часть дивизий, ведущих свою историю от московских дивизий народного ополчения, были расформированы. Но в 1967 году, приказом Министра обороны СССР «в целях сохранения боевых традиций овеянных славой стрелковых дивизий народного ополчения и учитывая важное значение воспитание личного состава Советских Вооруженных Сил на их героических подвигах» почетное наименование «Московская» было присвоено наследнице 21-й дивизии народного ополчения Киевского района Москвы,

которая с этого момента стала носить наименование – 77-я гвардейская мотострелковая Московско-Черниговская ордена Ленина, Краснознамённая ордена Суворова дивизия. До 2009 года все награды и почетные наименования этой советской части носила бригада морской пехоты на Каспийском море. К сожалению, бригада также была расформирована.

Вообще следует отметить чрезвычайно негативную тенденцию. В течение прошедшего столетия мы дважды отказались от огромного пласта боевого наследия своей армии. Сначала советская власть перечеркнула многовековой славный путь, который прошла российская императорская армия. Затем, в конце XX – начале XXI века было забыто многое из боевого наследия прославленных советских частей и соединений, особенно в части преемственности и сохранения почетных наименований. В итоге, нам остается констатировать тот факт, что в данный момент в Вооруженных Силах Российской Федерации отсутствуют части, которые могут считаться наследниками московских дивизий народного ополчения.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. – М.: Наука, 1999. – 541 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. – М.: Издательство агентства печати «Новости», 1987. – 327 с.
3. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. – М., 1982. – 328 с.
4. Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 2004. – 485 с.
5. Комаров Д.Е. Народное ополчение на Смоленской земле // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 4. – С. 31–35.
6. Невзоров Б.Н. Пылающее Подмосковье// Военно-исторический журнал. – 1991. – № 11. – С. 18–26.
7. Симонов К.М. Сто суток войны. – Смоленск: Русич, 1999. – 576 с.
8. Струнин В.И. Брестская Краснознамённая: о 160-й стрелковой дивизии. – М., 1995. – 171 с.
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) Ф. 388. Оп. 8712. Д. 13.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ЗАПАДЕ РСФСР (1941–1944 ГОДЫ)¹

Аннотация. На основе директив высшего военно-политического руководства СССР, Военных Советов Западного и Центрального фронтов, Тульского, Смоленского и Орловского облисполкомов и обкомов ВКП(б), их делопроизводства прослеживается эволюция политического капитала региональной власти в организации оборонительного строительства на Западе РСФСР на протяжении 1941–1944 годов. Обосновывается вывод о доминировании в этой сфере в начальный период войны военного командования и структур НКВД и возрастания политического капитала регионального руководства по мере удаления фронта на запад.

Ключевые слова: запад РСФСР, райком ВКП(б), оборонительное строительство, трудовая повинность, капитализация, партийно-советский актив, чиновничество.

Kometchikov I.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

REGIONAL GOVERNMENT AND THE ORGANIZATION OF DEFENSE CONSTRUCTION IN THE WEST OF THE RSFSR (1941–1944)

Abstract. Based on the directives of the highest military-political leadership of the USSR, the Military Councils of the Western and Central Fronts, the Tula, Smolensk and Oryol regional executive committees and regional committees of the CPSU(b), clerical documents the evolution of the political capital of the regional authorities in organizing defensive construction in the West of the RSFSR is traced. 1941–1944. The conclusion is substantiated that the military command and structures of the NKVD dominated in this area in the initial period of the war and that the political capital of the regional leadership was growing as the front moved to the West.

Key words: west of the RSFSR, district committee of the CPSU(b), defense construction, labor service, capitalization, party and Soviet activists, bureaucracy.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)».

Привлечение населения к исполнению трудовых повинностей, в том числе строительству и обслуживанию оборонительных сооружений, явилось важным фактором победы СССР в Великой Отечественной войне. Эта черта экономической жизни СССР в годы войны, как и функционирование всей советской экономики, интерпретировалась в категориях трудового подвига, вписанного в концепцию «единства фронта и тыла» – части идеологемы «морально-политического единства советского общества» [14, с. 159–162; 2, с. 170; 7, т. 6, с. 51]. Такой панегиричный взгляд затушевывал реальный механизм привлечения к труду. В современной литературе эти оценки подчас повторяются [8, с. 28].

В данном сообщении роль региональной власти в организации оборонительного строительства на Западе РСФСР в 1941–1944 годы рассматривается с точки зрения концепции множественности форм капитала, одной из которых является политический капитал. Под ним понимаются, во-первых, партии и общественные движения, готовые к совершению коллективных действий; во-вторых, признанные лидерские структуры, что позволяет его носителям мобилизовывать коллективное действие и представлять интересы других социальных групп [8, с. 28]. Такими структурами на Западе РСФСР в годы войны можно считать, в первую очередь, региональное и районное партийное и государственное руководство, а также командование действовавших там воинских формирований и структур НКВД.

Исследование организации оборонительного строительства на Западе РСФСР, степени вовлеченности в него регионального и районного звеньев власти, а также реакции привлекавшегося к этой работе населения представляется актуальным, так как дает возможность оценить способы решения этой задачи в условиях экономики советского тыла в регионе, разоренном войной, что подчас требовало особых, зачастую выходящих за рамки законодательства подходов.

Источниками для изучения указанной проблемы послужили законодательные материалы – распоряжения Государственного комитета обороны СССР, Наркомата обороны СССР, Военных Советов Западного и Центрального фронтов, постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), Тульского, Смоленского и Орловского облисполкомов и обкомов ВКП(б), посвященные мобилизации ресурсов, в первую очередь – рабочей силы; делопроизводственная документация центральных, ре-

гиональных и районных партийных и советских структур, источники личного происхождения (письма людей во власть).

С начала войны главным вопросом организации оборонительного строительства на Западе РСФСР, зависящим от регионального руководства, стала мобилизация гражданского населения. Она началась уже летом 1941 года и сразу же приобрела значительные масштабы [5, ф. Р-2361, оп. 5, д. 6, л. 24, 36, 37–39, 95–96, 100; д. 43, л. 9, 9 об., 60, 91, 91 об., 122, 206], так как регион стал ареной Смоленского сражения, битвы за Москву, а позже – битвы за Ржев и сражения на Орловско-Курской дуге. Боевые действия на этой территории велись с июля 1941 по конец 1943 года. Только в конце июня 1941 года в Смоленской области на строительстве оборонительных полос ежедневно было занято около 200 000 человек, создавших до конца осени 1941 года четыре оборонительных рубежа [5, д. 50, л. 49]. Согласно решению бюро Смоленского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета № 2250 от 5 августа 1941 года «Об упорядочении работы обкома ВКП(б) и облисполкома», во главе оперативной группы руководства области по оборонительному строительству были поставлены секретарь обкома ВКП(б) Деньгин и заместитель председателя исполкома облсовета Залесский [5, д. 6, л. 22]. В Орловской области вопросы мобилизации населения для оборонительного строительства рассматривались бюро Орловского обкома ВКП(б) и суженным исполкомом облсовета, в состав которого входили председатель исполкома облсовета и его заместитель, первый секретарь обкома ВКП(б), начальник УНКВД, председатель облплана, облвоенком, а также начальник политдела облвоенкомата. Аналогичные структуры действовали и в районах [4, ф. Р-1591, оп. 8, д. 16, л. 368].

Мобилизация рабочей силы на оборонительное строительство регламентировалась Указами Президиума Верховного Совета СССР, постановлениями ГКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановлениями Военных Советов фронтов, инструкциями НКВД СССР, а также издаваемыми на их основе директивами обкомов ВКП(б), облисполкомов, РК ВКП(б) и исполкомов районных Советов.

Нормотворчество военного времени дало обширные полномочия по трудовой мобилизации населения военным властям и структурам НКВД СССР в местностях, объявлявшихся на военном положении, расширяя тем самым их политический капитал и тесня политиче-

ский капитал региональной власти, в том числе ее партийной ветви. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» передавал Военным Советам фронтов в местностях, объявленных на военном положении, всю полноту власти в области государственной обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. Военным давалось право в соответствии с действующим законодательством привлекать население к проведению оборонительных работ, объявлять трудовую и автожужевую повинность для военных надобностей, издавать в пределах очерченных Указом полномочий обязательные для всего населения постановления, устанавливая за их неисполнение ответственность в виде лишения свободы на срок 6 месяцев или штрафа до 3 000 руб., отдавать обязательные к исполнению распоряжения местным органам власти, государственным и общественным организациям. Неподчинение военным властям в местностях на военном положении наказывалось уголовной ответственностью по законам военного времени [12, с. 70–72].

В начале войны инициаторами привлечения гражданского населения к строительству полевых укреплений и аэродромов на Западе РСФСР выступали структуры НКВД СССР, Военные Советы фронтов, которым предоставлялось право мобилизовывать гражданское население в порядке платной трудгужповинности по фактической потребности. В 1941 году ГКО принял шесть распоряжений о привлечении населения Запада РСФСР к оборонительному строительству, в 1942 – первой половине 1943 г. – четыре [9, ф. 644, оп. 1, д. 3, л. 10–11; д. 7, л. 154; д. 9, л. 132, 144; д. 15, л. 186; д. 17, л. 178; д. 18, л. 116; д. 21, л. 127, д. 23, л. 168; д. 53, л. 71; д. 57, л. 3]. Кроме того, командование многих воинских частей и соединений мобилизовало рабочую силу явочным порядком.

Следуя этим распоряжениям, партийные и советские органы издавали свои директивы о привлечении населения к оборонительному строительству. При этом обращают на себя внимание значительные масштабы мобилизаций в начальный период войны, не встречавшиеся позднее, как видно, из-за исчерпания трудовых ресурсов региона. Так, постановлением № 2282 от 6 сентября 1941 года бюро Смоленского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета по решению Военного Совета Западного фронта от 3 сентября 1941 года секретари РК

ВКП(б) и председатели райисполкомов двенадцати районов обязывались выделить для строительства взлетно-посадочных полос одиннадцати аэродромов рабочую силу и гужевой транспорт в количестве 82,5 тыс. человекоднев пеших работников и 62,6 тыс. конедней с возчиками в течение 20 дней. Руководство районов обязывалось провести мобилизацию, организовать своевременное прибытие мобилизованных к месту работ и помочь военным в их организации, обеспечив выполнение мобилизованными установленных заданий в срок. Питанием и фуражом мобилизованные должны были обеспечиваться за счет колхозов [5, ф. Р-2361, оп. 5, д. 6, л. 36–37, 39]. 15 сентября 1941 года бюро Смоленского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета приняли постановление № 2405 «О выделении рабочей силы и гужтранспорта для Западного управления Оборонстроя НКВД СССР» с таким же закреплением обязанностей по мобилизации и организации труда 20 000 мобилизованных и 3 000 лошадей с возчиками из семнадцати районов области в течение месяца [5, Р-2361, оп. 5, д. 6, л. 95–97]. 16 сентября 1941 года бюро Смоленского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета приняли постановление № 2410 «О капитальном ремонте местных дорог», которым руководство 22 районов области обязывалось «в соответствии с заданием военного командования» привести в проезжее состояние местные дороги и мосты, обеспечив ежедневно в течение 10 дней выход на работу 13 715 человек и 9 339 подвод [5, Р-2361, оп. 5, д. 6, л. 100–103 об.]. 9 апреля 1942 года бюро Смоленского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета приняли решение «О строительстве оборонных рубежей», согласно которому мобилизация, обеспечение инструментом, доставка населения в порядке трудгужповинности на строительство оборонительных рубежей в Малоярославецком и Дзержинском районах возлагалась на райисполкомы и райкомы ВКП(б). Эти же органы власти обязывались организовать работу мобилизованных, поставив во главе каждой бригады представителя районного или сельского актива, обязанного следить за организацией работ, трудовой дисциплиной, и выполнением норм выработки. Специально назначенный член райисполкома или райкома ВКП(б) назначался для контроля за ходом работы всех мобилизованных по району. Руководство областного отдела торговли и облпотребсоюза должны были организовать обеспечение мобилизованных продовольствием [3, ф. 6, оп. 1, д. 910, л. 19]. 13 ноября 1942 года бюро

Смоленского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета в постановлении «О мобилизации гражданского населения на проведение оборонных работ» обязали председателей райисполкомов и секретарей Медынского, Износковского, Дзержинского, Юхновского, Мещовского, Сухиничского, Козельского РК ВКП(б) выделить 6 500 человек и 200 лошадей сроком на два месяца, предав рабочую силу в распоряжение начальника управления оборонительного строительства № 33 Западного фронта. Районные власти должны были обеспечить мобилизованных инструментом и проследить, чтобы каждый из них имел личную посуду для пищи и запас белья, а также выделить сопровождающих для помощи в организации на месте «труда, быта и соревнования». Жилье, питание и оплату труда по существовавшим расценкам обеспечивали военные [3, ф. 6, оп. 1, д. 910, л. 19].

Получив это постановление, РК ВКП(б) и райисполкомы приняли на его основе свои постановления, развертали спущенное им задание по мобилизации рабочей силы и лошадей по сельсоветам, которые занялись вручением повесток о мобилизации на оборонное строительство по колхозам. Кое-где учет мобилизованных был поручен правлениям колхозов [3, ф. 6, оп. 1, д. 1061, л. 5, 28].

Постановление СНК СССР 10 августа 1942 года № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» конкретизировало порядок привлечения населения к оборонительному строительству. Так, к трудовой повинности привлекались мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Не привлекались к трудовой повинности беременные с 5 месяца беременности, женщины, имевшие грудных детей и детей до 8-летнего возраста в отсутствие других членов семьи, инвалиды первой и второй групп. Продолжительность привлечения к трудовой повинности не должна была превышать два месяца с продолжительностью рабочего дня 8 часов и 3 часа обязательных сверхурочных. Оплату труда должны были производить те организации, для которых мобилизовывалась рабочая сила. При этом за рабочими и служащими государственных и общественных предприятий и организаций, а также промысловых артелей могла сохраняться по решению СНК СССР заработная плата в размере не выше 50 % ставки, получаемой по основному месту работы. Колхозникам, привлекаемым к трудовой повинности, начислялось за счет колхоза 25 % среднего количества трудодней, выработанных за тот же период

колхозниками той же квалификации и специальности. Таким образом, оплата мобилизованным за труд на строительстве оборонительных сооружений в большинстве случаев в полной мере не возмещала затрат их сил и средств.

Законом устанавливалась возможность привлекать к труду население как в месте постоянного проживания, так и вне его, причем бесплатные транспортировка до места работ и размещение возлагались на ту организацию, в интересах которой проводились работы. Питание в пути и на месте работ осуществлялось заказчиком работ за плату. Отказ или уклонение от трудовой повинности влекли уголовную ответственность по законам военного времени [13, с. 92–95].

В начальный период войны военное командование нередко обращалось напрямую к руководству районов, требуя выделить потребное количество рабочей силы или же мобилизовывало ее само. 6 мая 1942 года военный прокурор 49-й армии Западного фронта обратился к секретарям РК ВКП(б), председателям райисполкомов и прокурорам Дзержинского, Юхновского и Издешковского районов Смоленской области с требованием мобилизовать население на дорожные работы в помощь военным, а также самим принять деятельное участие в их организации. Письмо ориентировало районный актив на организацию труда мобилизованных военными методами: рабочая сила должна была поступить во временное распоряжение командиров воинских частей, разбита на группы во главе со старшими, ответственными перед командиром части за вход на работу, ее качество и ежедневную отчетность. Ответственность за мобилизацию возлагалась «лично» на руководителей района, а районным прокурорам предписывалось следить за «отлынивающими и саботажниками», немедленно привлекая их к уголовной ответственности и передавая дела в военные трибуналы [5, ф. 2361, оп. 5, д. 41, л. 68–69]. Примерно то же требовал от руководства Юхновского района Смоленской области начальник отдела автотранспортной и дорожной службы 50-й армии Западного фронта [3, ф. 2361, оп. 5, д. 41, л. 54].

Областное и районное руководство следовало указаниям военных, выделяя рабочую силу или закрепляя населенные пункты и колхозы за участками обслуживаемых дорог [3, ф. 2361, оп. 5, д. 41, л. 61, 64, 91–92], однако стремилось не позволять им мобилизовать рабочую силу самостоятельно [4, ф. П-52, оп. 2, д. 55, л. 47–48, 58; 5, ф. Р-2361, оп. 5, д. 54,

л. 67, 131; д. 59, л. 42], хотя это было столь распространенным, что руководство Смоленской области обратилось к члену Военного Совета Западного фронта Н.А. Булганину с просьбой указать командованию частей на необходимость соблюдения установленного порядка, прибегая к самочинным мобилизациям только в экстренных случаях [5, ф. 2361, оп. 5, д. 59, л. 102].

Напряженность трудового баланса в прифронтовых и фронтовых регионах и необходимость лучшей координации использования имеющихся трудовых ресурсов заставили верховную власть скорректировать практику привлечения населения к трудовой повинности, что повлияло на баланс политического капитала основных структур власти на Западе РСФСР. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1943 года «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности для выполнения оборонительных и других работ в военное время», привлечение населения к оборонительным и другим видам работ могло производиться только с разрешения ГКО СССР. Командующие фронтами и военными округами обязывались информировать ГКО о количестве привлеченного населения и характере оборонительных работ [12, с. 92; 10, с. 190]. Эта инициатива усиливала регламентацию политического капитала военного командования и структур НКВД в сфере трудовых мобилизаций гражданского населения.

Во второй половине 1943 года ГКО СССР издал десять, в 1944 году – четыре распоряжения, касающихся мобилизации рабочей силы и транспорта западнорусских областей для нужд Военных Советов Центрального, Брянского, Белорусского, 1-го Прибалтийского фронтов, ВВС Красной армии, Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР, Главного дорожного управления СНК РСФСР, Главного дорожного управления Красной армии, НКПС СССР. Они касались строительства полевых укреплений, восстановления, ремонта и обслуживания железных и грунтовых дорог, полевых аэродромов, транспортировки боеприпасов и т. д. [9, ф. 644, оп. 1, д. 138, л. 1–3, д. 153, л. 131; д. 156, л. 62, 159–160; д. 163, л. 102; д. 175, л. 44–45; д. 177, л. 7–8; д. 182, л. 94; д. 183, л. 144, 245, 245; д. 253, л. 30; д. 254, л. 25; д. 335, л. 62–63; 3, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 146]. Мобилизация местной рабочей силы и транспорта вновь возлагалась на облисполкомы и обкомы ВКП(б). Ответственными за выполнение работ мобилизованными на трудовой фронт являлись первые секретари РК ВКП(б) и председатели рай-

исполкомов. Так, распоряжением ГКО № 7005сс от 25 ноября 1944 года «О подготовке аэродромов для зимней и весенней эксплуатации в 1944–1945 гг.» первым секретарям обкомов ВКП(б) и председателям облисполкомов давалось право привлекать население к очистке аэродромов в порядке трудовой повинности, даже служащих учреждений и предприятий на срок не более трех суток в случае угрозы срыва полетов из-за неподготовленности аэродромов, приписать к аэродромам контингенты рабочей силы и транспорта колхозов, предприятий и учреждений. Ответственность за помощь в своевременной очистке аэродромов возлагалась на секретарей РК ВКП(б) и председателей райисполкомов районов, на территории которых располагались аэродромы [9, ф. 644, оп. 1, д. 335, л. 62–63]. Постановление ГОКО № 5899сс от 15 мая 1944 года обязывало Смоленский обком ВКП(б) и облисполком мобилизовать для строительства оборонительных рубежей 3-го Белорусского фронта 4 000 трудоспособных и 200 подвод с 10 июня по 1 августа 1944 года [3, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 146]. 28 декабря 1943 года исполком Смоленского облсовета и бюро обкома ВКП(б) приняли постановление «О мобилизации неработающего городского и сельского населения на строительство оборонительных рубежей», согласно которому в соответствии с постановлением ГКО № 4824сс от 21 декабря 1943 года руководство десяти районов обязывалось мобилизовать для оборонительного строительства 9 800 человек в распоряжение командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта на три месяца [3, ф. 6, оп. 1, д. 1119, л. 5, 6, 31].

Впрочем, не все просьбы военных о выделении рабочей силы безоговорочно удовлетворялись. Так, 8 июня 1944 года командование одной из авиачастей запросило у смоленского областного руководства 3 900 человек для строительства на территории области объектов оборонного значения, однако в этой просьбе было отказано из-за отсутствия распоряжения об этом ГКО [3, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 193].

Следует отметить, что категории населения, которые можно было мобилизовать на оборонительное строительство и вообще на трудовой фронт на Западе РСФСР, были крайне невелики, так как подавляющее большинство трудоспособных мужчин были призваны в армию, а молодежи – в школы ФЗО, железнодорожные и ремесленные училища, нередко – в восточные районы страны. Так, школы и училища ФЗО Тульской области только в 1942–1943 годы передали ее

промышленности свыше 12 000 подготовленных молодых рабочих и обучали еще около 8 000 [6, ф. П-177, оп. 9, д. 45, л. 86]. Из Смоленской области только в июне 1942 года в школы ФЗО было направлено более 43 000 юношей и девушек – вся молодежь в возрасте 14–18 лет [5, ф. Р-2361, оп. 5, д. 50, л. 124; д. 59, л. 222].

В результате напряженного баланса рабочей силы в Смоленской, Орловской и Тульской областях нередкими были срывы оборонительного строительства. Так, в Тульской области в 1942–1943 годы планы мобилизации населения на строительство оборонительных сооружений, как правило, выполнялись лишь на 20–60 % [6, ф. Р-2640, оп. 7, д. 37, л. 3–26, 136, 136 об., 137–137 об; д. 60, л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 5, 6, 7, 7 об., 8, 8 об., 18–19, 19 об., 65, 65 об., 75, 75 об., 144, 144 об., 152, 158, 158 об.]. Сходное положение наблюдалось в Орловской и Смоленской областях [4, ф. Р-1591, оп. 8, д. 27, л. 108, 174, 233–234, 30, 300 об.; 3, ф. 6, оп. 1, д. 1061, л. 1; 5, ф. Р-2361, оп. 5, д. 43, л. 169; д. 50, л. 48, 95, 100, 157; д. 51, л. 175]. Нередко обслуживание объектов оборонного значения ставилось под угрозу из-за невыделения продовольствия закрепленному для их обслуживания населению. Так, например, отсутствие снабжения продуктами мобилизованных для очистки аэродромов 19-го района авиационного базирования 1-й воздушной армии жителей Смоленского, Ярцевского и Руднянского районов резко сократило их выход на работу, поставив под угрозу боевую работу базировавшихся там авиаполков. Командование 19-го района авиабазирования вынуждено было неоднократно обращаться к руководству Смоленского обкома ВКП(б), требуя нормализации снабжения продовольствием 4 500 человек закрепленных за аэродромами местных жителей [3, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 337].

Рабочей силы всегда не хватало, и проблема ее изыскания становилась для региональной власти все более актуальной по мере сокращения трудовых ресурсов вследствие ее истребления и угона гитлеровцами, эвакуаций в советский тыл, ранее проведенных мобилизаций, призывов в Красную армию, гибели в партизанской и подпольной борьбе и по другим причинам.

Руководство областей и районов использовало всё свое влияние, связи в структурах центральной власти для того, чтобы сократить величину спускаемого области задания по мобилизации рабочей силы и транспорта, продлить бронь от призыва в армию ключевым работни-

кам областного и районного аппарата, ходатайствуя об этом перед Военными Советами Брянского, Западного и Центрального фронтов, Приволжского и Белорусского военных округов, центральными инстанциями [4, ф. П-52, оп. 2, д. 55, л. 5; д. 517, л. 42; 5, ф. 2361, оп. 5, д. 50, л. 155, 155 об.; 9, ф. 17, оп. 127, д. 162, л. 22]. Так, в Орловской области накануне ее оккупации облвоенкомат мобилизовал и вывез за ее пределы призывные контингенты, а также лошадей и автотракторный парк. Оставшаяся скудная рабочая сила использовалась на восстановительных работах [4, ф. П-52, оп. 2, д. 55, л. 5]. В области еще в начале 1942 года по инициативе секретаря Орловского обкома ВКП(б) В.И. Бойцова началось формирование строительных батальонов из призванных, но еще не отправленных в РККА людей [9, ф. 17, оп. 122, д. 20, л. 36]. В Смоленской области все военнообязанные были призваны накануне ее оккупации летом–осенью 1941 года 5 июня 1942 года. ГКО распоряжением № 1876с «О переселении из прифронтовых районов Смоленской области городского и сельского населения» обязало переселить из пятнадцати прифронтовых районов 15 000 человек [9, ф. 644, оп. 1, д. 38, л. 258]. Однако, даже несмотря на это, руководство области только в июле–августе 1942 года получило восемь заданий по мобилизации 12 000 человек для промышленности, от шести из которых просило СНК СССР область освободить. В январе–июле 1943 года, по мере завершения освобождения районов Смоленщины, были проведен учет молодежи призывных возрастов, лиц, имевших бронь от призыва, отсрочки по болезни, попавших в окружение, в результате чего в армию было призвано 4 637 человек 1925 года рождения, а всего – 11 733 человека [5, ф. 2361, оп. 5, д. 50, л. 155, 155 об.; 3, ф. 6, оп. 1, д. 1343, л. 82, 82 об.].

С середины 1943 года, когда военное командование, руководство структур НКВД, НКПС вынуждено было согласовывать необходимость и масштаб мобилизаций населения на оборонительное строительство с ГКО СССР, участились их ходатайства перед партийными и советскими чиновникам о выделении гражданской рабочей силы [6, ф. Р-2640, оп. 7, д. 87, л. 103; 3, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 146, 193, 337], причем нередко – даже без соответствующего распоряжения ГКО, дававшего на это право. Так, например, 6 марта 1944 года инженерный отдел Штаба Белорусского военного округа обратился к первому секретарю Смоленского обкома ВКП(б) Д.М. Попову с просьбой посо-

действовать в вывозке с полей собранных мин в Кармановском, Тёмкинском и Юхновском районах, так как из-за бездорожья невозможно было использовать автотранспорт. Заведующий военным отделом обкома ВКП(б) по распоряжению Д.М. Попова обязал секретарей РК ВКП(б) оказать требуемую помощь [3, ф. 6, оп. 1, д. 1695, л. 74–77]. Партийное и советское руководство в свою очередь обращалось к командованию воинских частей с просьбами о выделении транспорта, помощи в проведении сельхозработ, разминировании бывших полей сражений.

Основным итогом работы политического капитала регионально-го руководства на Западе РСФСР в организации оборонительного строительства в годы войны можно считать в целом успешную мобилизацию значительной части материальных и людских ресурсов, которые были использованы для содействия войскам Центрального, Брянского и Западного фронтов в их борьбе против группы армий «Центр».

По мере завершения боевых действий, высвобождения сил и средств с фронта мобилизующий потенциал политического капитала регионального руководства на Западе РСФСР дополнялся, а иногда и заменялся экономическими рычагами, а политический капитал военного командования и структур НКВД подвергался всё большей регламентации. Постепенно были свернуты мобилизации на строительство оборонительных сооружений, мобилизации гражданского населения явочным порядком, отменено прикрепление рабочих важнейших предприятий и железнодорожников к рабочим местам. В родные края возвращались мобилизованные на предприятия восточных районов страны. В разминировании оборонительных рубежей ставка в большей степени делалась на привлечение инженерно-саперных подразделений армии, чем на общественников-осоавиахимовцев.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. / рук. автор. колл. Г.А. Куманев, А.В. Минаев, пред. редколл. В.В. Панов. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.
2. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948. – 192 с.
3. Государственный архив новейшей истории Смоленской области.
4. Государственный архив Орловской области.
5. Государственный архив Смоленской области.

6. Государственный архив Тульской области.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 6 / рук. редакц. и авторск. колл. В.А. Василенко. – М.: Воениздат МО СССР, 1965. – 616 с.
8. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Электронный журнал www.ecsoc.msses.ru. 2002. – Т. 3.– № 4. – С. 20–32.
10. Российский государственный архив социально-политической истории.
11. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.) Т. 13 (2–3) / под общ. ред. акад. РАЕН В.А. Золотарева. Сост. А.И. Барсуков (отв. сост.), П.Н. Бобылев, Л.В. Двойных, П.Н. Дмитриев, Ю.Н. Иванова и др. – М.: Терра, 1997. – 456 с.
12. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.). – М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1944. – 379 с.
13. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. – Л.: Ленинградск. газетно-журнальн. и кн. издат., 1942. – 272 с.
14. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Л.: Ленинградск. газетно-журнальн. и кн. издат., 1944. – 252 с.
15. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. – М.: Госполитиздат, 1951. – 209 с.

ФЕНОМЕН БРИТАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Аннотация. Нижеследующая статья освещает вопрос ведения Великобританией экономической войны в период Второй мировой. Во главу угла ставится деятельность профильного ведомства – Министерства экономической войны. Рассматривается роль данной структуры в военных событиях.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, Министерство экономической войны.

Marchenkov R.R.

post-graduate student of the Department of
General History and International Relations of the
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

THE PHENOMENON OF THE BRITISH MINISTRY OF ECONOMIC WARFARE IN THE SECOND WORLD WAR

Summary. This article covers the issue of Britain's economic war during the Second World War. It is based on the activities of the relevant department-the Ministry of Economic Warfare. The role of this structure in military events is considered.

Key words: Second world war, Great Britain, Ministry of Economic Warfare.

В современных реалиях термин «экономическая война» в международной повестке вошел в частый обиход. В этом плане наиболее узнаваемой ее стороной является санкционная политика ряда западных стран. Однако стоит принимать в расчет и диверсионные акции в отношении объектов экономико-промышленного сектора. Достаточно вспомнить вирус Stuxnet, осуществивший атаку на иранский завод по обогащению урана в 2010 году [3], или же, согласно заявлениям иранской стороны, прямую диверсию на том же объекте в апреле 2021 года [4]. В целом же «экономическая война» стала неотъемлемой частью стратегии «гибридной войны». В этой связи поиск корней данной практики и изучение опыта действий в данной сфере в текущих условиях представляется особо актуальным.

Обращаясь к периоду Второй мировой войны, в плоскости ведения «экономической войны» внимание привлекает Великобритания с такой уникальной структурой, как Министерство экономической войны (МЭВ). В названии данного органа уже заложена суть британского подхода к противоборству:

- высокий государственный уровень с присущей централизацией, о чем свидетельствует наличие отдельного ведомства;

- наступательный характер действий, на что указывает само слово «война»;

- экономическое измерение противоборства с противником.

В отечественной исторической науке первоочередное внимание созданному 3 сентября 1939 года МЭВ уделил исследователь В.Г. Трухановский, выделивший три направления в так называемой британской доктрине экономической войны. Во-первых, на внутреннем государственном уровне в ход вводились законодательные меры [8, с. 60–65]. Под данным термином следует понимать преимущественно санкционную политику. Устанавливался контроль над британскими компаниями с целью прекращения их сотрудничества с противником, а также давления при их помощи на нейтральных «игроков». Во-вторых, на межгосударственном уровне активизировалась дипломатия, преследуя своей целью заставить нейтральные страны воздержаться от экономических сношений со страной-объектом экономической войны. В-третьих, предусматривались и военные меры в виде захвата судов противника с их грузами, установления контроля за транзитом товаров противнику на судах нейтральных стран и непосредственно блокады [8, с. 60–65].

В свою очередь, в начале Второй мировой войны вектор экономической войны включили и королевские ВВС. Так, к блокаде добавилась бомбардировочные акции в отношении объектов германской энергетической инфраструктуры [10, с. 103–104]. Следует обратить особое внимание, что вопросу поставок и производства нефти, осуществляемых в интересах Германии, в Лондоне уделяли особое внимание на протяжении всей войны. Так, еще в период «странной войны» 3 ноября 1939 года на повестке Военного кабинета находился вопрос разрушения румынских нефтяных месторождений, удовлетворяющих германские нужды [12, с. 22–23]. В качестве целей бомбардировок в 1939–1940 годах рассматривался и Советский Союз, экспорт углево-

дородов которого вызывал недовольство британской стороны, мешая воплотить в жизнь намеченную стратегию [5, с. 68; 10, с. 102].

Немаловажным является то, что подход к военному воздействию на третьи страны, потенциально способные или непосредственно оказывающие экономическое содействие противнику, не изменился с течением времени. Скорее даже, наоборот, с приходом к власти У. Черчилля и сменой правительства он стал источать большую решимость. Так, в плане оценки воздействия на маршруты транспортировки топлива из Румынии в Германию 8 июня 1940 года на заседании военного кабинета также рассматривалось минирование контролируемого немцами участка Дуная посредством сброса мин с самолетов. При этом во главу угла ставилась результативность. Признавая необходимость воздействия на поставки топлива в Германию, Военный кабинет также (помимо, бомбардировок румынских мощностей) взял на заметку проработку нерегулярных операций [13, с. 265–266].

Помимо этого, в Великобритании предполагалось усиление позиций в Ираке и Иране с целью воспрепятствования продвижения стран «оси» на Ближний восток с его нефтеносными районами. Согласно подходу к нефтяной проблематике ряда влиятельных британских политиков, в том числе У. Черчилля, разрушение иракской нефтяной промышленности должно было ослабить желание Германии продвигаться на Ближний Восток и сподвигнуть ее к захвату кавказской нефти, способствуя втягиванию Германии в войну против СССР. Вдобавок данная мера позволяла защитить нефтепромыслы соседнего Ирана, завязанные на нужды британской армии [1, с. 68–73].

Возвращаясь к европейскому театру военных действий, внимания заслуживает норвежская кампания 1940 года. В ней также изначально находилось место экономическому противостоянию. В данном случае речь идет о планах Великобритании закрепиться в норвежском Нарвике. Для ясности картины следует заметить, что Германия импортировала значительное количество такого стратегического сырья, как железная руда, из Швеции. Основная часть поставок шла через шведский порт Лулео на берегу Ботнического залива, который замерзал в зимний период. В свою очередь, норвежский Нарвик, находящийся вблизи шведских месторождений железной руды, функционировал круглый год. Вдобавок германские суда, шедшие из Нарвика, почти весь путь находились в водах нейтральной Норвегии, спасаясь тем

самым от британцев [6, с. 28]. В пользу данной акции британское руководство в том числе подталкивала позиция Министерства экономической войны, полагавшего, что овладение союзниками Нарвиком в конечном итоге возымеет негативный эффект на германскую промышленность [15, с. 294]. Что касается задействования королевских ВВС на европейском пространстве, то наиболее популярной идеей британского руководства являлось ориентирование авиации не на военные цели, а на экономико-промышленные объекты противника. В этом плане первое место занимал германский промышленный район в Руре [13, с. 36–40]. Причем в русле проведения экономической войны британская стратегическая авиация длительное время наносила удары по промышленным объектам противника в Рурской области и нефтеперерабатывающим заводам, придерживаясь данных приоритетов до февраля 1942 года [11, с. 218].

В вопросе ориентации национальных ВВС было активно задействовано Министерство экономической войны Великобритании. Проанализировав характер предполагаемых целей, МЭВ изложило свои выводы в справочнике по экономическому значению немецких городов. В данном справочнике содержалась информация о конкретных объектах промышленности, их значении для германского военно-промышленного комплекса, уровень уязвимости и ремонтные мощности. Помимо этого, осуществлялось ранжирование населенных пунктов на основании соотношения экономического значения, количества населения и потенциального ущерба инфраструктуре [11, с. 218]. В концепцию экономической войны вписывается и другой аспект деятельности королевских ВВС, воплощенный в рамках операции «Суматоха» («Раззл»). В рамках данной акции военно-воздушные силы Великобритании осуществляли сброс зажигательных бомб над германскими посевами зерновых культур с целью вызова перебоев с продовольствием [14, с. 9].

Сотрудничество МЭВ с военно-воздушными силами страны и воплощение в жизнь государственных мер противоборства в экономической сфере, безусловно, являлись важными направлениями деятельности ведомства. В то же время военный вектор деятельности не обошел стороной министерство. Речь идет об образовании в его составе диверсионной структуры – Управления специальных операций (УСО) [2, с. 41]. Данному управлению, в частности, присуждается успешная

диверсия на заводе по производству тяжелой воды в Норвегии [9, с. 62]. В Великобритании на тот момент полагали, что подобного рода акции должны были воспрепятствовать германской ядерной программе [7, с. 243–244]. Примечательным является то, что УСО действовало не только грубой силой, но и финансовым вознаграждением. В составе управления присутствовало подразделение № 136, участвовавшее в тайной политической жизни. Оно отвечало за подкуп политических группировок на Ближнем Востоке, а также на азиатском направлении с целью заручиться их лояльностью Британской империи [9, с. 61].

В свете рассмотренных сторон деятельности Министерства экономической войны, в том числе подведомственного ему Управления спецопераций, направление экономического противоборства представляется весьма многообразным и поучительным. При этом в современных реалиях характер противоборства в экономической сфере и связанных с ней отраслях удачно подчеркивает позиция главы британского Министерства экономического развития Х. Дальтона, озвученная в ходе Второй мировой. Он, стараясь вписать подрывную деятельность в классическое военное измерение, представленное армией, авиацией и флотом, сравнил ее с «четвертой силой» [2, с. 115].

Литература

1. Валиахметова Г.Н. Иракская нефть в военной стратегии Англии и советский фактор: 1940–1941 годы/ Валиахметова Г.Н.// Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38 (176). История. Вып. 37. – С. 68–73.
2. Маккензи У. Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940–1945 гг. /пер с англ. В.Ф. Мисюченко. – М.: АСТ; ООО «Транзит-книга», 2004. – 947 с.
3. Официальный сайт РИА «Новости». – URL: <https://ria.ru/20210413/iran-1727958537.html> (дата обращения: 18.04.2021).
4. Официальный сайт ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11177357> (дата обращения: 18.04.2021).
5. Перетолчин Д. Мировые элиты и Британский рейх во Второй мировой войне. – М.: Книжный мир, 2015. – 448 с.
6. Пятянин С.В. Роль и место норвежской кампании в боевых действиях на Западном фронте (1939–1940 гг.). Дис. кандидата исторических наук/ Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, – Нижний Новгород, 2002. – 234 с.

7. Суржик Д.В. Идемте вперед единой силой! Британский тыл в годы Второй мировой войны. Часть 2 /Д.В. Суржик // Пространство и Время. – 2015. – № 1–2(19–20). – С. 241–251.

8. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны (1939–1945). – Москва: Наука, 1965. – 638 с.

9. Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6 / Пер. с англ. Л.А. Карповой. – М.: Центрполиграф, 2016. – 543 с.

10. Чемпалов И.Н. Английская экономическая блокада Германии в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940) / И.Н. Чемпалов // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 103–104.

11. Hohn U. The Bomber's Baedeker – Target Book for Strategic Bombing in the Economic Warfare against German Towns 1943–45 // GeoJournal Vol. 34. – №. 2. – Military Geography: The Changing Role of the Military (October 1994). – Pp. 213–230.

12. The National Archive Great Britain. Public Record Office (далее – NAGB PRO) W.M. (39) 69 conclusions, minute 5 / Rumanian oil supplies // CAB 65/4 (записи заседаний британского Военного кабинета в период с 30 ноября по 27 декабря 1939 года).

13. NAGB PRO. W.M. (40) 158 conclusions, minute 11 / German oil supplies / CAB 65/13 (записи заседаний британского Военного кабинета в период с 1 мая по 30 июня 1940 года).

14. NAGB PRO. W.M. (40) 191 conclusions, minute 2 / Operation «Razzle» // CAB 65/14 (записи заседаний британского Военного кабинета в период с 1 июля по 30 августа 1940 года).

15. Todman D. Britain's War: Into Battle, 1937–1941. – London: Oxford University Press, 2016. – 826 p.

103-Я СТРЕЛКОВАЯ (МОТОРИЗОВАННАЯ) ДИВИЗИЯ В ДНИ СМОЛЕНСКОГО СРАЖЕНИЯ 1941 ГОДА

Аннотация: Летом 1941 года на Смоленщине развернулись ожесточенные бои, в ходе которых многие соединения Красной Армии понесли большие потери. Одним из таких соединений стала 103-я моторизованная дивизия, принимавшая участие в Смоленском сражении. Боевой путь дивизии рассматривается не только на основе известных документальных источников, но и с привлечением документов 141-го отдельного саперного батальона этой дивизии, найденных в сейфе под Вязьмой в 2018 году.

Ключевые слова: 103-я моторизованная (стрелковая) дивизия, 141-й отдельный саперный батальон, Смоленской сражение, Ельнинская операция.

Mikhailov I. G.

Head of «Bogoroditskoye» Estate

Museum-reserve «Khmelita»

Khmelita, Vyazma district, Smolensk region

103RD RIFLE (MOTORIZED) DIVISION DURING SMOLENSK BATTLE IN 1941

Annotation: In the summer of 1941, fierce battles unfolded in the Smolensk region, during which many formations of the Red Army suffered heavy losses. One of these formations was the 103-rd motorized division, which took part in Smolensk battle. The division's combat path is considered not only on the basis of well-known documentary sources, but also with the involvement of documents from the 141st separate sapper battalion of this division, found in a safe near Vyazma in 2018.

Keywords: 103rd Motorized (Rifle) Division, 141st Separate Engineer Battalion, Smolensk battle, Elnya operation.

Осенью 2018 года южнее Вязьмы, в районе Юринских озер (28 км южнее Вязьмы) черными копателями случайно был обнаружен сейф времен Великой Отечественной войны. В сейфе оказались документы. После его первичного осмотра стало понятно, что это документы 141-го легкого инженерного батальона (далее – ЛИБ). Сами докумен-

ты были переданы в дар музею-заповеднику «Хмелита», после чего работа с уникальной находкой проводилась по двум направлениям. Во-первых, сами документы были переданы в специальную лабораторию «Солдатский медальон» г. Москвы для дальнейшей разборки. Во-вторых, сотрудники музея задались целью установить, какому конкретному соединению принадлежал 141-й ЛИБ, когда и почему эти документы были спрятаны в районе Вязьмы. Пока документы находились в Москве, удалось установить, что 141-й ЛИБ входил в состав 103-й стрелковой (ранее моторизованной) дивизии (далее – СД или МД), которая входила в состав 24-й армии Резервного фронта. В ходе Вяземской оборонительной операции и сама 103-я дивизия, и ее 141-й ЛИБ, вместе с 24-й армией после тяжелых боев в районе г. Ельни стали отступать к Вязьме, где попали в окружение. Вероятнее всего, командный состав 141-го батальона в какой-то из дней принял решение закопать документы подразделения, чтобы они не достались врагу. Приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 00131 от 27.12.1941 103-я сд была исключена из состава Красной Армии и считалась расформированной [5, ф. 206, оп. 265, д. 3, л. 93]. Так стало понятно, что в наших руках находится уникальный сейф с документами сорок первого года.

В отечественной историографии, насколько может судить автор, пока не было отдельного исследования, посвященного истории и боевому пути 103-й дивизии первого формирования. Дивизия была сформирована в 1940 году как моторизованная, а в августе 1941 года она была переформирована в стрелковую дивизию. Краткая история формирования 103-й МД и ее командный состав изложены в книге Евгения Дрига «Механизированные корпуса РККА в бою» [1, с. 574–576]. На Интернет-ресурсе rkkawwii.ru изложена краткая история 103-й МД и 103-й СД [7]. Источников по истории 103-й дивизии также крайне мало. Достаточно сказать, что на Интернет-ресурсе «Память народа» на апрель 2020 года фактически вся документальная база по боевому пути 103-й дивизии в 1941 году составляют карты Генерального штаба, Западного и Резервного фронтов [6]. Некоторую информацию о действиях 103-й МД мы можем обнаружить в документах 141-го ЛИБ, хранящихся в фондах музея-заповедника «Хмелита». Обобщив и проанализировав доступный нам массив документов, попытаемся изложить боевой путь 103-й стрелковой (моторизованной) дивизии 24-й

армии в период с июня по сентябрь 1941 года, т.е. в период Смоленского сражения.

Формирование 103-й моторизованной дивизии проходило в августе–сентябре 1939 года на базе 35-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии в городе Ворошиловске (ныне г. Ставрополь), Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края [1, с. 576]. 103-я МД вошла в состав 26-го механизированного корпуса (далее – МК) Северо-Кавказского Военного округа (далее – СКВО) [1, с. 573–578]. После формирования дивизии ее боевой состав выглядел следующим образом: 583-й, 688-й мотострелковые полки (далее – МСП), 147-й танковый полк (далее – ТП), 271-й артиллерийский полк, 155-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 256-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, 98-й разведывательный батальон, 141-й легко-инженерный батальон, 146-й отдельный батальон связи, 220-й артиллерийский парковый дивизион, 139-й медико-санитарный батальон, 110-й автотранспортный батальон, 198-й ремонтно-восстановительный батальон, 61-я рота регулирования, 117-й полевой хлебозавод, 196-я полевая почтовая станция, 214-я полевая касса Госбанка [1, с. 575–576]. Командный состав дивизии: командир – генерал-майор Григорий Тимофеевич Тимофеев, военный комиссар – полковой комиссар Денис Матвеевич Осадчий, начальник штаба – подполковник Григорий Иванович Каначадзе [1, с. 574–575].

До начала Великой Отечественной войны 103-я МД находилась в пунктах постоянной дислокации. На шестой день войны, 27 июня, Ставка Главного Командования отдала Директиву № 0042 командующему войсками Сибирского военного округа о формировании и задачах армии. Согласно Директиве в состав армии включались 52-й и 53-й стрелковые корпуса (далее – СК) и 23-й и 26-й мехкорпуса. Армию необходимо было сосредоточить в районе ст. Нелидово, Белый, Дорогобуж, Гжатск, Ржев. Штаб армии – Вязьма [3, с. 24–25]. 6–11 июля 1941 года части 103-й моторизованной дивизии выбыли к новому месту назначения – г. Вязьма Смоленской области. В первые дни пребывания на Смоленщине части 103-й МД находились в районе устья реки Вязьма, там, где она впадает в реку Днепр это район деревень: Тычково, Азарово, Пашино, Ордылево, Пигулино (52–55 км северо-западнее Вязьма).

Приказом Ставки Верховного Командования № 00334 от 14 июля 1941 года создавался Фронт резервных армий. В состав фронта вклю-

чались 29-я, 30-я, 24-я, 28-я, 31-я и 32-я армии. 24-й армии ставилась новая задача: упорно оборонять рубеж Белый, ст. Издешково, Дорогобуж, Ельня. Особое внимание обратить на организацию обороны направления Ярцево, Вязьма [3, с. 70–71]. На следующий день приказ Ставки был детализирован приказом Командующего войсками Фронта резервных армий № 001/ОП. Примечательно, что в этом приказе 103-я дивизия именуется как танковая [4, с. 115]. Конкретное местонахождение частей 103-ТД (МД) нам вновь помогут установить документы 141-го отдельного саперного батальона. В этих документах имеется карта-схема (без даты) с обозначением расположения 103-й дивизии: 688 МСП – Ямново – Митино; 583 МСП – вероятно, Кулешово; 147 ТП – вероятно, Красиково; Юфаново – Хожаево – Березняки – Казулино – разведбат, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, 141 ЛИБ и другие подразделения 103-й МД (22–25 км западнее Вязьмы) [2]. Хотя на документе отсутствует дата, но мы можем уверенно предполагать, что это схема относится к периоду 16–27 июля, пока 103-я дивизия не вошла в состав ельнинской группировки 24-й армии.

19 июля немецко-фашистскими войсками был занят город Ельня. Советское командование сразу же стало принимать меры для возвращения этого города под свой контроль. С этой целью 21 июля была создана оперативная группа в составе 19-й сд и 105-й тд [4, с. 126–127]. На следующий день в состав этой группы был направлен один мотострелковый полк 103-й МД [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 20]. Остальные части дивизии продолжали занимать прежние позиции, и совершенствовали свою полосу обороны. Бои в районе Ельни с каждым днем стали принимать всё более ожесточенный и упорный характер, поэтому командование 24-й армии стало усиливать ельнинскую группировку новыми силами. Сходу вернуть Ельню советским войскам не удалось. Исходя из складывающейся обстановки, командование 24-й армии продолжало наращивать силы ельнинской группировки, видимо, поэтому в конце июля (точную дату автор определить пока затрудняется) 103-я МД получила приказ всеми силами выдвинуться в район Ельни. Таким образом, из района Тычково, Азарово, Пашино, Ордылево, Пигулино части 103-й МД совершили марш в направлении Дорогобужа и далее Ельни.

1 августа 1941 года 103-я МД занимала оборону на рубеже Семешево–Лаврово (10–11 км с-в. Ельни) [2]. С начала августа все основные силы 103-й дивизии вступили в тяжелые и кровопролитные бои на

ельнинском выступе. Это подтверждают и документы 141-го ОСБ. В ходе этих ожесточенных боев личный состав проявлял образцы мужества и героизма. Приведем цитату из наградного листа на командира 2-й саперной роты этого батальона, младшего лейтенанта Иванова Анатолия Николаевича: «1 августа 1941 г. во главе с 2-мя саперными взводами вступил в бой с немецкими танкистами под д. Ушаково Смоленской обл. Маневрируя подразделением под фугасным огнем минометов, мл. л-т. Иванов А.Н. занял исходное положение для атаки в 150 м от окопов пр-ка (противника). Поднял в штыковую атаку бойцов, сильным ударом занял 3 передовых окопа немцев. Немцы понесли большие потери убитыми и ранеными. Под воздействием авиации пр-ка вынужден отойти в свои окопы. Подразделение несло большие потери. Немцы сделали попытку уничтожить группу т. Иванова. Мл. л-т Иванов, заменив раненого пулеметчика, метким огнем из ручного пулемета скосил поднимающуюся цепь пр-ка, не допустив их до окопов. Пр-к вынужден был отойти (так в тексте) оставив на поле боя около 20 человек раненых и убитых солдат. С группой красноармейцев в составе 14 человек двое суток оборонял вверенный ему участок. Работая ручным пулеметом, уничтожил 2 пулеметных расчета пр-ка, что дало возможность продвинуться вперед собственному подразделению. В конце вторых суток, поднимая пятый раз в атаку, был тяжело ранен снайперской пулей в голову» [2].

Несмотря на все усилия советских войск, вернуть себе Ельню и срезать Ельнинский выступ не удавалось. Частным боевым приказом командующего Резервным фронтом № 19/ОП от 6 августа 1941 года предусматривалось нанести удар по Ельне из района Дубовежье (13,5 км сев-зап. Ельни) – Ушаково (11 км сев. Ельни) в юго-восточном направлении. 103-я сд должна была из района Ушаково, Лаврово нанести удар через Петряино, Софиевка на северную окраину Ельни [4, с. 140]. Причем решить поставленную задачу войска ударной группировки должны были за два дня. 7 августа к 12:00 части 103-й сд сосредоточились в районе Ушаково, Мишново, Лаврово, Клинцево. С 8 августа в составе ударной группировки 24-й армии 103-я СД ведет бои в районе д. Ушаково, медленно продвигаясь вперед. Почти месяц маленькие деревеньки Ельнинского района стали ареной тяжелых боев для дивизии. Чтобы понять нам, как трудно давался дивизии каждый метр Смоленской земли, приведем цитаты из Журнала боевых действий Резервного фронта за этот период:

«8 августа. 103 мд правым флангом ведет бой за Ушаково.

9 августа. 103 мд к 7:00, встречая сопротивление до двух батальонов противника с сильно укрепленных узлов сопротивления Ушаково и лес западнее Семешино, вела бой: 688 сп за Ушаково и в лесу восточнее Ушаково, 583 сп за Семешино и 500 м южнее Лаврово. К исходу дня дивизия продолжала бой на сев. окраине Ушаково, сев. окраине Ольшки и сев. окраине Семешино и за выс. 235,3. Разведкой занято Чужеумово.

10 августа. Противник в течение ночи на 10.8 активности не проявлял, за исключением участка 103 МД, где он перед рассветом пытался перейти в контратаку, но был отбит.

11 августа. 103 МД вела бой за овладение Семешино, выс. 235,3, Чужеумово.

13 августа. 100 СД, 103 МД, 120 СД, 105 МД и 106 МД продолжали вести бой, имея на отдельных участках незначительные продвижения.

14 августа. Совместными действиями 19 СД и 103 МД предпринято наступление с целью восстановления положения 19 СД с задачей развить наступление на Макарово» [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 35–48].

15 августа недовольный темпами и результатами наступления на Ельню командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков подписал приказ № 17/ОП, в котором выражал недовольство действиями отдельных командиров дивизий. Цитата из приказа: «... командиры 100-й, 103-й, 106-й дивизий, не полностью выполняют мои приказы на наступление, пытаясь в своих донесениях доказать трудности наступления из-за огня противника... Последний раз категорически предупреждаю командиров 100, 103, 106 дивизий что всякое замедление с выполнением боевого приказа является преступлением перед Родной и влечет за собой привлечение виновных к строгой ответственности, вплоть до предания суду Военного Трибунала» [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 51 об. ст].

С 16 августа части 103-й дивизии вновь перешли в наступление. И вновь обратимся к лаконичным цитатам Журнала боевых действий Резервного фронта, за скупыми фразами которого скрываются тяжелые бои и большие потери дивизии:

«16 августа. 103 МД атаку начала в 21:00. В направлении Семешино части продвинулись на 200–300 метров, захватили окопы, противник оказывал огневое сопротивление.

17 августа. 103 МД, Правифланговая часть после пятиминутного артиллерийского огневого налета перешла в атаку и продвинулась

на 200 метров, где и залегла под обстрелом сильного фланкирующего огня с направления лес южнее Ольшки. Левofланговые части дивизии достигли северной окраины Семешино, где и заняли оставленные немцами окопы. В Лаврово части вплотную подошли к окопам противника. В направлении выс. 235,3 продвижение задержано сильным огнем из леса западнее Чужеумово» [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 52 об. – 59].

18 августа Ставка ВГК потребовала внести изменения в планы операции под Ельней. Директива Ставки предписывала усилить правый фланг группы Ракутина. Исходя из этого, командование 24-й армии, решило произвести некоторую перегруппировку сил армии: «24 А(рмия) в течение 18. 8 производит перегруппировку и уничтожает артогнем точки противника. С утра 19.8 армия наступает с задачей уничтожения Ельнинской группировки противника». 103-й МД ставилась задача – наступать в направлении Семешино, Софиевка и к исходу дня выйти на рубеж высот 242,3, Шилово (т. е. части дивизии должны были продвинуться за день на 3–5 километров [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 58 об.]. К этому времени в дивизии насчитывалось всего до 500 активных бойцов [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 63].

«19 августа. 103 МД к 7:00 заняла исходное положение для наступления. К исходу дня части дивизии за день боя на отдельных участках продвинулись на 100–150 метров.

21 августа. 103 МСД с 7:30 перешла в наступление, но в течение всего дня успеха не имела [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 64 об. – 68].

22 августа. 103 МД, начав с утра 22. 8 атаку на Ушаково, к 15:00 продвинулась на 200 метров. Остальные части группы укрепляются на достигнутых рубежах.

23 августа. 103 МСД правым флангом с 3:00 23.8.41 продолжала бой за Ушаково и к 13:00 подошла к окопам, где была остановлена сильным огнем противника» [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 71–72 об.].

В конце концов, командование фронта и армии пришло к выводу о том, что наступление сильно измотанными частями на хорошо укрепленную оборону противника успеха не имеет. К концу августа командование Резервного фронта разработало план новой наступательной операции. По этому плану под основание выступа войска группы генерала Ракутина наносили удар на северном и южном фесе выступа по сходящимся направлениям западнее Ельни. В приказе на наступление штарма-24 № 023/ОП перед 103-й МСД ставилась уже привычная задача: «...одним полком блокировать Ушаково, не допустить

прорыва противника от Картино в направлении Ушаково и далее на северо-запад и северо-восток. Остальными силами наступать с рубежа (иск) Ушаково, Чужеумово в общем направлении на Ольшки, Софиевка и уничтожая противостоящего противника овладеть Ольшки, Семешино, выс. 235,3, в дальнейшем к исходу дня захватить лес севернее Чеканы, Лугиново» [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 81, 81 об.]. Утром 30 августа началась новая операция по освобождению Ельни. Вот как развивались события на участке 103-й мсд в ходе этой операции:

«30 августа. 103 мсд на своем правом фланге в направлении Ушаково продвинулась на 300 метров, один из батальонов занимает восточную окраину Ушаково. Остальные части дивизии, наступающие в направлении Чехуны и Лугиново имели продвижение 300 метров.

31 августа. 103 мсд, преодолевая сопротивление противника вышла на северные окраины Ушаково, северные окраины Семешино, северные окраины Лаврово, западную окраину Чужеумово. К 14:00 688 сп кругом блокировал Ушаково и вел бой за овладение этим пунктом. 583 сп в 9:00 дважды был контратакован противником силою до роты из леса западнее хутора, 1 км южнее Чужеумово. Контратаки отбиты с большими потерями для противника. Потери: убито 5 чел., ранено 268 чел.

2 сентября. 103 мсд блокировала полностью Ушаково частью, сил, остальными частями вышла на фронт (иск) Уварово, (иск) Семешино, выс. 235,3, юго-западная опушка рощи юго-западнее Чужеумово.

3 сентября. 8:00. 103 мсд 688 сп блокировал Ушаково и, продвигаясь ползком, достиг проволочного заграждения и остановился. 18:00. 103 мсд продолжает блокировать противника в Ушаково, ведя бой на его окраинах [5, ф. 219, оп. 679, д. 62, л. 82 об. – 95 об.].

4 сентября. 103 мсд вела упорные бои на прежнем рубеже. 688 сп дважды был контратакован противником из Ушаково силою до двух взводов. Атаки отбиты с большими потерями для противника» [5, ф. 219, оп. 679, д. 63, л. 98 об.].

Еще 3 сентября, из-за больших потерь и угрозы окружения, немецкое командование приняло решение об отходе с Ельниского выступа. Отход осуществлялся поэтапно по ночам. 5 сентября на фронте 103-й дивизии наступил перелом. Больше месяца части дивизии вели тяжелые изматывающие бои за несколько деревень и высот, находящихся северо-восточнее Ельни, и вот 5 сентября эти усилия стали приносить реальные успехи. А еще этот день ознаменовался тем, что именно батальоны 688-го стрелкового полка 103-й мотострелковой дивизии

первыми из всех войск 24-й армии вышли на окраины города Ельни [5, ф. 219, оп. 689, д. 3-а, л. 852]. Только к утру следующего дня 6 сентября к южным окраинам Ельни выйдет 957-й стрелковый полк 309-й сд. Вот как о боях 103-й сд на заключительном этапе Ельнинской операции записано в Журнале боевых действий Резервного фронта:

«5 сентября. 103 мсд к 18:00 5.9 овладела Ольшки, Семешино, выс. 235,3 и северной окраиной Лугиново, и к исходу дня, преследуя отходящего противника, достигла северной окраины Ельни и в течение ночи очищала местность от огневых точек противника.

6 сентября. 103 мд пленила отходящие мелкие группы противника и к 12:00 вышла: 688 сп – лес южнее Замощье, 583 сп – кирп (ичный завод) на северо-западной окраине Ельни. К исходу дня 688 сп – восточные окраины Плешково (9 км западнее Ельни), 583 сп – Леонидово (7 км западнее Ельни).

7 сентября. 103 мсд, ведя наступление, к 15:00 7.9.41 вышла: 688 сп – выс. 244,8, 282 сп к 15:00 вел бой за высоту 237,8, 320 сп – Леоново, 315 сп – во втором эшелоне.

8 сентября. 103 мд 688 мп достиг дороги южнее Болташево, 583 мп – перекресток дорог 1,5 км северо-западнее Нов. Тишово (13 км западнее Ельни).

9 сентября. 103 мл в 12:00 9.9.41 перешла в атаку. Продвижение незначительное на своем правом фланге.

10 сентября. 103 и 106 дивизии занимали позиции – выс. 226,7, лес восточнее Кукуево» [5, ф. 219, оп. 679, д. 63, л.101–114 об.].

10 сентября считается днем окончания Ельнинской операции. Убедившись в невозможности проводить в дальнейшем успешное наступление, советское командование прекратило на этом участке фронта активные боевые действия. Наступила оперативная пауза. Обе стороны использовали ее для отдыха частей, перегруппировки своих сил, доукомплектования подразделений, пополнения и ремонта боевой техники. Командование фронтового, армейского и дивизионного уровней приступило к анализу боевых действий, выявлению недочетов, ошибок, обобщению успешного опыта. Во многих частях и подразделениях происходит смена командования. Произошли изменения в командовании и 141-го легкого инженерного батальона, который с конца сентября 1941 года стал именоваться 141-м отдельным саперным батальоном (До 141 Осб 103 сд в РККА был 141-й отдельный

строительный батальон, который входил в состав 62-го укрепрайона 10 армии Белорусского Военного округа. В июне–июле 1941 года батальон в составе армии оказался в окружении в Западной Белоруссии и, вероятно, позже был расформирован как погибший). Командир батальона капитан Иван Сергеевич Карташев приказом по войскам 24-й армии по личному составу № 061 от 17.09.1941 освобожден от занимаемой должности и назначен дивизионным инженером 6-й дивизии народного ополчения – 160-й сд (2 формирования) [5, ф. 219, оп. 679, д. 3-а, л. 573]. В ходе Вяземской оборонительной операции капитан Карташев пропал без вести [5, ф. 33, оп. 11458, д. 517, л. 181, д. 246, л. 202]. Новым командиром 141-го осб стал лейтенант Сerezников Илья Ильич. До нового приказа он был помощником командира 141 отдельного инженерного батальона 103-й сд [5, ф. 219, оп. 689, д. 3-а, л. 573]. Лейтенант Сerezников числится пропавшим без вести с сентября 1941 года [5, ф. 33, оп. 11458, д. 674, л. 219].

В начале октября 1941 года 103-я стрелковая дивизия примет участие в Вяземской оборонительной операции, которая станет последней в ее короткой боевой судьбе. Эта тема дальнейшего исследования. Но уже сейчас благодаря документам 141-го отдельного саперного батальона этой дивизии нам удалось установить и уточнить судьбы нескольких десятков бойцов и командиров батальона. Поиск и исследования продолжаются.

Литература

1. Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 годах. – М.: АСТ Транзиткнига, 2005. – 830 с.
2. Государственный музей-заповедник «Хмелита» (ГМЗХ).
3. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). – М.: Терра, 1996.
4. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 37. – М.: Воениздат, 1959. – 445 с.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск).
6. Портал «Память народа». 103-я стрелковая дивизия (1 формирования). Электронный ресурс. – URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 19.04.2021).
7. Портал «Соединения РККА в годы Великой Отечественной войны» 103-я моторизованная дивизия (1 формирования). Электронный ресурс. – URL: <https://www.rkkawwii.ru/> (дата обращения: 19.04.2021).

**БОЕВОЙ ПУТЬ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА № 3
ПОД КОМАНДОВАНИЕМ М.В. АНТОНЕНКОВА. 1941–1943 ГОДЫ.
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЗАПАДНОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ)**

Аннотация. В статье прослеживается боевой путь партизанского отряда № 3 под командованием Антоненкова М.В. Отряд действовал в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в период оккупации Смоленской области с августа 1941 года по ноябрь 1943 года. Отражен ход боевых действий отряда, оценивается урон, нанесенный врагу, помощь партизан местному населению. В тексте раскрываются особенности вооруженной борьбы в тылу противника.

Ключевые слова: Смоленская область, Великая Отечественная война, партизанский отряд № 3 под командованием Антоненкова М.В.

Pikalova N.F.

Head of the Department of Informatization and Use of Documents,
State Archives of the Modern History of the Smolensk Region

**THE COMBAT PATH OF THE PARTISAN DETACHMENT NO. 3 UNDER
THE COMMAND OF M. V. ANTONENKOV. 1941-1943 (ACCORDING TO
THE DOCUMENTS OF THE WESTERN HEADQUARTERS OF THE PARTI-
SAN MOVEMENT)**

Abstract. The article traces the combat path of the partisan detachment No. 3 under the command of Antonenkov M. V. The detachment operated during the Great Patriotic War of 1941–1945. During the occupation of the Smolensk region from August 1941 to November 1943, the course of the combat operations of the detachment is reflected, the damage inflicted on the enemy is estimated, the help of the partisans to the local population. The text reveals the features of armed struggle in the rear of the enemy.

Key words: Smolensk region, the Great Patriotic War, partisan detachment No. 3 under the command of Antonenkov M.V.

Партизанский отряд № 3 – один из первых партизанских отрядов на Смоленщине. Он создавался в августе 1941 года из работников Вяземского дорожного отдела милиции Западной железной дороги,

командиром отряда стал Антоненков Михаил Владимирович, комиссаром – Хомицкий Михаил Григорьевич. Всего было зачислено в отряд 54 человека. Зачисление в отряд проводилось индивидуально, после собеседования и обсуждения каждой кандидатуры. Строго соблюдался принцип добровольности.

Документы содержат интересные бытовые подробности формирования отряда. Были выделены деньги «из расчета 100 рублей на каждого бойца, 50 пиджаков и 50 кеги, а штаб фронта дал вооружение». Вся остальная одежда приобреталась за счет бойцов. Переправить отряд в тыл врага вызвалось разведуправление штаба фронта [3, л. 9].

Информационные источники, рассказывающие о боевой деятельности партизанского отряда № 3, хранятся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области, в архивном фонде Западного штаба партизанского движения (ЗШПД). Это списки личного состава, справки, характеристика и краткая история отряда, донесения, рапорты, докладные, которые раскрывают особенности борьбы с противником в тылу врага.

Из них мы узнаем, что 10 августа 1941 года партизанский отряд был направлен из Вязьмы на автомашинах в село Александрино Новодугинского района, где в течение 10 дней проходила подготовка к переброске в тыл противника.

В Александрино отряд принял пополнение: 12 человек партизан-москвичей и радиста с рацией. Бойцам выдали оружие – 5 автоматов, но основным оружием партизан были винтовки, которые они получили в милиции. Произошли изменения и в одежде: милицейские шинели заменили на хлопчатобумажные полупальто гражданского покроя на вате, однако на деле они оказались неудобными. С таким снаряжением бойцы были направлены в тыл врага. Перед отрядом стояла задача вести борьбу с немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории [4, л. 47, 48].

Планировалось переправиться в тыл противника уже в августе 1941 года. Партизанский отряд направлен к линии фронта через город Белый Смоленской области. Бойцы вспоминали, что в Белом их встретили приветливо: накормили в столовой и пополнили запас продовольствия – выдали сыр из расчета одна головка на двоих. В тот же день отряд продолжил путь к линии фронта.

Неподалеку от станции Ломоносово произошла встреча с партизанским отрядом Флегонтова Алексея. Рядом находилась линия фронта, но переход через нее оказался делом невозможным. Пришлось искать другое место перехода – в районе населенного пункта Ордынка Ильинского района. Здесь линия фронта оказалась совсем рядом. Разведка установила, что пересечь линию фронта возможно только днем, поскольку в ночное время фашистская оборона усиливалась.

21 августа 1941 года партизаны перешли вброд реку Межу, где проходила линия фронта. Вечером двинулись по большаку и стали продвигаться по вражеской территории. Добрались до урочища Горельник, двигались по направлению на юго-восток. Здесь остался отряд Алексея, а отряд Антоненкова продолжил движение к месту назначения.

Бойцы следовали в Слободской и Демидовский районы Смоленской области. В документах постоянно подчеркивается, что путь отряда от Белого до Слободы был трудным. Отряд продвигался пешком, по лесам, по бездорожью. Бойцы и командиры несли на себе вооружение, запасы боеприпасов, продовольствие. Не хватало питания, одежды, обуви. Населенные пункты были заняты вражескими гарнизонами, что затрудняло приобретение у местных крестьян продовольствия для отряда. Люди страдали от холода, ненастной погоды, не было воды, соли, табака. Нужно было двигаться как можно быстрее, предстояло пройти расстояние около 50 км. Стояла задача быстро добраться до места назначения, чтобы сохранить людей [4, л. 35].

Когда перешли по мосту реку Долгую, разведка натолкнулась на вражеский пост. Противник обстрелял партизан из автоматов, но никто не погиб. После обстрела пришлось разделиться на три отряда. Потом эти небольшие отряды соединились, и только две группы, шесть и пять человек, остались действовать самостоятельно.

Отряд понес первые боевые потери. Три партизана после упорного сопротивления врагу были схвачены оккупантами и расстреляны на глазах местных жителей. Население похоронило казненных в деревне Петрочаты Пречистенского района. Очевидцы сообщили командованию отряда о судьбе погибших героев [4, л. 36, 37].

В населенных пунктах партизанам рассказывали о бесправном положении мирного населения в условиях оккупации. Бойцы становились свидетелями жесточайших расправ нацистов с взрослыми и

детьми. Не раз в документах говорится о грабежах, насилии, убийствах: «В деревне Ново-Тишкино арестованы и повешены без всякой причины для устрашения других колхозники Курченко, Дороненко, Борнев и комсомолец Хомченко».

В домах проводились обыски, отбирали всё, «что попадет под руку». Из одного из домов унесли «детские рубашечки и даже самодельные куклы». Несмотря на «зверские преследования», местное население поддерживало партизан: доставляло продовольствие, указывало места расположения военных частей, помогало в разведке [3, л. 14, 15].

После прибытия в Слободской район, недалеко от села Пригарино отряд № 3 встретился с партизанским отрядом Слободского района под командованием Шульца Михаила Нестеровича. Леса Слободского и Пречистенского районов стали местом дислокации отряда. Теперь партизаны боролись с врагом, имея постоянную базу. В основном отряд проводил боевые операции по разрушению и уничтожению мостов, телеграфной связи. Партизаны заваливали дороги спиленными деревьями, организовывали налеты на передвигавшиеся группы врага.

Самой крупной операцией стал разгром вражеского гарнизона в поселке Слобода в ночь на 6 сентября 1941 года. Налет произвели после предварительной разведки, проведенной с помощью партизан отряда Шульца. Ночью партизаны незаметно подошли к месту расположения гарнизона противника, открыли огонь из автоматов и винтовок. Помещение штаба, автомашины, телефонную станцию забросали гранатами. Соппротивление фашистов было быстро подавлено. Вражеский гарнизон численно превосходил силы нападавших партизан, фашистов было «70-80 человек на 7 грузовых и одной легковой автомашинах». На месте боя враги оставили 11 убитых, в том числе коменданта гарнизона. У партизан потерь не было [3, л. 11].

Успешная боевая операция в Слободе и другие активные действия партизан заставили оккупантов стянуть в деревни вокруг леса крупные воинские соединения, численностью около двух дивизий, только в деревне Глазково размещалось 300 автомашин с людьми. Из деревень, которые расположены особенно близко к лесу, выселили всех жителей. Мужчины и даже женщины, замеченные в оказании помощи партизанам, были арестованы.

Эти события повлекли за собой изменение тактики отряда, так как нападать на врага в населенных пунктах теперь не было возможности.

Партизаны стали действовать небольшими группами, устраивая засады на дорогах, проходящих через лес. В результате большинство дорог оказались опасными для автотранспорта. Проезжавшие машины обстреливались. Дороги заваливались деревьями, мосты и связь уничтожались.

Всего за время действия партизанского отряда летом и осенью 1941 года убиты и расстреляны 92 нацистских солдата и офицера, уничтожены 21 автомашина, 6 мотоциклов, 11 мостов на грунтовых дорогах. Теперь оккупанты могли ездить по дорогам только в сопровождении танков [1, л. 11].

Беспереывные осенние дожди и холода заставляли думать о приближающейся зиме. В отряде увеличилось число больных, многие ходили в разорванной обуви, с трудом удавалось доставать продовольствие. Решено было выходить из тыла противника, так как в сложившихся условиях дальнейшая борьба становилась невозможной. Кроме того, в 20-х числах сентября к партизанам присоединилась большая группа (более двухсот человек) военнослужащих командного и рядового состава, которые три месяца находились в окружении. Среди них «были генерал-майоры Лавричев и Воеводин и полковник Иовлев». Командиры просили помочь группе выйти из тыла противника.

21 сентября 1941 года партизанский отряд направился на выход с оккупированной территории и повел за собой окруженцев-военнослужащих. 26 сентября 1941 года отряд без потерь перешел линию фронта в том же месте, на реке Меже, и вышел в район расположения войск Красной Армии в деревне Борки. Военнослужащие сердечно поблагодарили партизан за оказанную помощь и остались при воинской части. А партизаны следовали дальше. Два дня спустя, 28 сентября, партизанский отряд численностью 31 человек поездом прибыл в город Вязьму [4, л. 51, 52].

Из Вязьмы пришлось эвакуироваться в Москву: 6 октября 1941 года Вязьма была оккупирована. Дорожный отдел милиции Западной железной дороги эвакуировали на Белорусский вокзал, там же оказались вернувшиеся партизаны. В глубь страны эвакуировался и Смоленский обком ВКП(б). В связи с этим после окончания короткого отпуска партизанский отряд уже не воевал, а временно выполнял задания командования транспортной милиции по борьбе с хищениями грузов на железных дорогах.

3 апреля 1942 года в Москве руководители партизанского отряда от имени всех партизан обратились с ходатайством в Смоленский обком

партии об оказании помощи личному составу отряда в «прохождении краткосрочного семинара по изучению подрывного дела», снабжении экипировкой и направлении в тыл противника. Ходатайство удовлетворили: в Москве для бойцов отряда проведена месячная подготовка по подрывному делу. Партизан снабдили вооружением – теперь это были автоматы, а не винтовки, как в прошлом году. В достаточном количестве выделены «боеприпасы, взрыввещество, обмундирование, продовольствие». Отряд пополнен людьми, 10 человек железнодорожников и 8 комсомольцев, работавших на заводе № 35 в Смоленске и эвакуированных в 1941 году в Куйбышев.

Теперь в составе отряда под командованием Антоненкова было 45 человек. Командир – Антоненков Михаил Владимирович, комиссар – Левченко Василий Александрович. 15 мая 1942 года отряд выбыл из Москвы в сторону линии фронта поездом через станции Калинин, Дно, Торопец, Старая Торопа. Потом двинулись пешком через районные центры Смоленской области – Ильино, Слободу – в Касплянский район.

23 мая 1942 года партизанский отряд № 3 под командованием Антоненкова прибыл в деревню Корево, где располагался штаб партизанского соединения «Батя». Состоялась встреча с членами штаба партизанских отрядов «Батя». Бойцы пополнили запасы патронов. После двухдневного отдыха двинулись дальше.

В пути проходили короткие встречи с партизанскими отрядами, которые действовали в этом районе. Отряд остановился и обосновался на стоянку в семи километрах от города Рудни, на нежилом хуторе, в трех километрах западнее деревни Рокот. Здесь численность отряда увеличилась, в него влились семь партизан, «отколовшихся от какого-то крупного отряда».

В деревне Рокот, где проживало большое число военнослужащих, оказавшихся в окружении и пристроившихся к местным крестьянам, командование отряда на улице провело собрание. Комиссар сделал сообщение о положении на фронте, о разгроме фашистов под Москвой. По рации радист два раза в день принимал сводки Совинформбюро, но передавать информацию в Центр не мог из-за низкой квалификации. На этом же собрании военнослужащим предложили вступить в отряд, назначили место сбора и разъяснили, что отсиживание в деревнях рассматривается как дезертирство [4, л. 53–56].

Партизаны боролись с захватчиками на территории Касплянского, Слободского и Руднянского районов. Численность отряда увели-

чилась до 110 человек. В состав пополнения входило и местное население, которое поддерживало партизан. В течение лета 1942 года партизаны вели активные действия против захватчиков. Объектом особого внимания были железные дороги Орша–Смоленск, Витебск–Смоленск, Орша–Витебск.

В одном из донесений штаба партизанского отряда № 3 перечисляются боевые операции, проведенные летом 1942 года. Среди них – взрывы легковой машины на дороге Рудня–Демидов, немецкой походной кухни под Касплей, машинного отделения лесопильного завода на станции Красное, нефтеналивного поезда на станции Рудня. Всего за июнь–август 1942 года уничтожено 59 вражеских автомашин, 1 танк, ликвидировано 3 волостных управы, переданы разведотделу 4-й армии планы военных объектов и укреплений врага в Рудне и Минске [2, л. 4, 4об.].

Борьба партизан во вражеском тылу была трудной, погибали боевые товарищи, нуждались в лечении раненые, часть из них была направлена в партизанский госпиталь в деревне Корево Слободского района. Командиры отмечали, что в 1942 году партизаны уже имели боевой опыт, проявляли в боях волю и мужество, которые помогали побеждать врага.

Боевая деятельность отряда продолжалась до освобождения Смоленщины. Последний список личного состава датирован 15 ноября 1943 года. Он насчитывает 112 бойцов и завершает историю боевого пути этого партизанского формирования.

Мужество и смелость бойцов отряда в борьбе с врагом получили высокую оценку командования – партизаны были награждены правительственными наградами. Антоненков Михаил Владимирович, бессменный командир отряда, удостоен ордена Красного Знамени и медали «Партизану Отечественной войны» I степени [5, л. 12, 31–39].

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 419.
2. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 420.
3. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 421.
4. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 441.
5. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 443.

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ ПОСОБНИКОВ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПАРТИЗАН (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОРУССКИХ ТЕРРИТОРИЙ РСФСР В 1941–1943 ГОДАХ)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос использования германским командованием и его пособниками различных средств пропаганды в борьбе против партизан на временно оккупированной территории западной РСФСР в период с 1941 по 1943 год. Изучена динамика трансформации гитлеровского и коллаборационистского подхода в применении средств агитации в начальный и конечный период оккупации, проанализирована эффективность использования пропагандистского ресурса при нейтрализации партизанского движения.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, германское командование, партизаны, коллаборационисты, оккупация.

Polugodin Andrey Dmitrievich

Teacher of history and social science of MBOU «SOSh № 50» Kaluga.

Agitation and propaganda activities of Nazi Germany and its accomplices in the fight against partisans (on the example of the Western Russian territories of the RSFSR in 1941–1943)

Abstract: The article deals with the use of various means of propaganda by the German command and its accomplices in the fight against partisans in the temporarily occupied territory of the western RSFSR in the period from 1941 to 1943. The dynamics of the transformation of the Hitlerite and collaborationist approach in the use of agitation means in the initial and final period of the occupation has been studied, the effectiveness of the use of the propaganda resource in the suppression of the partisan movement has been analyzed.

Keywords: propaganda, agitation, German command, partisans, collaborators, occupation.

Оккупировав к осени 1941 года значительную часть территории западной РСФСР, германская армия столкнулась с проблемой сопро-

тивления со стороны партизан и выходящих из окружения остаточных групп красноармейцев.

Уже в самом начале войны немецким руководством допускалась возможность развития движения сопротивления в тылу наступающих армий [12, с. 48, 57, 58, 59]. Для его нейтрализации, помимо репрессивных мер, ставка делалась и на применение агитационных инструментов социального воздействия – пропаганды¹.

В приказе В. Кейтеля «О беспощадном подавлении освободительного движения в оккупированных странах и расстреле заложников», выпущенном 16 сентября 1941 года, предписывалось использовать пропагандистский ресурс для транслирования результатов репрессивных мероприятий в отношении противников режима [12, с. 83]. В отличие от высшего нацистского руководства, несколько иначе на использование средств агитации смотрело местное армейское командование, чьи боевые части непосредственно выполняли задачу по умиротворению захваченной территории. Так, приказ № 140 от 24 сентября 1941 года солдатам 52-й пехотной дивизий группы армий «Центр» за подписью генерала Л. Рендулича предписывал не только уничтожать всех подозрительных лиц, связанных с возможным подпольем, но и активно проводить агитационную работу среди личного состава германских подразделений и населения. В частности, применяя устные беседы и печатную продукцию, требовалось разъяснять людям, что во всех бедах войны в тылу виноваты партизаны, своими действиями нарушающие установленный немцами порядок [11, с. 542].

В октябре 1941 года за подписью командующего сухопутными силами Германии В. фон Браухича вышло «Общее положение по борьбе с партизанами на Востоке», где отмечалась важность использования пропагандистских мер для ликвидации всевозможных очагов сопротивления. Офицерам вермахта и СС предписывалось через проведение агитационных мероприятий склонять население к поиску партизан и оказавшихся в немецком тылу красноармейцев [13, ф. 69, оп. 1, д. 923, л. 43]. Пункт № 10 части «В» вышеупомянутого документа гласил, что воинская часть, в зоне которой развивается партизанское движение, в обязательном порядке должна быть оснащена печатной продукцией и автотранспортом с радиоустановкой. Соответствующую пропаган-

¹ К средствам пропаганды относятся устная и печатная продукция, кинематограф, театральные постановки, музыка и др.

дистскую информацию следовало доводить, как до населения, так и до партизан, незамедлительно и в больших количествах [11, с. 542].

Как показывала дальнейшая практика, в период тяжелого положения для СССР, 1941 – первой половины 1942 годов, применяемая мера действительно работала. Советские разведывательные донесения передавали, как часть выходящих из окружения красноармейцев и бойцов мелких партизанских групп, охотно верили информации гитлеровцев, что впоследствии вынуждало их сдаваться на милость врагу, отказываться от сопротивления; некоторые партизанские отряды, недавно стихийно образованные, быстро распустились [2, с. 153]. Сильное воздействие германской пропаганды периода 1941 года отмечали в своих воспоминаниях и сами партизаны. В частности, это касалось эпизодов борьбы, когда наступали тяжелые времена, в ходе осуществления оккупантами зачистки партизанской территории. Партизан С. Грачёв вспоминал: «Машины с репродукторами оказывали врагу огромную помощь. Ряд неустойчивых наших бойцов поверили в фашистскую пропаганду и уходили сдаваться в плен» [3, ф. 8, оп. 1, д. 382, л. 35]. В ноябрьском донесении от 1941 года заместителя секретаря МГК ВЛКСМ Н.П. Красавченко, составленном на основе показаний вышедшего из окружения красноармейца, описывалась и такая ситуация: «Во многих местах я встречал такие заявления местных жителей. На мой вопрос: “Действуют ли у вас партизаны?” Получал ответ: “Слава Богу, нет, иначе мы бы их выдали. Немцы печатают листовки, издают приказы, где предупреждают о суровом наказании за помощь им”. Ввиду чего, могу смело заявить – население, благодаря воздействию лживой информации и угрозам, считает партизанское движение бессмысленным» [11, с. 76].

Проводилась обработка и служащих германской армии. Военнопленный 217-го пехотного полка 57-й пехотной дивизии унтер-офицер Менцель на допросе заявлял: «Идеологическую обработку солдат осуществляла рота пропаганды, находящаяся при штабе армии, отдельные представители которой были также в дивизиях, полках. В каждой роте полка имелась библиотека, где обязательно присутствовали издания “Майн Кампф”, “Миф XX века”, “Немецкий Восток до Волги”, всевозможные фильмы, листовки, газеты. При роте обязательно числился фельдфебель – пропагандист, внушающий, что мы лучшие солдаты и наш фюрер прав. В случае неудачи русские могут нам

отомстить, поэтому необходимо их победить» [13, ф. 69, оп. 1, д. 911, л. 6]. Функцию психологической обработки германских военнослужащих проводили и армейские пасторы.

Различные инструкции и памятки, выпущенные для немецких солдат и офицеров на всем протяжении войны в России, внушали им «бандитский» образ партизан, олицетворявших собой не весь русский народ, а представителей коммунистической системы [17, с. 55–56]. По мнению германских пропагандистов, подполье возглавлялось исключительно фанатичными сторонниками большевизма, как правило, комиссарами и евреями. С другой стороны, инструкции предписывали бойцам вермахта при разговорах с местными жителями оповещать их об успехах германских армий на фронтах, преступлениях «сталинских бандитов» и наступлении беззаботной жизни под властью Германии после войны [11, с. 73].

Со временем некоторые инструкции, учитывая особенности боев в России, подвергались корректировке. К маю 1942 года для солдат группы армий «Центр» вышла обновленная памятка с 10 основными положениями по борьбе с партизанами. В документе четко прописывалось, что «русские» воюют нечестно и персонально слабее «доблестных» вояк Гитлера. Именно по причине собственных неудач они перешли на подлый путь скрытной партизанской войны, однако эта борьба для них скоро должна закончиться [3, ф. 8, оп. 2, д. 3, л. 49.] Однако в положениях, исходящих от представителей нацистской элиты (Гитлера, Гимmlера, Кейтеля) периода 1942–1943 годов, как и раньше, прослеживалась иная, противоречивая тенденция – поддержка любых действий немецких солдат, направленных на искоренение партизанского сопротивления, даже если те нарушали всевозможные законы права и морали [14, с. 286, 298; 11, с. 123].

В похожем ключе доводились сведения и до обычного человека. Образ партизана германской пропагандой вырисовывался, как «бандитский», неряшливый с признаками ярого идейного коммуниста: у субъекта сатиры присутствовали негативные атрибуты представителя советского чиновничества: строгий френч, кепи и несимпатичное «подлое» лицо. В ряде иллюстрированных немецких материалов использовался сюжет, знакомый советскому человеку из жизни периода 30-х годов.

Как правило, в конце листовки или брошюры следовали призывы немедленно выдавать партизан под угрозой расправы. Причем послед-

ний аспект в период 1941–начала 1942 года доводился до населения в самой жесткой и бескомпромиссной форме. Так, например, в листовке «Всем бандитам и их сообщникам!» 1941 года прямо указывалось, что наказанию – смертной казни – будут подвержены лица за сам факт их подозрения в помощи народным мстителям. Такая же тенденция прослеживается и в листовке-призыве «Граждане!» [3, ф. 8, оп. 1, д. 165, л. 13].

Однако утверждать, что немцы в 1941–1942 годах применяли только жесткий подход в диалоге с гражданским населением, всё же нельзя. Показания очевидцев оккупации и донесения советской разведки содержали упоминания об использовании оккупантами стратегии локального заигрывания уже с самых первых месяцев занятия немцами советской территории. В некоторых деревнях тыла группы армий «Центр» была осуществлена массовая раздача жителям соли, спичек, керосина. В приказах по поимке партизан указывалась сумма в размере от 1 тыс. руб. в награду за выдачу человека с оружием [11, с. 203]. За сведения о расположении целого партизанского отряда размер оплаты возрастал от 10 до 25 тыс. руб. [16], также предполагалось награждение пособников единицами скота [13, ф. 69, оп. 1, д. 728, л. 6–10]. Однако стоит сказать, что суммы не являлись одинаковыми и различались в зависимости от спокойствия региона и финансовых возможностей местной администрации.

Другим поощрительным шагом гитлеровцев стали мероприятия по выкупу у населения собранного на полях сражений различного боеприпаса и оружия. Так, в Смоленской области за переданную властям винтовку или пистолет немцы обещали 1 марку и 3 сигареты, за 1000 собранных патронов – 1 марку и сигарету, за орудие – 6 марок. Оплачивалась и информация о месторасположении крупных военных и продовольственных объектов. За обнаруженный крупный склад нашедшему причиталось 100 марок и 30 пачек табака [3, ф. 8, оп. 2, д. 164, л. 88].

Последующие неудачи немцев под Москвой, вкупе с проводимой ими политикой террора, грабежа, создавали отличную почву для дальнейшего роста сил сопротивления и падения авторитета оккупационной власти в глазах местного населения [13, с. 27].

Уже с 1-й половины 1942 года происходит некоторый сдвиг в системе распространения немецкой пропаганды: всё интенсивнее де-

лается упор на переманивание гражданских масс в свою сторону. В марте 1942 года в тылу группы армий «Центр» вышла листовка «К партизанам!», где уже прослеживалось явное изменение тональности обращения. В листовке упор делался на том обстоятельстве, что не все жители готовы содействовать сопротивлению, помимо пособников «бандитов», имеется и сознательная часть населения, временно подверженная влиянию советской пропаганды, вследствие чего сделавшая неправильный выбор. Всем сдавшимся партизанам гарантировалось прощение и дальнейшее обеспечение условиями для нормального существования [4, ф. Р-2573, оп. 1, д. 235, л. 3]. Гораздо реже стали звучать призывы к репрессиям, уступая таким формулировкам, как: «поступим, как с бандитами» или «разделите печальную участь» [3, ф. 8, оп. 2, д. 164, л. 21].

Как и раньше, продолжалось информирование людей о локальных успехах гитлеровских войск на фронтах, в борьбе с партизанами [4, ф. Р-2736, оп. 1, д. 1, л. 6]. Например, в Куйбышевском районе нынешней Калужской области, по замечанию жителей некоторых деревень, немцы на протяжении 1942 года проводили активную агитацию через распространение листовок и на собраниях в сельских клубах, куда приглашали взрослых и детей [5, с. 2].

Изменения претерпевали и локальные административные указания. Так, командование 73-го полка при немецкой танковой дивизии выпустило указание по борьбе с гражданским населением и «бандитами» от 22 декабря 1942 года, по положению которого военнослужащим данной части запрещалось бесцельно уничтожать местных жителей, их жилища, поскольку ресурс мог иметь ценность для немецкой армии. С другой стороны, руководство части также признавало, что местное население, гонимое германскими репрессиями, активно переходит на сторону «народных мстителей». Подразумевалось уважительно относиться к партизанской тактике и продолжать использовать жителей для борьбы с подпольем через применение поощрительных методов [3, ф. 8, оп. 1, д. 311, л. 13–14]. В дальнейшем эти положения отражались в средствах пропаганды.

Несмотря на корректировки, сами солдаты по-разному воспринимали данные наставления. Франц Клайхапфель, старший стрелок охранный дивизии, писал: «Партизаны нападают на нас со всевозможным оружием по 7–8 раз в день. Мы не справляемся, с каждым днем их

всё больше и больше». Другие бойцы не разделяли такого пессимизма и были полны решимости бороться до конца. Военнослужащий унтер-офицер А. Колер констатировал: «На Востоке из-за боев с этими трусливыми и коварными партизанами о еде и отдыхе можно и не думать. Эти свиньи прячутся на деревьях и в землянках. Нападают из-за засады на отдельные группы, а потом скрываются. Но с этими бандами мы со временем разделаемся» [3, ф. 8, оп. 2, д. 161, л. 21–21 об.].

Гораздо активнее с 1942 года применяется коллаборационистский агитационный ресурс. Если в 1941 году информация о партизанах с их стороны подавалась исключительно в негативном ключе, как, например, это было в газете «Смоленские вести»: «В глухие ночи рыщут по лесам и оврагам своры двуногих волков, алчно выискивая жертву для своего звериного нападения... Эти волчьи своры именуются партизанами...» [6, с. 261]. В 1942 году дело обретает иной оборот. С марта известны прямые воззвания начальников гражданских управ к советскому подполью с призывами прекратить сопротивление. В коллективном мартовском обращении представителей Смоленской гурправы к партизанам в довольно мягкой форме содержались не только банальные предупреждения, но и обещания хорошего обращения в случае перехода их на сторону гитлеровцев. В знак заверения своих слов начальники местных органов власти выступали гарантами в переговорах [4, ф. Р-2573, оп. 1, д. 235, л. 1].

Однако некоторые коллаборационистские ресурсы сочетали в себе и явные элементы пронацистских симпатий. Так, за подписью бургомистра Понизовского района Смоленской области вышла листовка, где автор призывал сложить оружие и не сражаться за «евреев-жидов» [12, ф. 69, оп. 1, д. 819, д. 92]. В октябре 1942 года в газете «Новый путь» (Смоленск) была опубликована статья «Стража освобожденного народа», восхвалявшая деятельность местной полиции в борьбе с «бандами» и в наведении общественного порядка [6, с. 221]. В сентябрьском номере 1942 года орловской газеты «Голос Народа» читателям объяснялось, что «партизаны» – это команды под руководством местных коммунистических царьков, прислужников Сталина.

В материалах подобных изданий транслировались не только новейшие указания оккупационных властей по нейтрализации сопротивления, но и локальные успехи в борьбе с подпольем. В газете «Речь» (Орёл) от 5 мая 1943 года содержалась статья «Хорошие помощники»

о работе полиции в устройении порядка на «освобожденной» от большевиков территории [15, ф. 1672, оп. 1, д. 247, л. 30]. В другом ее выпуске от 4 июня 1943 года имелась информация о награждении писателя Якунина В. мечами за храбрость в борьбе с партизанами, а также статья об ответственных работниках: старосте Васине и полицейском Корчагине [15, ф. 1672, оп. 1, д. 35, л. 48; д. 36, л. 21].

Иногда мелькали сведения о складывании неблагоприятного для пособников положения ввиду участвовавших партизанских нападений. Так, в газете «Голос Народа» Локотского округа за сентябрь–октябрь 1942 года транслировалось, что борьба с подпольем в ряде волостей идет из рук вон плохо; «бандиты» грабят, убивают, разоружают [14, ф. 1672, оп. 1, д. 36, л. 5 а]. За шпионаж в пользу «народных мстителей» военно-полевой суд Локотского округа приговорил к повешению 8 человек. Лицо, которое об этом знало, но не донесло, получило срок в 1 год заключения [15, ф. 1650, оп. 1, д. 247, л. 30]. Гражданку Рябцеву за сбор средств в пользу партизан приговорили к 10 годам тюрьмы, а некую гражданку Козееву расстреляли [15, ф. 1672, оп. 1, д. 36, л. 31]. По представленной информации неустойчивыми в боях с народными мстителями оказались и несколько полицейских, за свое дезертирство получившие сроки в 3 года [15, ф. 1650, оп. 1, д. 36, л. 21].

Как правило, коллаборационистские воззвания выходили большими тиражами, а сами пропагандистские отделы управ финансово довольно щедро спонсировались гитлеровцами. Так, например, издательство коллаборационистской газеты «Новый путь» (Смоленск) получило заказ от горуправы распечатать 50000 экземпляров листовок «К партизанам!» [8, ф. 2736, оп. 1, д. 1, л. 6]. В самом Смоленске агитаторам и журналистам был установлен месячный оклад в 300–400 рублей, что в то время приравнивалось к зарплате волостного старшины или агронома в деревне, а на работу в газету искали образованных людей, прежде всего, из числа учителей [4, ф. 2738, оп. 1, д. 4, л. 6].

Стоит отметить и другое немаловажное обстоятельство, выявленное автором при изучении источников 1942 года. Весьма активно в пропагандистской войне гитлеровцами и их пособниками применялся классификационный подход, который впоследствии переняли и сами партизаны: командование германского армейского соединения, сосредоточенного для борьбы с подпольем, выпускало материалы как к отдельным категориям населения, так и локальным партизанским

отрядам, в которых упор делался на стандартные уговоры сдать под предлогом бессмыслицы войны. В некоторых агитационных материалах приводились отдельные примеры гуманного обращения немцев к раненым партизанам. Например, бойцам, действовавшим южнее железной дороги Киров–Рославль, а также кавалеристам Белова, находящимся в окружении в тылу врага, гитлеровцы «напоминали», что когда-то ими была организована помощь раненым партизанам в районе реки Лидия, поэтому такая «гуманность» будет обещана и им. Ряд листовок содержал в себе призывы к сдаче, исходящие от конкретных перебежчиков, возможно, мнимые [3, ф. 8, оп. 2, д. 165, л. 11; 12, ф. 69, оп. 1, д. 818, л. 250]. Некто Рязанцев, ссылаясь на свое партизанское прошлое, призывал переходить к немцам, поскольку не жалеет о сделанном выборе, так как успешно живет, работает в пос. Бытошь. Маловероятно, что упомянутый автор являлся реальным лицом, поскольку не стал бы серьезно рисковать и обнаруживать себя в неспокойном для немцев Дятьковском районе [3, ф. 8, оп. 2, д. 165, л. 11].

Материалы конца 1942–начала 1943 годов подтверждали лишь эпизодические факты переходов партизан на сторону немцев, которые, в общих случаях, с успехом пресекались жесткими действиями командования партизанских отрядов [3, ф. 8, оп. 1, д. 401, л. 113; д. 380, л. 49].

В листовке к другой категории – «К женщинам!» – враг наносил удар по слабым местам женской психологии: напоминал про погибших мужей, сыновей, разрушение семейных отношений, возможном сиротстве детей. Однако, понимая истинные причины этих бед, русское крестьянство не поддавалось на лживые обещания гитлеровцев, продолжая оказывать помощь партизанам.

Таким образом, уже к 1943 году сами немцы отмечали, что применение пропагандистских мер вкупе с неэффективной политикой заигрывания является недостаточным в борьбе с развивающимся советским подпольем [14, с. 252].

После поражения под Сталинградом и последующим усилением роли партизанского движения оккупанты приступили к привлечению на свою сторону различных добровольцев из числа советских граждан, создавая различные военизированные формирования для борьбы с партизанами. Нашлось им применение и в пропагандистском поле.

С 1943 года со стороны немецкой пропаганды активизируется работа на создание в агитационном пространстве образа партнерских

отношений солдат вермахта и «русских» добровольцев. Причем данное положение транслировалось как для военнослужащих германской армии, так для населения и партизан. В немецкой газете «Дас Райх» № 8 за февраль 1943 года в заметке «Новые союзники» указывалось, что «русские добровольцы понимают значимость своей миссии в свержении сталинского режима и внедрения права своего народа жить в европейской семье. Все украинцы, эстонцы, татары, русские выдержали экзамен доверия и теперь плечом к плечу сражаются вместе с Германией против Сталина. Немецкий солдат уважает их выбор и готов им помочь следовать к намеченной цели». Всё чаще в листовках использовались примеры совместной борьбы немцев с коллаборационистами из восточных рот против партизан [13, ф. 69, оп. 1, д. 287, л. 141–143]. Приказ германского армейского командования № 13 тыла группы армий «Центр» от 26 мая 1943 года поручал всех добровольно перешедшим к немцам партизан обеспечить горячим питанием, одеждой, а впоследствии и предоставить им выбор, куда перебежчику следовало бы пойти служить: в ост-батальоны, полицию [13, ф. 69, оп. 2, д. 1105, л. 50].

В подобном ключе транслировала информацию и коллаборационистская газета «Речь» (Орёл) от 14 апреля 1943 года: «Русский народ принадлежит к европейской культуре, поэтому нам всем единым фронтом необходимо бороться с большевизмом, больше сражаться и работать» [15, ф. 1672, оп. 1, д. 35, л. 22].

Если же сравнивать с немецкой, коллаборационистская пропагандистская продукция периода 1943 года имела серьезное отличие. В листовках солдат ост-батальонов, помимо ярко выраженной антисоветской риторики, делался упор и на общую национальную и историческую идентичность противоборствующих сторон. Например, в листовке партизанам от солдат восточного батальона, действовавшего в районе Брянска, содержались и такие строки: «Мы воюем за нашу общую Родину, однако мы воюем за свободу, а Вы – за московских комиссаров. Так переходите к нам; русским незачем воевать друг против друга» [3, ф. 8, оп. 1, д. 165, л. 3–4].

Неплохим козырем в руках оккупантов стало пленение командира 2-й Клетнянской партизанской бригады майора А. Галюги зимой 1943 года. С этого периода начинается активное использование образа плененного партизана в пропагандистских целях. Массово выпускались

листовки и буклеты с изображением раненого командира с заверением, что в плену с ним обращаются хорошо. В этих листовках Галюга «призывал» партизан следовать его примеру, выходить из лесов и сдаваться. М.Б. Розин, начальник политотдела 2-й Клетнянской партизанской бригады, по этому поводу писал: «Конечно, партизаны понимали, что это наглая ложь, но было непросто объяснить всё это...» Историю поведения А. Галюги в плену довольно подробно изучили специалисты А. Кукатов и С. Штоппер [9].

Как и раньше, активно продолжался курс заигрывания немецкой власти с массами. Так, например, в марте 1943 года в д. Патуево Пониозовского района Смоленской области прибыл комендант и заявил, что германская армия теперь будет защищать от партизан, которые занимаются в округе грабежом, и приказал бесплатно выдать соль, спички, мыло. Через старост и полицейских велись разговоры с партизанскими семьями, чтобы те доводили сведения мужьям о бесполезности сопротивления [13, ф. 69, оп. 1, д. 1105, л. 4]. Часть служащих управ отправили на экскурсию в Германию. «Экскурсантам» показывали культурные достопримечательности, промышленные, сельскохозяйственные предприятия, лагеря для военнопленных и перемещенных лиц, рассказывали о национал-социалистической партии, после чего они выступали перед аудиторией. В ноябре 1942 года в Смоленске был устроен «Вечер воспоминаний лиц, побывавших в Германии». Германская цензура тщательно прорабатывала материал, устраняя нежелательные сведения. Историк И. Молодова в своем исследовании приводит и такой факт, как полицейский г. Людиново Калужской области несколько раз переписывал материал в соответствии с указаниями пропагандистского отдела 339-й германской дивизии, и только после этого брошюра «Впечатления о поездке в Германию» была издана. Кроме того, указанный полицейский неоднократно выступал с речью перед старостами, полицейскими, бургомистрами и другими служащими оккупационных органов власти [10, с. 81].

С другой стороны, даже в 1943 году на волне партизанских успехов и падения авторитета собственной власти гитлеровцы не исключали в обращениях применение угрожающего тона. В некоторых листовках весьма цинично упоминалось о расправе над населением в ходе проведения ими контрпартизанских акций. Так, в одной из них содержалась такая сводка: «В лесу, восточнее д. Прыща, найден повешенный бан-

дитами немецкий солдат. Из 4-х селений арестованы подозреваемые. Все они были повешены. В будущем, за каждого подло убитого немца будут повешены 50 человек» [3, ф. 8, оп. 2, д. 165, л. 13]. Подобное содержание листовок источниками зафиксировано и в Куйбышевском районе Калужской области, где о расправе над жителями ряда деревень благодаря усиленной пропаганде врага, знала вся округа [1, с. 3].

В рамках изучения вопроса необходимо уделить внимание использованию оккупантами для агитации населения и динамичных инструментов воздействия, таких как кинематограф и театр, также имевших временный успех. В оккупированной Калуге на церемонии открытия кинотеатра 14 декабря 1941 года выступил помощник городского головы С.Д. Кудрявцев. Присутствующим лицам был показан немецкий фильм о спортивной жизни на фабриках и заводах Германии, военные еженедельные хроники о «победоносном наступлении германской армии на Восточном фронте» и музыкальный художественный фильм «Королевский вальс». Перед просмотром художественных фильмов демонстрация немецких хроник была закономерным явлением [10, с. 82]. В 1943 году под Смоленском при участии многих артистов смоленского театра начались съемки фильма «Наши друзья», в котором советское общество было показано отсталым, неухоженным, склонным к правонарушениям, нуждающимся в порядке. В противовес им полицейские выглядели мужественно и браво: это касается как внешнего вида служителей, так и их поступков. Вот – полицейский спасает человека от нападения беспризорников, вот – делает замечание нерадивой домохозяйке за выбрасывание ею отходов на улицу. Удивительным выглядит и отношение стражей порядка к пойманным партизанам. Сопровождающий видеоряд голос диктора вещал: «Пойманные партизаны, доказав, что действовали по принуждению, после разъяснительной беседы были отпущены на свободу». Несмотря на то, что картина всё же была закончена, жители Смоленска ее не увидели: город освободили от немцев 25 сентября 1943 года [7, с. 179].

Население по-разному относилось к использованию немцами таких технических ресурсов. Из воспоминаний следует, что само по себе зрелище благодаря своей уникальной подаче вызывало интерес у жителей. Однако уже впоследствии, ознакомившееся с обстоятельствами оккупации население перерабатывало полученную информацию и склонялось к отрицанию увиденного. Крестьянка из д. Озерец

Смоленской области после освобождения Красной армией вспоминала: «Немцы писали, показывали, что идут нас освобождать. А что в итоге? Муж неизвестно где, дом сожгли, скот забрали. Освободили, называется» [3, ф. 8, оп. 2, д. 76, л. 53].

Подводя итог, хочется сказать, что немецкое командование на всём протяжении периода оккупации довольно активно использовало пропагандистский ресурс, рассчитывая с его помощью сломить волю советского народа к сопротивлению.

С одной стороны, сюжетная составляющая агитационных материалов сочетала в себе неизменные черты их пропаганды, такие как ненависть к советской системе, антисемитизм, величие германского оружия. С другой, изменялся сам характер ее подачи, трансформировалась риторика диалога с населением и партизанами.

Использование агитационного ресурса имело успех лишь в первые, неблагоприятные для СССР годы войны и только у отдельных категорий жителей. В полной мере познавшее все тяготы оккупации население наравне с влиянием на сознание людей фактов успехов Красной армии на фронтах, вкупе с усилением партизанских агитационных возможностей к концу 1942 года не позволили людям поддасться лживым обещаниям врага, что впоследствии склонило массы в пользу подполья, обеспечившего общую победу в Великой войне.

Литература

1. Антонов П. Территория временной оккупации // Бетлицкий вестник. 10 сентября 2003 года.
2. Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России. Сборник документов. – М.: Звонница, 2015. – 524 с.
3. Государственный архив новейшей истории Смоленской области.
4. Государственный архив Смоленской области.
5. Ермиленкова В. Я помню, как горела Бетлица // Бетлицкий вестник. – 11 сентября 2004 года.
6. Жуков Д., Ковтун И. Полицай. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Пятый Рим, 2016. – 318 с.
7. Ковалёв Б.Н. Досуг как форма пропаганды на оккупированной нацистами территории России (1941–1944) // Россия и современный мир. – № 2 (91). – 2016. – С. 169–179.
8. Комаров Д.Е. Пресса германских властей на оккупированной территории СССР // Отечественные архивы – 2005. – № 2. – С. 44–52.

9. Кукатов А., Штоппер С. Партизанский комбриг А.Н. Галюга. Дополнения к биографии из немецких архивных источников. Его показания в плену [Электронный ресурс]. – URL: http://213sp56sd.ucoz.ru/load/partizanskoe_dvizhenie/obshhie_svedenija_o_partizanskom_dvizhenii_v_brjanskoj_oblasti/partizanskij_kombrig_galjuga_a_n/79-1-0-48 (дата обращения: 11.04.2021).
10. Молодова И.Ю. Нацистская пропаганда и агитация на оккупированной территории западных областей РСФСР. // Теория и практика общественного развития. – №. 1. – 2015. – С. 79–83.
11. Партизаны в битве за Москву. 1941–1942: Архивные документы и материалы / сост. М.М. Горинов, М.Ю. Моруков, И.В. Рыжова. – М.: Главархив Москвы; Патриот, 2008. – 607 с.
12. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост.: Заставенко Г.Ф. и др.; общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории.
14. Страна в огне: В 3 т. Коренной перелом. 1942–1943: Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 2. / отв. ред. Литвин А.М., Никифоров Ю.А. – М: Абрис, 2018. – 542 с.
15. Центр документации новейшей истории Брянской области.
16. Шалыгин И. Соль поваренная: как это было? // Родной край (Хвостовичи). – 1999. – 17 сентября.
17. Шанцева Е.Н. Психологическая «обработка» населения оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 год. // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2 (2010): История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – С. 55–59.

ВКЛАД СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ В СЕВАСТОПОЛЬСКУЮ ОБОРОНИТЕЛЬНУЮ ОПЕРАЦИЮ 1941–1942 ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПОДВОДНЫХ РАБОТ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается вклад специальных частей и соединений в Севастопольскую оборонительную операцию в период Великой Отечественной войны. А именно вопросы, связанные с действиями аварийно-спасательных и водолазных служб, в основе которых находился личный состав, суда, средства и оборудование ЭПРОНА в оборону Севастополя 1941–1942 годов. Также затрагиваются вопросы, связанные с использованием специализированных судов в эвакуации севастопольского гарнизона.

Ключевые слова: Крымский полуостров, оборона Севастополя, Великая Отечественная война.

Sidorchuk E.A.

independent researcher, Sevastopol

CONTRIBUTION OF SPECIALIZED UNITS AND FORMATIONS TO SEVASTOPOL DEFENSIVE OPERATION 1941–1942 ON EXAMPLE OF EXPEDITION OF UNDERWATER WORKS OF SPECIAL PURPOSE

Abstract. The contribution of special units and formations to the Sevastopol defensive operation during the Great Patriotic War is considered. Namely, issues related to the actions of rescue and diving services, which were based on the personnel, vessels, means and equipment of EPRONA in the defense of Sevastopol 1941–1942. Issues related to the use of specialized vessels in the evacuation of the Sevastopol garrison are also raised.

Keywords: Crimean peninsula; defense of Sevastopol; The Great Patriotic War.

В Севастопольской оборонительной операции принимали участие специализированные части и соединения из числа подразделений флота. Их основу составили подразделения Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОНА), которые стали аварийно-спа-

сательной службой флота [8, с. 6]. При этом личный состав подразделений привлекался не только для выполнения непосредственно своих обязанностей в море, но и активно пополнял ряды защитников Севастополя на сухопутных рубежах. Так, современные отечественные исследователи, уточняя списочный состав личного состава на рубежах севастопольской обороны, выяснили, что «ЭПРОН поделился своими военнослужащими из личного состава Водолазного Техникума, полностью укомплектовав 5-й батальон 1-й резервной бригады морской пехоты, созданный 29 сентября 1941 г.» [7, с. 56].

Сам ЭПРОН был создан в 1923 году на Чёрном море «по приказу ОГПУ для поиска и подъема золота, которое, по слухам, должно было находиться на английском судне “Принц”, затонувшем в 1854 году во время шторма в районе Балаклавы» [2, с. 16]. Золото найдено не было, но была создана мощная аварийно-спасательная организация, которая за период 1920–1930-х годов прошла сложный путь становления и развития, причем этим центром развития стал именно Черноморский регион, а точнее Балаклава. Показательны результаты этой организации, когда она отмечала свое пятидесятилетие в 1938 году: оказана помощь и спасено порядка 180 судов, при этом 8 иностранных судов осталось в пользу СССР, а за спасение других иностранных судов получено 80 тысяч фунтов стерлингов; поднято с морского дна 450 кораблей и судов [3, с. 58]. Кроме того, приобретен серьезный опыт по очистке морских фарватеров, бухт и мест стоянки судов, в том числе Севастопольской бухты; появился опыт строительства подводных строительных и гидротехнических сооружений; подняты с затонувших кораблей башни линкоров и отдельные артиллерийские установки для их последующей установки [3, с. 59]. Многие из этих поднятых артиллерийских установок были включены в состав береговой обороны Севастополя и активно воевали в период битвы за Севастополь. Неудивительно, что многие специалисты ЭПРОНА, служившие на Чёрном море, приняли участие в обороне Севастополя, внося значительный вклад в отражение немецко-румынского штурма. Еще одним крупным центром применения этого подразделения стал Ленинград.

ЭПРОН уже 22 июня 1941 года, приказом НК ВМФ СССР № 0525/22с «О включении в состав ВМФ всех органов и средств ЭПРОНА» (с сохранением своего наименования) был включен в состав ВМФ [4, с. 78]. И в эти же дни служащие ЭПРОНА совместно с водолазами Черно-

морского флота приступили к поиску и разминированию немецких мин, сброшенных в Севастопольскую бухту и на Севастопольский фарватер. Основная цель, которую преследовала немецкая сторона, – закупорить Черноморский флот в бухте, при этом использовались технические новинки: неконтактные мины неизвестной конструкции, которые не реагировали на обычные тралы. Предпринимались попытки их разоружения, но неудачные, в результате чего принимается решение произвести обезвреживание данных мин под водой. Осуществление работ было поручено старшине 1-й статьи Л.П. Волкову, под руководством капитан-лейтенанта И.И. Охриеменко. Для обезвреживания новинки немецкого военно-промышленного комплекса «потребовалось три погружения и всплытия, для консультации со специалистами минно-саперного дела и только после этого мина была разоружена, поднята на поверхность и доставлена в базу флота для изучения» [1, с. 68].

ЭПРОН имел в своем составе не только высококвалифицированных сотрудников из числа водолазов и технических специалистов, но и свои суда обеспечения. Это была весьма развитая, сильная и организованная структура, которая имела в своем составе 28 спасательных судов и спасательных буксиров, около 50 водолазных ботов, плавбаз, килектор и ряд других специализированных судов [4, с. 78]. На Черноморском флоте действовало пять спасательных судов Черноморского флота – «Меркурий», «Юпитер», «Шахтёр», «Аджарец» и «Кабардинец» – базировавшихся в том числе в Севастополе, но действовавших по всему Чёрному морю. Их вооружение составляло 45-мм пушки и зенитные пулеметы, при этом эти суда работали в отрыве от основных сил флота. Спасательное судно «Аджарец» активно участвовало в обороне Одессы, но получив серьезные повреждения и нуждаясь в ремонте, было уничтожено отступающими советскими войсками и не было эвакуировано в Севастополь. Первым в обороне Крыма и Севастополя отличился «Шахтёр», который в августе 1941 года недалеко от Евпатории спас судно, а именно теплоход «Кубань», а боевое крещение первым принял «Юпитер», который базировался в Новороссийске, подвергся атакам немецких самолетов, группами по 4–7 машин в течение всего дня 22 сентября 1941 года [1, с. 67]. Судно в результате боя получило 284 пробоины, но слаженность действий экипажа под командованием капитан-лейтенанта В.А. Романова по-

могла избежать еще более крупных повреждений, из строя вышли пародинамомашин и дизель-генератор, был разбит магнитный компас, полностью изрешечена надстройка. Севастопольское судно «Шахтёр» вступило в бой 30 октября 1941 года, пытаясь помочь советским судам в Евпатории, он подвергся массированному налету немецкой авиации в составе 8 вражеских самолетов, принял бой, но экипаж судна смог спасти корабль и привести его в Балаклаву. В этом бою погибла треть экипажа, в том числе командир П.И. Крысюк, корабль в порт приведен штурманом И.Г. Романенко, а советский флаг, сбитый противником, был прибит гвоздями к мачте [1, с. 16]. «Шахтёр» получил более 400 повреждений, из них 40 ниже ватерлинии, судно было спасено только благодаря профессионализму и отваге экипажа. Те же задачи выполнял и спасательное судно «Меркурий», все эти три судна оказывали существенную помощь защитникам Севастополя, одновременно выполняя задачи в других регионах Чёрного моря. Так, «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта И.Д. Кравцова оказывал помощь судам в период проведения Керченско-Феодосийской десантной операции в декабре 1941 года, в следующем 1942 году снял с мели транспорт «Курск», оказал помощь подорвавшемуся на mine эсминцу «Собразительный». Этот спасательный корабль уходил из Севастополя одним из последних советских судов в конце июне 1942 года, при этом буксируя спасенный им танкер «Серов» [1, с. 65]. В эвакуации защитников Севастополя в конце июня – начале июля 1942 года принимали участие, помимо других кораблей и судов, 2 водолазных бота, вышедшие в ночь на 1 июля из Севастополя и доставившие эвакуированных военнослужащих [6, с. 464]. Но из общего числа спасательных судов в составе Черноморского флота, как отмечают современные исследователи, «Меркурий» был наиболее счастливым, он не получил ни одного боевого повреждения» [1, с. 66]. Еще одно спасательное судно Черноморского флота, базировавшееся в Новороссийске, – «Кабардинец» – в июле 1942 года было потоплено немецкой авиацией в бухте Новороссийска. Также в состав ЭПРОНА к моменту нападения Германии и ее сателлитов на СССР входили 9 отрядов и групп, выполнявших гидротехнические работы: Ленинградский и Московский отряды подводно-технических работ (ОПТР), группы ПТР в Новороссийске, Одессе, Баку, Астрахани, Владивостоке, Мурманске и на острове Сахалин

[3, с. 63]. После оставления Одессы одесская группа подводно-технических работ перебазировалась в Севастополь, где принимала участие в обороне города.

В целом, оценивая вклад аварийно-спасательных и водолазных служб, в основе которых находился личный состав, суда, средства и оборудование ЭПРОНА в оборону Севастополя, можно говорить о той значимой роли, которые они сыграли в противодействие с немецко-румынской группировкой. Так, высокую оценку этим службам дало непосредственно руководство военно-морского флота в лице Н.Г. Кузнецова: «При обороне Одессы и Севастополя спасатели извлекали и обезвреживали мины, сброшенные врагом на фарватеры и в бухты. Это была очень опасная работа: ведь впервые дни войны устройство некоторых типов мин мы еще не знали. Аварийные партии появлялись всюду, где требовалась срочная и неотложная помощь. Они уходили из Одессы и Севастополя с последним эшелонем, а после освобождения этих баз возвращались первыми» [5, с. 71]. А в дальнейшем опыт применения сил ЭПРОНА в боевых условиях, в том числе и при обороне Севастополя, был обобщен и на его основе был принят ряд мер. Во-первых, на основе накопленного опыта в организации и управлении аварийно-спасательного обеспечения и выполнения самих спасательных работ в период боевых действий был разработан ряд новых руководящих документов для судов и подразделений аварийно-спасательной службы. Во-вторых, для повышения качества проводимых работ и совершенствования тактики использования судов был проведен ряд организационных мероприятий, включавших проведение технической конференции «Аварийно-спасательные действия в обстановке Великой Отечественной войны» в июне 1942 года, сборы и совещание руководящего состава для обобщения опыта выполняемых работ. В-третьих, в результате этих проведенных мероприятий и осознания серьезных изменений в военной специфике выполняемой работы летом 1942 года была увеличена штатная численность аварийно-спасательных служб флотов до 4707 человек [4, с. 78].

Литература

1. Жбанов А.В. ЭПРОН, рожденный в Балаклаве. – Харьков: СПДФЛ А.Я. Терещенко, 2013. – 141с.
2. Запольский А., Тюрин В. Легендарному ЭПРОНУ 85 лет // Морской сборник, 2009. – № 2. – С. 16–18

3. Зраев Р.А. Как начинался ЭПРОН // Материалы международной научной конференции «XX юбилейные Царкосельские чтения». Том 1. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 58–63.

4. Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНА до федеральной системы поиска и спасения на море Российской Федерации. К 90-летию создания ЭПРОНА. // Морской вестник. – 2013. – № 4. – С. 77–83.

5. Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М.: Голос, 2000. – 276 с.

6. Моргунов П.А. Героический Севастополь. – М.: Наука, 1979. – 519 с.

7. Неменко А.В. Первый штурм Севастополя. Ноябрь 1941-го. – М.: Яуза, 2017. – 850 с.

8. ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923–1931): архивные документы и материалы. – М.: Граница, 2015. – 664 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРМИИ КРАЙОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена деятельности польской Армии Краевой на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Отмечена особенность этого движения, направленного против, прежде всего, белорусов, советских партизанских отрядов ради возрождения Польши в границах до 1939 года на оккупированной фашистами территории Западной Беларуси.

Ключевые слова: Армия Крайова, Великая Отечественная война, СССР, возрождение Польши, фашисты, оккупация, Западная Беларусь, аннексия.

Sorokovik I.A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Academy of Management under the President
of the Republic of Belarus

Tsobkalo A. A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Academy of Management under the President
of the Republic of Belarus

ACTIVITIES OF THE REGIONAL ARMY IN THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article is devoted to the activities of the Polish Regional Army on the territory of Belarus during the Great Patriotic War. The peculiarity of this movement, directed against, first of all, Belarusians, Soviet partisan detachments for the sake of the revival of Poland within the borders of pre-1939 on the territory of Western Belarus occupied by the Nazis, is noted.

Keywords: Kraev army, Great Patriotic War, USSR, Polish revival, fascists, occupation, Western Belarus, annexation.

В годы Второй мировой войны на территории Беларуси активно действовали вооруженные формирования некоторых соседних государств. Наибольшей по численности была польская Армия Крайова (АК) – подпольная военизированная организация, действовавшая на территории Польши, а также на территории Западной Украины, За-

падной Беларуси, Литвы. Она подчинялась польскому эмиграционному правительству В. Сикорского в Лондоне. Была образована 14 февраля 1942 года, формально до 9 января 1945 года завершила свою деятельность. Предшественник АК – «Союз вооруженной борьбы» – был образован в конце 1939 года. Некоторые организации и боевые группы АК на территории Беларуси действовали вплоть до 1954 года [1, с. 244]. Главной целью АК было возрождение Польши в границах, существовавших до 1939 года. Насчитывала Армия Крайова 250–300 тыс. человек [2, с. 152].

Мотивация действий Армии Крайовой на территории Западной Беларуси была обусловлена сложным переплетением исторических событий на рубеже 30–40-х годов XX в. Начало Второй мировой войны, пакт Риббентропа-Молотова, Договор о дружбе и границе между Германией и СССР, заметное расширение территории СССР вызвали появление так называемого «польского вопроса». Он обострился в связи с массовыми репрессивными действиями органов НКВД против польского населения на территории бывшей Западной Беларуси. Десятки тысяч поляков были арестованы или депортированы в глубь СССР. 10 февраля 1940 года были выселены осадники и работники лесной сторожевой охраны, 13 апреля 1940 года – семьи военнопленных, скрывавшихся офицеров польской армии и полицейских, а также крупных землевладельцев, фабрикантов и др.; 29 июня 1940 года – беженцы с оккупированной Германией Польши; в ночь на 20 июня 1941 года – потенциальные враги советской власти. По данным белорусского профессора А.Ф. Хацкевича, с октября 1939 года по 20 июня 1941 года в западных областях Беларуси было репрессировано (за исключением военнопленных польской армии) более 125 тыс. человек [3]. Это вызвало негативную реакцию среди польского населения. С осени 1939 года в бывшей Западной Беларуси начинает появляться польское антисоветское подполье, которое формулирует теорию двух врагов Польши – СССР и Германии, которые, мол, несправедливо разделили между собой Польшу [4, с. 115]. Они не признавали новых границ и начали борьбу за восстановление своей страны.

Советские репрессии не вызвали до 1941 года с польской стороны массового террора в ответ. Известны отдельные акции поляков, например, нападение на Скидель летом 1940 года и расстрел там советских работников. Подполье в это время носило в целом пассивный

характер: создавались группы, собиралось оружие, радиоприёмники, налаживались связи, распространялась антисоветская литература и т.д. [5, с. 337].

Нападение Германии на СССР польское правительство восприняло с удовольствием, так как открывалась перспектива не только лишиться одного «врага» – СССР, но и использовать его в качестве союзника, поскольку 12 июля 1941 года Великобритания и СССР заключили соглашение о взаимной помощи в ведении войны с фашистской Германией. Поэтому польское эмигрантское правительство генерала В. Сикорского в Лондоне также пошло на заключение договора с СССР, желая одновременно освободить из советского плена и лагерей своих военнослужащих и граждан. 30 июля 1941 года в Лондоне польское правительство подписало с СССР Договор об установлении дипломатических отношений [1, с. 54]. Поляки считали, что если договор между Германией и СССР был нарушен, то утратил силу и протокол о границах между ними, тем более что Великобритания поддержала Польшу в вопросе о восточных землях. Поэтому это правительство отстаивало границу до сентября 1939 года, но этот вопрос был отложен до времени завершения войны. Тем не менее, в первые месяцы немецкой оккупации «аковцы» активно заняли почти все руководящие должности в местном самоуправлении и полиции западных областей Беларуси и начали мстить всем, кого подозревали в недоброжелательности к полякам в 1939–1941 годах.

Однако с весны 1942 года до лета 1943 года СД нацистской Германии провела чистку местной администрации и службы охраны порядка от «аковцев» и замену их белорусскими коллаборационистами. Это обострило отношения между польскими и белорусскими прислужниками и в то же время сблизило АК с местными партизанами, поспособствовало росту рядов «аковцев», формированию их регулярных боевых отрядов. Они входили в четыре оперативных округа: Виленский, Белостокский, Новогрудский и Полесский. Советских же партизан в Западной Беларуси было мало. Когда в восточной части Беларуси на 10 тыс. гражданского населения приходилось 140–150 партизан, то в западной – не более 20.

Контакты между польскими и советскими партизанами строились не на основе общности политики и идеологии, даже не на основе наличия общего врага – немцев и белорусских коллаборационистов, а на

основе военной необходимости, когда другого выхода обе стороны не имели. В это время советские партизаны, как и «аковцы», нападали и уничтожали белорусских коллаборационистов – полицейев, учителей, священников, служащих, но не трогали администрацию из поляков. Последняя совместная советско-польская боевая операция состоялась весной 1943 года, когда был разгромлен немецкий гарнизон в Желудке на Щучинщине [5, с. 337–338].

С лета 1943 года ситуация резко изменилась. Дело в том, что в августе 1941 года был подписан советско-польский Договор о формировании на территории СССР армии из числа польских военнопленных. 4 декабря 1941 года в Москве В. Сикорский и И. Сталин подписали условия военной взаимопомощи в борьбе с фашистской Германией. Первый настаивал на границе 1939 года, второй соглашался на польский Львов и хотел бы вести разговоры от «линии Керзона». Будущее западной части Беларуси оставалось неясным. Советская сторона по-прежнему считала ее своей территорией, а польская – своей. В августе 1942 года по настойчивым требованиям англичан 75-тысячная польская армия генерала В. Андерса, в которой находилось и много западных белорусов, была выведена из СССР через Персию в Африку. Правительство СССР таким шагом было недоволено и начало создавать новую польскую армию во главе с З. Берлингом. Это уже вызвало недовольство польского правительства В. Сикорского.

После поражения под Сталинградом, стремясь ослабить, а в лучшем случае – развалить антигитлеровскую коалицию, руководство Германии решило использовать «катынскую карту» – расстрел НКВД польских офицеров в Катыни, который к тому времени подавался как немецкий расстрел. Трагедия потрясла мир, но антигитлеровская коалиция не распалась. Однако весной 1943 года советско-польские дипломатические отношения были разорваны. Это сразу же отразилось и на отношениях польских и советских партизан.

Положение обострилось после того, как ЦК КП(б) Беларуси 22 июня 1943 года (в этот день немцы и коллаборационисты праздновали вторую годовщину «освобождения» Беларуси, польские и советские партизаны в Налибокской пуще пытались договориться о совместной борьбе) направил всем подпольным партийным комитетам закрытое письмо «О военно-политических задачах работы в западных областях Беларуси». В нем отмечалось, что западные области Беларуси являют-

ся неотъемлемой частью БССР, что на этой территории «допускается деятельность только тех групп, организаций и отрядов, которые руководствуются интересами СССР», что отряды АК необходимо «изолировать», «вытеснить», их руководителей незаметным образом «уничтожать», польских «агентов» «выявлять и уничтожать» [6, с. 102].

В это же время Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) поставил перед партийными комитетами и советскими партизанами Беларуси следующие задачи: значительно расширить партизанское движение в западных областях республики, «прекратить сотрудничество с АК», «нейтрализовать поляков в наших отрядах», «разоружить силы АК на нашей территории». В то же время рекомендовалось создавать советские партизанские отряды и группы с участием представителей польской национальности. Примечательно, что лондонское польское правительство летом 1943 года также издало приказ «не воевать вместе с советами, но не мешать».

Выполняя директиву ЦШПД, летом и осенью 1943 года в западные области Беларуси было передислоцировано с востока и из-за линии фронта 9 бригад, 10 отдельных отрядов, 15 диверсионных групп – по отряду или группе на один довоенный административный район. За год вместо 10 подпольных РК КП(б) Беларуси стало 87. Издавалось 14 газет, из них 4 – на польском языке; в каждом отряде были люди, которые его знали. В конце 1943 года там насчитывалось 37 тыс. человек советских партизан – в три раза больше, чем год назад.

Наращивание мощи советских партизан позволило им «заняться» «аковцами». Командир партизанской бригады Ф.Г. Марков докладывал в ЦШПД, что в августе 1943 года у озера Нарочь была успешно проведена операция против польской бригады А. Чаховича: 50 человек вместе с командованием было расстреляно, 80 – отправлено без оружия по домам, 70 – передано в другой отряд. Именно в этот период «аковцы» безжалостно относились к белорусскому населению, а советские партизаны – к польскому. Вооруженные стычки между АК и советскими партизанами продолжались до лета 1944 года.

В этот период наблюдались обширные контакты между высшими чинами оккупационной администрации, СС и вермахта с полевыми командирами АК – гитлеровцы искали любые возможности для активизации местных сил против партизанского движения. Для этой цели они использовали общение между советскими партизанскими

отрядами и АК, что находились в состоянии обострения. Некоторые соединения АК заключали договоры с немецким командованием о сотрудничестве в борьбе с советскими партизанами. Взамен гитлеровцы обязались поставлять им оружие, амуницию, боеприпасы. Такой договор был заключен командованием батальона «Столбцы», а чуть позже с командующим Наднеманским соединением АК. Соответствующие договоренности имели также отряды АК, подчиненные коменданту Вильнюсского округа АК [4, с. 153].

Летом 1944 года вновь изменилась тактика АК. Во время приближения линии фронта к старой польско-советской границе (существовавшей до 1939 года) отряды АК готовились приступить к реализации так называемого плана «Буря», утвержденного приказом командующего АК от 20 ноября 1943 года. Этим планом предусматривалось поднять восстание и захватить территорию Западной Украины и Западной Беларуси польским подпольем и отрядами АК в момент отступления немецких войск. Согласно ему в июне 1944 года начала осуществляться операция «Острая Брама» по овладению Вильнюсом [1, с. 180]. Однако противостоять Красной Армии Армия Крайова не смогла.

После завершения Великой Отечественной войны подразделения АК хотели помешать восстановлению советской власти на «кресах восточных» и поэтому вели подпольную вооруженную борьбу до 1954 года, особенно в 1947–1948 годах. В результате террористической деятельности Армии Крайовой с 28 июля 1944 года по 30 мая 1945 года было убито 594 и ранено 219 бойцов и офицеров Красной Армии, а всего на Гродненщине в 1944–1952 годы убито 774 мирных жителя [1, с. 206, 237].

Для борьбы с подразделениями АК были направлены 18 полков НКВД СССР общей численностью 25 тыс. человек, территориальные органы госбезопасности и милиции, истребительные отряды из числа бывших партизан и партийно-советского актива. 17 сентября 1945 года Л.П. Берия сообщал И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, что «с июля 1944 года по сентябрь 1945 года НКВД Белорусской ССР арестовано и задержано 97 094 человека, в том числе бандитов – 6514, бандпособников – 1036, участников антисоветских организаций – 651, немецких ставленников и иного антисоветского элемента – 6141, дезертиров и лиц, уклонявшихся от службы в Красной Армии – 82 752 чел. Убито 3232 бандита, дезертиры и другие антисоветские элементы.

При проведении операции изъято: минометов – 62, ПТР – 30, пулеметов – 657, автоматов – 1 359, винтовок – 10 485, револьверов – 771, гранат – 1 435, мин – 1 164, патронов – 94 845, взрывчатых веществ – 893 кг, ракет – 12, радиоприемников – 51» [1, с. 215–217].

Зверства аковцев на территории Западной Беларуси подтверждает даже польский историк Т. Валихновский. Он пишет: «29 января и 2 февраля 1946 года отряды НЗВ “Бурого” сожгли два белорусских села. После поджога построек бандиты стреляли по убежавшим жителям. Таким образом они убили или сожгли живьем 46 человек, среди них приблизительно 15 детей в возрасте до 10 лет. Несколько десятков человек были ранены и получили ожоги. Жители сожженных деревень потеряли все свое имущество. Без средств к существованию осталось 104 семьи — 459 человек» [7].

Таким образом, вооруженные подразделения Армии Крайовой создавались с целью борьбы как с нацистской Германией, так и Советским Союзом на территории Западной Беларуси, присоединения ее после войны непосредственно к Польше. Они поддерживались польским эмигрантским правительством в Лондоне и Великобритании. Они сражались как с немцами (а с 1944 года сотрудничали с ними), так и с советскими партизанскими отрядами, хотя временами сотрудничали с ними до лета 1943 года., а также с частями Красной Армии. Одновременно они виновны в гибели в ничем не виновных тысяч мирных жителей Западной Беларуси. Как бы не менялась тактика Армии Крайовой, ее деятельность всегда носила четкий антибелорусский характер и была последней попыткой сохранить пальцизну на «кресах восточных».

Литература

1. Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі. – Мінск: Хата, 1994. – 416 с.
2. Боярский В.И. Партизаны и армия. – Минск: Харвест, 2003. – 301 с.
3. Хацкевіч А. Армія Краёва: Што мы пра яе ведаем? – Звезда. – 1993. – 30 крас.
4. Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941–1944). Пытанні супраціву і калабарацыі. – Мінск: Бел. кнігазбор, 2000. – 287 с.
5. Саракавіч І.А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі. – Мінск: Современная школа, 2009. – 456 с.
6. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. – М.: Просвещение, 1999. – 336 с.
7. Петров М. «Богатэры» или убийцы? Террор Армии Крайовой против белорусов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inbelhist.org/bogatery-ili-ubijcy-terror-armii-krayovojoj-protiv-belarusov/>. Дата доступа : 2.04.2021.

ГЕРОИ ФРОНТА И ТЫЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – ЧЛЕНЫ МОЕЙ СЕМЬИ

Аннотация. В публикации рассмотрены боевые и трудовые подвиги членов нашей семьи в годы Великой Отечественной войны. Для написания работы использованы архивные документы и материалы электронного ресурса «Подвиг народа», рассказы моих бабушек и дедушек, фотографии и наградные документы семейного архива. Целью написания этой работы стало сохранение памяти о страшных событиях Великой Отечественной войны и участия семей моих родственников в ней.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовик, боевые награды, 2-й гвардейский танковый Тацинский корпус.

Stodelova E.A.

resident of the Pirogov Russian
National Research Medical University

Annotation. The publication examines the military and labour exploits of our family members during the Great Patriotic War. For the writing of the work, archival documents and materials of the electronic resource «Heroic deeds of the people», stories of my grandparents, photographs and award documents of the family archive were used. The purpose of writing this work was to preserve the memory of the terrible events of the Great Patriotic War and the participation of the families of my relatives in it.

Keywords: the Great Patriotic War, veteran, battle awards, Second Guard Tazinsky Corps.

Великая Отечественная война навечно вошла в жизнь моей семьи, точнее нескольких семей – моих дедушек и бабушек. Они – дети войны – и родились в 1941 году и 1942 году. Они не помнят собственных впечатлений о событиях Великой Отечественной войны, т.к. в силу возраста им многое даже не рассказывали, но воспоминания их родителей, братьев и сестер в нашей семье задокументированы, хранятся в виде записанной хроники, наградных документов и фотографий.

Наши родственники в годы Великой Отечественной войны сражались на ее фронтах и героически трудились в тылу – на полях колхозов, мельницах, в школах и детских домах. Две мои прабабушки в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу воспитывали и обучали детей, вывезенных с оккупированных территорий, потерявших родителей и переданных в детские дома, они были педагогами. Мои прадедушки воевали в рядах Красной Армии танкистом, военным водителем, связистом, морским пехотинцем.

Даже на примере нашей семьи можно увидеть, как единение и героизм бойцов Красной Армии и тружеников тыла позволил победить очень сильного, ранее казавшегося непобедимым врага – гитлеровскую Германию. В настоящей публикации отражены только отдельные факты истории нашей семьи в период Великой Отечественной войны по причине отсутствия отдельных исторических документов о подвигах других членов семьи и невозможности их розыска, но представленные материалы достаточно ярко иллюстрируют события той страшной войны и героизм всех, кто приближал в ней победу.

Хочу в равной степени освятить подвиг моих родственников на передовой и героический труд в тылу врага.

Мой прадедушка – Кныш Филипп Васильевич – родился в 1916 году в с. Вакарино Казанского района Тюменской области. Там же до войны работал трактористом.

В конце 1941 года был призван в Красную Армию. Он воевал на фронтах Великой Отечественной войны в составе 26-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского танкового Тацинского Краснознамённого ордена Суворова корпуса.

Медалью «За отвагу» мой прадедушка – Кныш Филипп Васильевич – награжден за несколько боевых операций, которые проходили в январе 1944 года. Находясь в составе экипажа командира взвода, уничтожил противотанковую пушку и 9 солдат противника у с. Мяклово 09.01.1944, при атаке на совхоз Крынки 16.01.1944 его танк стремительно ворвался в населенный пункт и уничтожил 4 подводы с имуществом, 1 пулеметное гнездо, 7 солдат и 1 офицера противника, не позволил противнику взорвать мост через реку, по которому переправлялись другие танки танковой бригады [1].

20.01.1944 танк моего прадедушки находился в боевом охранении в районе Черкас и был подбит артиллерией противника. Пути подхода

к танку были отрезаны автоматчиками противника, заминированы и обстреливались прицельным огнем артиллерии и минометов. Мужественный экипаж, в состав которого входил Кныш Филипп Васильевич, продолжал выполнять боевую задачу командования, находясь 30 часов в осажденном танке, вел огонь по врагу, пока танк не был эвакуирован с поля боя [1].

Орденом Красной Звезды мой прадедущка награжден за то, что в бою на Оршанско-Минском направлении в районе Алексиново 03.07.1944 на своем танке врезался в автоколонну автомашин противника, раздавил гусеницами 3 автомашины, 7 повозок и около 15 фашистов. А в бою в районе высоты 204,4 05.07.1944 при уничтожении окруженной группировки противника огнем из пушки и пулемета уничтожил 15 солдат противника, раздавил гусеницами 1 станковой пулемет, уничтожил 1 тягач с прицепным минометом [1].

За проявленный героизм в период боевых действий на территории Пруссии с 19.10.1944 по 25.10.1944 Кныш Филипп Васильевич награжден орденом Славы III степени [1].

Пока прадедущка воевал на фронтах Великой Отечественной войны, его жена – Салтановская Александра Евлампиевна – моя прабабушка – после окончания педагогического училища в 1942 году с моим дедушкой-младенцем, приехала на работу в с. Малые Ярки Казанского района. Жила в здании сельской школы и работала учителем. Здесь она проработала всю Великую Отечественную войну, была и директором, и учителем одновременно. Кроме работы учителем истории и географии, приходилось с детьми работать на полях колхоза, вязать и посылать на фронт теплые вещи, также они помогали фронту материально: покупали облигации займа за счет своей и так небольшой зарплаты.

Прогремели победные салюты 1945 года, но мой прадедущка не вернулся домой к своей жене и своему сыну. По окончании Великой Отечественной войны прадедущка женился на медсестре-однопольчанке и в свою прежнюю семью не вернулся. Он просил у моей прабабушки отдать ему сына, но получил отказ, поэтому со своим сыном и прежней семьей при жизни он не поддерживал отношений. Его боевые награды и фронтовое удостоверение механика-водителя нам передал после его смерти приемный сын, собственных детей, кроме моего дедушки, у него не было. А про его боевые заслуги подробную

информацию мы узнали из Интернет-ресурса «Подвиг народа», там же познакомились с его наградными документами и описаниями боевых операций, за которые он был награжден орденами и медалями.

Брат моей бабушки – Комиссаров Леонид Георгиевич, 1925 года рождения – после обучения на военного телефониста в 1943 году был направлен на передовую Великой Отечественной войны. Награжден медалью «За отвагу». В наградных документах указано, что в боях на западном берегу Вислы 01.04.08.1944 телефонист штабной батареи Комиссаров Леонид Георгиевич под сильным огнем противника поддерживал бесперебойную связь между передовой и батареей, исправлял по 5–6 обрывов в день, чем способствовал оперативному управлению огнем [2]. Он помнил и рассказывал, как прокладывал связь в болотах под Вязьмой, когда освобождали Смоленскую область от фашистов, приходилось телефонный провод держать в зубах, а в руках автомат.

Родная сестра моей бабушки и Леонида Георгиевича – Комиссарова Анна Георгиевна – в 1943 году закончила педагогическое училище. Сразу после его окончания ее направляют в отдаленные районы Верхне-Кетского РайОНО Томской области для работы в школах и детских домах, т.к. все мужчины-учителя ушли на фронт, а других педагогических кадров там не было. В тыловой зоне создавалось множество детских домов и интернатов, т.к. из прифронтовых областей страны эвакуировали детей в первую очередь тех, кто потерял родителей или чьи родители были на фронте. Правительство СССР пыталось уменьшить количество беспризорных и брошенных несовершеннолетних в прифронтовых и тыловых городах.

5 августа 1943 года со своей одноклассницей по педагогическому училищу Анна Георгиевна была направлена в с. Мохово Томской области работать учителем начальной школы. В первый же год своей педагогической деятельности молодые учительницы со своими воспитанниками столкнулись с голодом, т.к. местное население, в основном, эвенки, сельским хозяйством не занимались, кормились промыслом: охотой, рыбалкой, сбором ягод, грибов, тем обеспечивая себе питание, а централизованного снабжения продуктами питания образовательных учреждений не было. Молодые учителя прибыли осенью, не зная местности, населения, обычаев. Продукты в село завозились только по «зимнику», т.е. когда замерзнут болота и реки. Сестра моей

бабушки и ее подруга жили только на пайке хлеба, который им выдавали в школе, как в блокадном Ленинграде, они стали опухать от голода. Через лесозаготовителей кто-то из односельчан сообщил об этом отцу, и он смог по первой зимней дороге приехать к ним и привезти картошки и других овощей, ржаных сухарей и пирожков; картошки и овощей было достаточно на еду и семена, ничего другого у родителей тоже не было.

А уже весной Анна Георгиевна с подругой и учениками работали в огороде и обучали местных жителей основам сельского хозяйства, т.к. они тоже бедствовали без мужчин. Проработали молодые учителя здесь до августа 1945 года. Все эти годы молодые педагоги вели культурно-просветительскую работу в селе: организовывали концерты с участием учеников школы (Анна Георгиевна хорошо играла на гитаре и пела), посещали дом инвалидов, где были в основном молодые, искалеченные войной ребята, писали письма на фронт, собирали посылки для солдат. Сестра моей бабушки в свободное от школы время обучала взрослых местных жителей, не умеющих читать и считать.

С сентября 1945 года ее переводят в Полудеповский детский дом, куда были привезены дети с разоренной Украины, оставшиеся без родных. Дети все были с тяжелыми душевными травмами (казнены, убиты, сожжены родные и дом), нервные, с расстройшенной психикой; кричали и метались во сне, плакали или были очень замкнутыми, необщительными. Нужно было помочь им выйти из этого состояния и учить их грамоте. Не хватало бытовых вещей: одежды, обуви, посуды, мебели. Из еды, в основном, была картошка и небольшой кусочек хлеба, т.к. еще шла война с Японией. Опять помогала Анне Георгиевне гитара. Все садились в кружок после ужина, она играла и тихонько напевала что-нибудь, и ребята подпевали, оживали. Это время – с сентября 1945 года по январь 1946 года – для Анны Георгиевны были самыми тяжелыми, по ее собственному признанию, в педагогической деятельности, т.к. трудно было залечивать израненные детские души, возрождать их к жизни. В феврале 1946 года Анна выходит замуж и уезжает в п. Кузурово работать по распоряжению РайОНО заведующей местной начальной школы. В январе 1947 году ей вручили заслуженную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Родители моей бабушки были колхозниками. Когда началась Великая Отечественная война, в колхозе остались старики, инвалиды, под-

ростки и женщины. По состоянию здоровья Комиссаров Егор Иванович – отец моей бабушки – в армию призван не был, т.к. имел неизлечимое заболевание ног и был не годен к военной службе, поэтому остался работать в тылу. Он работал мотористом на большом механизированном комплексе по переработке зерновых. В нем производился обмолот зерна привозимых с полей снопов, просеивание и подача зерна в сушилку. Высушенное зерно сдавалось государству и отправлялось для населения в другие регионы страны, а также Красной Армии. В колхозе еще была мельница для помола зерна на нужды колхозников. Всем этим хозяйством управлял мой прадедусшка с помощником – подростком, так как его напарник, работавший с ним в мирное время, был взят в армию. Так Егор Иванович работал всю Великую Отечественную войну и еще несколько лет после войны без выходных с 7 утра и до 24 ночи, пока ему не подросла смена. За добросовестный и самоотверженный труд в апреле 1947 года Комиссаров Егор Иванович был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Моя прабабушка – Комиссарова Мария Фёдоровна – вспоминала, что во время Великой Отечественной войны рабочих рук в колхозе катастрофически не хватало. Не хватало и лошадей для работы. Здоровых лошадей отправили на фронт.

Весной нужно было вспахать поля, засеять зерновые, лен, картофель. Летом заготавливали корма для колхозного скота на зиму – косили траву, складировали сухое сено, резали зеленые ветки, закладывали траву в ямы на силос. В конце лета начиналась горячая пора уборки урожая.

Прабабушка рассказывала, как для вспашки полей использовали своих коров. Она впрягалась вместе с коровой в плуг и тянула его, так как корову нужно было беречь – она была и кормилицей семьи. За годы Великой Отечественной войны Мария Фёдоровна вместе с женщинами села отправила много посылок на фронт с теплыми носками, варежками, шарфами и другими подарками. Ее сын в это время воевал на фронтах Великой Отечественной войны, а она, ее муж и дочь героически трудились в тылу. В июле 1948 года Комиссарова Мария Фёдоровна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

У членов нашей семьи много трудовых и боевых наград, наши родственники на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу врага вместе приближали победу, и они не любили об этом вспоминать и рассказывать, поэтому многих фактов мы по-прежнему не знаем. Мы и наши дети будут помнить о них, хотим, чтобы и другие люди знали об их подвиге.

Литература

1. Портал «Подвиг народа». Кныш Филипп Васильевич 1916 г.р. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1503755877&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 05.05.2021 г.)

2. Портал «Подвиг народа». Комиссаров Леонид Георгиевич 1927 г.р. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=33805206&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 05.05.2021 г.)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО ПОЛКА
ИМ. 24-Й ГОДОВЩИНЫ РККА НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ, 1941–1943 ГОДЫ.
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЗАПАДНОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ)**

Аннотация. В статье рассматриваются документы Западного штаба партизанского движения о деятельности партизанского полка имени 24-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной армии. История полка не становилась предметом исследования историков. Единственное издание (Богданов Ю.Н., Гнездилов В.Ф. Легендарный ФД. Фёдор Гнездилов – московский ополченец, смоленский партизан, советский гвардеец. – Москва, 2017) основано на послевоенных воспоминаниях командира Ф.Д. Гнездилова. Документы архивного фонда ЗШПД об истории полка изучаются впервые. Анализируются вопросы формирования отряда, его структуры, дисциплины, боевой деятельности, обеспечения оружием, отношения с местным населением. Боевую основу полка составляли военнослужащие Красной армии, попавшие в окружение в районе Вязьмы в октябре 1941 года. В полк вступали и местные жители. Командование полка поддерживало связь с другими отрядами и частями Красной армии, заброшенными в тыл противника. Архивные документы показывают вклад партизанского полка имени 24-й годовщины РККА в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Смоленская область, Западный штаб партизанского движения, полк имени 24-й годовщины РККА, командир Ф.Д. Гнездилов.

T. I. Tarasenkova

candidate of sciences in history, docent,
State archives of modern history of the Smolensk region

**THE ACTIVITIES OF THE PARTISAN REGIMENT THEM. 24 RKKA
ANNIVERSARY IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE SMOLENSK
REGION, 1941–1943 (ACCORDING TO THE DOCUMENTS
OF THE WESTERN HEADQUARTERS OF THE PARTISAN MOVEMENT)**

Abstract. The article discusses the documents of the Western headquarters of the partisan movement on the activities of the partisan regiment named after the

24th anniversary of the Workers' and Peasants' Red Army. The history of the regiment did not become the subject of research by historians. The only publication (Bogdanov Yu. N., Gnezdilov V.F. *Legendary FD. Fedor Gnezdilov – Moscow militia, Smolensk partisan, Soviet guardsman*. Moscow, 2017) is based on post-war memoirs of commander F.D. Gnezdilov. The documents of the ZShPD archive fund about the history of the regiment are being studied for the first time. The questions of the formation of the detachment, its structure, discipline, combat activity, arms supply, relations with the local population are analyzed. The combat base of the regiment was made up of Red Army soldiers who were encircled in the Vyazma region in October 1941. Local residents also joined the regiment. The command of the regiment maintained contact with other detachments and units of the Red Army, thrown into the enemy's rear. Archival documents show the contribution of the partisan regiment named after the 24th anniversary of the Red Army in the fight against Nazi invaders during the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic war, Smolensk region, Western headquarters of the partisan movement, regiment named after the 24th anniversary of the Red Army, commander F.D. Gnezdilov.

В этом году исполняется 80 лет с момента начала Великой Отечественной войны, но события тех лет по-прежнему живы в нашей памяти. В годы войны Смоленская область долго находилась в оккупации, поэтому основные героические страницы нашей военной истории связаны с деятельностью партизанских отрядов. Именно на долю партизан выпали наибольшие трудности в борьбе с немецкими захватчиками. О том, как разворачивалась эта борьба, нам рассказывают сохранившиеся архивные документы Западного штаба партизанского движения – отчеты о боевых действиях, приказы, донесения, дневники, письма, воспоминания участников партизанского движения.

Первые партизанские отряды на Смоленщине начали формироваться к концу 1941 года. Одним из них стал отряд имени 24-й годовщины РККА. Он образовался в ноябре 1941 года на территории Ельнинского района. Отряд называли «ФД» – по инициалам его командира и организатора Фёдора Даниловича Гнездилова [2, л. 1].

Еще в июле 1941 года Ф.Д. Гнездилов вступил в ополчение и был отправлен на Западный фронт в составе 9-й Кировской дивизии народного ополчения, которая после принятия солдатами воинской присяги получила наименование 139-й стрелковой дивизии [3, л. 3]. Как и многие ополченцы, в октябре 1941 года он был тяжело ранен и попал в окружение, перейти линию фронта не смог. Очень пронзительно и

трагично звучат строки из воспоминаний Ф.Д. Гнездилова о первых моментах после ранения и завершения боя: «Я заметил вздыбившуюся, искалеченную воронками землю, подбитые танки невдалеке, с развороченными башнями и оторванными стволами, опрокинутые пушки. И повсюду тела, тела в самых разнообразных позах. Рядом со мной лежал Николай Левченко, с ним я повстречался в лесу два дня назад. А здесь он почему-то упал навзничь и как будто прислушивался к тому, что происходило на поле. А вон Андрей Морков – наполовину припорошен землей. Видна только его свисающая, изуродованная голова. А ведь он первый дал мне папиросу, когда я вошел в землянку около деревни Покров и попросил закурить. У леска он же вслед за мной высказался за то, чтобы пробиваться к своим на восток. И вот он – убит. А я – живой. Что это, счастье, фортуна?.. Но что делать, на войне как на войне» [1, с. 72].

Только через 12 дней раненый и голодный Фёдор Данилович добрался до д. Савостьяново Ельнинского района, где его приютила в своей избе крестьянская вдова Алдошкина, у которой уже прятался один окруженец.

В начале ноября 1941 года в доме бывшего председателя колхоза А.Д. Миронова, помимо хозяина и Ф.Д. Гнездилова, собрались М.И. Никифоров, В.Ф. Гурьянов, И. Шейн, В.П. Буташов, Н.С. Литвинов и П.Д. Моханек – всего восемь человек, ставших ядром партизанского отряда. В январе 1942 года численность отряда уже достигла 40 человек, в феврале – 400, а к июню 1942 года – 2640 [3, л. 5].

В отряд вступали окруженцы, оставшиеся в тылу врага, бежавшие из немецкого плена бойцы и командиры, местные жители. Для молодых была создана особая молодежная рота, в ней воевали подростки 15–16 лет [2, л. 1; 3, л. 14]. Поддерживать дисциплину в партизанском формировании было очень сложно. Партизаны из местных жителей, как правило, не были знакомы с военной дисциплиной, не умели обращаться с оружием. Они охотно защищали от врага родные деревни, но отказывались идти воевать в другие местности. Поэтому некоторые партизанские группы теряли до половины своего личного состава.

Важной сферой работы было участие в организации сельского управления, которое создавалось по инициативе немецких властей. Для управления деревнями и селами немцы назначали старшин и старост. Но своих людей у них не хватало, поэтому они привлекали

к сотрудничеству местных жителей. Идея заключалась в том, чтобы на должности сельских управленцев рекомендовать тех односельчан, которые готовы были оказывать помощь партизанам. В большинстве случаев такое подспудное влияние на оккупационные власти оказывалось действенным.

Боевое крещение отряд «ФД» получил в декабре 1941 года Германское командование, обеспокоенное частыми нападениями на немецкие гарнизоны в Бражино и Теренино, направило туда из Ельни карательный отряд. Эсэсовцы сожгли на своем пути несколько деревень. Решив дать немцам отпор, партизаны «ФД» организовали засаду у деревни Савостьяново. В коротком бою карательный отряд был разбит.

В январе 1942 года партизаны в нескольких деревнях восстановили советскую власть, а к концу февраля от немцев были освобождены около 300 населенных пунктов в 16 сельсоветах Ельнинского, Дорогобужского, Выходского и Спас-Деменского районов. Во всех этих местах восстанавливались органы советской власти. Так, если до оккупации в населенном пункте был сельский совет, то собирали население и избирали председателя и секретаря сельсовета. Если был колхоз, то избирали правление колхоза, если была бригада, то выбирали бригадира.

В начале 1942 года отряд Ф.Д.Гнездилова объединился с еще одним отрядом – Г.С. Амирова. Появилась возможность преобразовать партизанский отряд в полк. Реорганизация завершилась к 23 февраля 1942 года, поэтому полк получил название в честь 24-й годовщины РККА. Командиром стал Фёдор Данилович Гнездилов, комиссаром – Гаян Суфиянович Амиров [3, л. 8].

Реорганизация и укрупнение отряда потребовали ужесточения дисциплины. Руководство приняло решение запретить в деятельности партизанского формирования какую-либо «партизанщину», в отрицательном смысле этого слова. Текущая служба и боевая работа должны были строиться на базе воинских уставов Красной армии. Во всех подразделениях вводился партийно-политический аппарат: комиссары, политруки, парторги и комсорги. Категорически запрещались самосуды, расстрелы, мародерство, пьянство. Вводилась строгая дисциплина. Всё это требовалось для того, чтобы обеспечивать постоянную боевую готовность формирования, позволявшую в любое время встретить врага во всеоружии.

Наравне с мужчинами стойко переносили тяготы партизанской жизни и женщины. Их в полку было более 30 человек – врачи, фельдшеры, медсестры и, конечно, разведчицы [2, л. 1–2]. Считалось, что женщины-разведчицы привлекают к себе меньше внимания, поэтому им можно было поручать самые трудные задания.

Обычно разведчицы находились там, где располагались немецкие гарнизоны: в городах Ельне, Спас-Деменске, в совхозе Теренино и других местах. Как правило, разведчицы действовали группами по два-три человека. Если ставилась задача разведать вражеский гарнизон, то они поодиночке добирались туда, а затем встречались на явочной квартире. После сбора нужных сведений о расположении немецких частей, об огневых средствах противника, о постах женщины спешили в штаб. Много ценных сведений доставили разведчицы З. Шведова, А. Пырикова, Л. Калиновская, Т. Антонова и другие [1, с. 264].

Вооружение партизан было трофейным. Собирали его чаще по ночам, а иногда и днем под видом перевозки дров, сена или соломы. Успешные боевые операции увеличивали количество трофейного оружия. Если в первый месяц своего существования отряд имел всего две винтовки, 8 обрезов, один пистолет и пулемет, то к лету 1942 года в полку насчитывалось 28 артиллерийских орудий, 5 танков, 20 автомашин, бронированный автомобиль, 85 минометов, 125 пулеметов, много винтовок, патронов и гранат [2, л. 1–2].

Насаждаемый на оккупированной территории «новый порядок», гибель соотечественников вызывали у мирных жителей чувство протеста. Поэтому они, как могли, помогали партизанам. Иногда жительницы деревень, расположенных недалеко от места дислокации партизан, ходили в разведку, принося ценные сведения о противнике. Почти в каждой деревне создавались группы самообороны из оставшихся женщин и стариков.

Крестьяне обеспечивали партизан продуктами питания. Но когда запасы продуктов бывали на исходе, полковому повару требовалась немалая изобретательность, чтобы накормить бойцов. По воспоминаниям партизан, лучшей едой в этих случаях считались «сваренные ягоды с добавлением в них ложки муки на котелок, или отварная картошка с ягодами, а иногда всего лишь кипяток с ягодами». В воспоминаниях комиссара полка П.А. Мельникова (сменившего в мае 1942 года Г.С. Амирова) сохранился рецепт блюда, которое готовилось «из

грибов, щавеля, крапивы, дикой капусты с добавлением ложки муки или любой крупы». Это лишь некоторые эпизоды из нелегкой жизни лесных воинов [2, л. 30].

Командование полка поддерживало связь с другими партизанскими формированиями: полком им. С. Лазо, соединением «Дедушка». В феврале 1942 года была установлена связь с частями Красной армии и командующим Западным фронтом генералом армии Г.К. Жуковым. Партизаны помогали армейским частям, заброшенным в тыл противника. Так, на оккупированной территории оказалась одна из кавалерийских частей генерал-майора П.А. Белова. Партизаны полка снабдили красноармейцев продовольствием, фуражом, лошадьми, а также провели призыв молодежи и направили мобилизованных юношей в пришедшую часть.

За боевые заслуги руководство Западного фронта наградило командование полка орденами Красного Знамени. Отмечая успехи партизан, газета «Правда» 22 мая 1942 года сообщала: «Партизанский отряд им. 24-й годовщины РККА, действующий в захваченных немцами районах Смоленской области, нанес оккупантам большой урон. Партизаны за время своей боевой деятельности уничтожили свыше 3000 гитлеровцев, взяли в плен 125 немецких солдат и офицеров. Разгромлено 12 штабов немецких частей и подразделений, уничтожено 3 танка, 4 орудия, 11 складов с боеприпасами, 9 складов с продовольствием. Захвачено 6 орудий, 25 минометов, 650 винтовок, 30 автомашин и другое военное имущество» [4].

В июне 1942 года командование Западного фронта приняло решение вывести из немецкого тыла группу войск генерала П.А. Белова. Эта задача оказалась очень трудной. Партизанский край был охвачен плотным кольцом вражеских войск. На всех направлениях с апреля 1942 года шли кровопролитные бои. По воспоминаниям командира 2-го батальона Г.Г. Ковалёва, к началу июня 1942 года немцы прорвали оборону партизан. К этому времени у сражавшихся закончились боеприпасы, продукты, были большие потери. В ротах 2-го батальона в живых оставалось не более 10 партизан. В этой ситуации командир полка (с мая 1942 г. – полковник Ф.П. Шмелёв) отдал приказ разбить полк на мелкие группы. Только благодаря этому решению оставшиеся в живых партизаны смогли выйти из вражеского кольца. Так закончился боевой путь партизанского полка им. 24-й годовщины

РККА. А созданные на его основе небольшие диверсионные группы продолжали действовать до полного освобождения Ельнинского района от оккупантов.

Литература

1. Богданов Ю.Н., Гнездилов В.Ф. Легендарный ФД. Фёдор Гнездилов – московский ополченец, смоленский партизан, советский гвардеец. – М.: Алгоритм, 2017. – 544 с.
2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 209.
3. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212.
4. Правда. – 1942. – 22 мая (№ 142). – [Электронный ресурс]. URL: <http://mrgu.su/wp-content/uploads/2020/04/Правда-№142-от-22.05.1942.pdf> (дата обращения 17.03.2021).

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ (1941–1942 ГОДЫ)

Аннотация. В статье освещается героическая оборона города-героя Севастополя в первый год войны. Раскрыты стратегические и тактические задачи немецко-фашистских захватчиков по овладению крупнейшей военно-морской базой на Чёрном море. Показан героизм защитников Севастополя в обороне родного города. Проанализированы последствия ухода защитников из города на последующие события на южном фланге войны.

Ключевые слова: десант, Малахов Курган, Манштейн, Сапун-гора, Севастополь, Черноморский флот, эвакуация.

Teplitskiy Yu.M.

candidate of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History of
Lugansk State Agrarian University

HEROIC DEFENSE OF SEVASTOPOL (1941–1942)

Annotation. The article highlights the heroic defense of the hero city of Sevastopol in the first year of the war. Disclosed are the strategic and tactical tasks of the German-fascist invaders to capture the largest naval base on the Black Sea. The heroism of the defenders of Sevastopol in the defense of their hometown is shown. The consequences of the departure of defenders from the city on subsequent events on the southern flank of the war are analyzed.

Key words: landing, Malakhov Kurgan, Manstein, Sapun Mountain, Sevastopol, Black Sea Fleet, evacuation.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов ход событий на советско-германском фронте вынуждал немецко-фашистское командование вносить коррективы в свои планы. На южном стратегическом направлении немцы планировали захват Крыма. Захват советских военно-морских баз и портов сухопутными войсками при наступлении вдоль побережья Чёрного моря или прорывом к ним с материка.

Если посмотреть на карту, то видно, что полуостров прикрывает с моря всю южную Украину и в то же время как бы разделяет морской

бассейн на западную и восточную части. Считалось, что морские пути, проходящие вдоль западного и северо-западного побережья, так же, как и вдоль южного и северо-восточного, могут контролироваться из Севастополя независимо от того, какими средствами будет осуществляться этот контроль – самолетами, надводными или подводными кораблями. Именно поэтому в дополнении к директиве немецкого командования № 23 от 23 июня 1941 года указывалось: «После овладения Харьковским промышленным районом предпринять наступление через Дон на Кавказ. Первоочередной задачей основной массы пехотных дивизий является овладение Украиной, Крымом и территорией Российской Федерации до Дона». А в дополнении к директиве № 34 от 12 августа 1941 года группе армий «Юг» ставилась задача: «Овладеть Крымом, который, будучи авиабазой противника, представляет собой большую угрозу румынским нефтяным районам» [7].

Гитлер требовал: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русским нефти с Кавказа... Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы» [7, с. 633]. Таким образом, захват военно-морских баз и портов позволил бы фашистской Германии впоследствии использовать их для бесперебойного снабжения и питания южного крыла своих войск, а это должно было, по мнению К. Типпельскирха способствовать более быстрому захвату юга нашей страны [14].

Командование 11-й немецкой армии предприняло все меры к тому, чтобы выполнить приказ Гитлера по быстрейшему захвату Крымского полуострова. Из документов секретного архива Гимmlера стало известно, что для Крыма – «будущей немецкой Ривьеры» – Гитлер предложил новое название – Готенланд. Симферополь предполагалось переименовать в Готенбург, Севастополь – в Теодорихсхафен.

В ночь на 31 августа 1941 года 11-я немецкая армия форсировала Днепр в районе Каховки и, овладев плацдармом на восточном берегу, начала накапливать силы для дальнейшего наступления. Перед ней были поставлены задачи: одной группой войск вести бои с советски-

ми войсками в направлении на Мелитополь; другой – овладеть Крымом, причем эта задача была главной.

До Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Севастополь, к сожалению, не был укреплен с суши. Была лишь проведена рекогносцировка оборонительных рубежей. После начала войны командование флотом в июле приступило к подготовке сухопутной обороны, которая состояла из трех рубежей: передового, главного и тылового. Несмотря на то, что к ноябрю 1941 года их оборудование не было закончено (особенно с передового рубежа), всё же было сооружено 82 артиллерийских дота с морскими орудиями и 220 пулеметных дотов и дзотов, 33 км противотанкового рва, 56 км проволочных заграждений, установлено 9600 мин [8].

Для обороны Крыма Ставка Верховного Главнокомандования в августе 1941 года сформировала 51-ю отдельную армию, а в октябре 1941 года перебросила в Крым из Одессы Приморскую армию. 25–27 октября 1941 года 11-я немецко-фашистская армия под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна в составе 7 пехотных дивизий и румынского горнострелкового корпуса, состоящего из 2 бригад, 150 танков, свыше 300 самолетов прорвала оборону советских войск на Перекопском перешейке и Ишуньских позициях и ворвалась в Крым. Войска 51-й армии с тяжелыми боями отошли на Керчь, а Приморская армия, вследствие того, что Симферопольское шоссе было перерезано противником, – отступила по горным дорогам через Ай-Петри на Ялту и далее на Севастополь. Именно поэтому в период 30 октября–9 ноября гарнизону Севастополя пришлось своими силами отражать удары противника, который пытался овладеть городом с ходу. Гарнизон состоял из 1 бригады, 3 полков и 19 батальонов морской пехоты (примерно 23 000 человек, 150 полевых и береговых орудий, 82 самолета). В Севастополе находились главные силы флота (1 линейный корабль, 5 крейсеров, 11 эсминцев, 16 подводных лодок и др.), большая часть которых ушла на базы Кавказа [3].

Первыми вступили в бой 30 октября 1941 года артиллеристы 54-й батареи береговой обороны (командир – лейтенант И.И. Заика) в районе деревни Николаевка, которые 3 дня вели неравный бой с противником. В период с 31 октября по 1 ноября начались бои передовых частей противника с боевым охранением, состоящим из нескольких батальонов морской пехоты, выдвинутым в район Бахчисарая и на ру-

беж р. Кача и поддерживаемым дальнобойными береговыми орудиями. Немецко-фашистское командование в начале ноября ввело в бой 2 пехотные дивизии и моторизованную бригаду, стремясь ворваться в Севастополь вдоль Евпаторийского и Симферопольского шоссе.

Проявляя массовый героизм, части севастопольского гарнизона, поддерживаемые береговой и корабельной артиллерией и авиацией флота, стойко отражали удары превосходящих сил врага. Они неоднократно переходили в контрнаступление, останавливая его на передовых и практически главных рубежах обороны. 7 ноября в районе Дуванкой бессмертный подвиг совершили 4 бойца морской пехоты во главе с политруком Н.Д. Фильченковым, вступившие в бой с танками противника, подбили 10 из них и погибли, но не пропустили врага. Большую помощь в обороне оказывало население города во главе с Городским комитетом обороны, возглавляемым Б.А. Борисовым.

С 3–4 ноября начали прибывать отдельные части Приморской армии, которые сразу вступали в бой. 9 ноября дивизии Приморской армии были усилены за счет батальонов морской пехоты, кроме того, армии были оперативно подчинены части и соединения морской пехоты. Всё это значительно повысило боеспособность Приморской армии.

Из Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК) 7 ноября поступил приказ: «Севастополь не сдавать ни в коем случае. Главной задачей Черноморского флота считать активную оборону Севастополя и Керченского полуострова всеми силами». Был создан Севастопольский оборонительный район (СОР). Командующим СОР был назначен командующий флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, его заместителем по сухопутной обороне – командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, заместителем по береговой обороне и начальником гарнизона – генерал-майор П.А. Моргунов. Общая численность войск СОР составила 55 000 человек, в т.ч. 29 000 человек боевого состава на сухопутном фронте.

11 ноября противник, сосредоточив 4 пехотных дивизии и другие части (всего до 60 000 человек боевого состава), возобновил наступление на Севастополь, нанося теперь главный удар вдоль Ялтинского шоссе. В кровопролитных сражениях советские войска отразили все атаки противника и удержали свои позиции. Понеся большие потери, 21 ноября враг временно прекратил наступление и перешел к оборо-

не. В связи с эвакуацией войск 51-й армии с Керченского полуострова 19 ноября СОР был подчинен СВГК [4].

17 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немецко-румынские войска в составе 6 немецких пехотных дивизий, 2 румынских горнострелковых бригад, 1275 орудий и минометов, свыше 150 танков и 300 самолетов под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна перешли во второе наступление на Севастополь. Главный удар наносился на стыке 3-го и 4-го секторов из района Дуванкой вдоль Бельбекской долины и на Камышлы с целью прорыва к ст. Мекензиевы Горы и Инкерману и выхода к Северной бухте. В составе СОР было 5 стрелковых дивизий (из них 4 были укомплектованы на 50 %), 1 малочисленная кав. дивизия, 2 бригады и 3 полка морской пехоты, 410 орудий, 120 минометов, 26 танков, 90 самолетов [15].

Противник имел почти двойное численное превосходство, но советские войска упорно оборонялись. Большую роль в отражении вражеского наступления сыграла Керченско-Феодосийская десантная операция 1941–1942 годов. Она была начата 26 декабря и вынудила немецко-фашистское командование снять часть сил из-под Севастополя и 31 декабря прекратить наступления. 1–4 января советские войска контратаками заставили врага отойти на исходные позиции. После провала декабрьского наступления немцев наступило относительное затишье, продолжавшееся до мая 1942 года.

Определяя задачи летней кампании 1942 года, немцы решили нанести главный удар на юге. Они стремились овладеть Кавказом и Нижним Поволжьем. Фашистское руководство основные усилия сосредоточило на южном крыле советско-германского фронта, делая ставку на захват нефтяных районов Кавказа и плодородных областей Дона, Кубани, Нижнего Поволжья, что позволило бы также втянуть в войну против СССР Турцию и Японию.

Несмотря на донесения разведки, советское командование ожидало летом 1942 года нового наступления на Москву. Оно сосредоточило здесь более половины армий, почти 80 % танков, 62 % самолетов. Одновременно с укреплением обороны в Москве Сталин, вопреки мнению Генштаба и его начальника Б.М. Шапошникова, дал указания нанести на юге – в Крыму, на Харьковском направлении,

в ряде других мест – несколько отвлекающих наступательных операций. Разброс сил обрек этот план на неудачу, которая обернулась новой катастрофой.

В мае 1942 года в результате оставления советскими войсками Керченского полуострова и неудачи Харьковской наступательной операции положение Севастополя ухудшилось. 21 мая противник начал воздушную артиллерийскую бомбардировку города, а 2 июня перешел к многодневной артиллерийской и авиационной подготовке наступления. 7 июня противник перешел в наступление, нанося главные удары на Макензиевы Горы с целью выхода к Северной бухте и на Сапун-гору и Балаклаву. Вражеская авиация ежедневно совершала 800–1000 самолетовылетов, сбрасывая 4000–4500 бомб.

Защитники Севастополя стояли насмерть, до последней возможности. «Только когда на оборонительных позициях не оставалось боевых защитников и боеприпасов, врагу удавалось их занять». 18 июня ценой больших потерь противнику удалось прорваться к побережью Северной бухты. Оставшиеся на Северной стороне небольшие гарнизоны 30-й батареи береговой обороны, Северного укрепления, Инженерной пристани, Михайловского и Константиновского равелинов героически оборонялись до 22–24 июня. В ночь на 29 июня противник форсировал Северную бухту, овладев Сапун-горой. 30 июня немецко-фашистские войска ворвались на корабельную сторону, где весь день шли упорные бои за Малахов курган. В ночь на 1 июля было получено разрешение СВГК на эвакуацию [13].

Героическая оборона Севастополя имела стратегическое значение. Она сковывала в течение 8 месяцев крупные силы противника на южном крыле советско-германского фронта и не позволяла ему долгое время развернуть наступление на Кавказ.

В обороне Севастополя было достигнуто четкое взаимодействие между армией, флотом и авиацией в результате единого командования и правильной организации защиты. Защита Севастополя – это один из ярчайших примеров доблести защитников обороны военно-морской базы, окруженной противником с суши. В ознаменовании подвига севастопольцев 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Севастополя», которой было награждено свыше 45 000 человек [1].

Литература

1. Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1941–1942. – М., 1983. – 300 с.
2. Боевые операции Люфтваффе: взлет и падение гитлеровской авиации: 1933–1945. – М.: Яуза-Пресс, 2009. – 608 с.
3. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя. – Симферополь, 1959. – 403 с.
4. Ванеев Г.И. Герои Севастопольской крепости. – Симферополь: Крым, 1965. – 108 с.
5. Ванеев Г.И. Севастополь, 1941–1942. Хроника героической обороны. Т. 1. – Киев: Украина, 1995. – 251 с.
6. Ванеев Г.И. Севастополь, 1941–1942. Хроника героической обороны. – Киев: Украина, 1995. – Т.2. – 285 с.
7. Гельдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск / пер. с нем. Т. 3. – М., 1971. – 405 с.
8. Героическая оборона Севастополя 1941–1942. – М., 1969. – 365 с.
9. Луцкий И. Море и плен. Трагедия Севастополя. 1940–1945. Воспоминания. – 1958. – 166 с.
10. Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. – М.: Вече, 2015. – 320 с.
11. Манштейн Э. фон. Утерянные победы. – М.: АСТ, 1999. – 896 с.
12. Морозов М. Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 432 с.
13. Октябрьский Ф.С. Подвиг, который будет жить в веках. // Морской сборник. – 1967. – № 1. – С. 33–48.
14. Типпельскирх К. История второй мировой войны / Пер. с нем. – М., 1956. – 796 с.
15. Manstein E. von. Verlorene Siege. – Bonn, 1955. – 896 s.

**«ЧТОБЫ ПОМНИЛИ!»: ФОРМИРОВАНИЕ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛНР**

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам сохранения исторической памяти народа о Великой Отечественной войне. Определены соответствующие задачи и пути их решения в школах и вузах республики. Проанализированы конкретные примеры воспитательной работы с ученической и студенческой молодежью. Охарактеризованы направления современных научных исследований, осуществляемых вузами, архивами и музеями по тематике Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, школьники, студенты, воспитательная работа, научные исследования, международное сотрудничество.

Turyanskaya O.F.,

doctor pedagogical sciences, professor,
Lugansk state pedagogical university

Pisanyi D.M.

candidate of historical sciences, associate professor,
Lugansk state pedagogical university

**«WHAT YOU WOULD REMEMBER!»: FORMATION OF MEMORY OF
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE EDUCATIONAL SPACE LPR**

Abstract. This article is devoted to the problems of preserving the historical memory of the people about the Great Patriotic War. The corresponding tasks and ways of their solution in schools and universities of the Republic have been determined. Concrete examples of educational work with pupils and students are analyzed. The directions of modern scientific research carried out by universities, archives and museums on the subject of the Great Patriotic War are characterized.

Keywords: historical memory, the Great Patriotic War, schoolchildren, students, educational work, scientific research, international cooperation.

Познание прошлого своей семьи, своего края, своего народа, страны всегда в основе своей имеет эмоциональное восприятие и переживание прошлого как частицы «моего» прошлого, моей собственной

истории. Именно поэтому оно является для молодежи всегда эмоционально насыщенным, личным переживанием. Такое глубоко личное переживание прошлого открывает перед человеком смыслы исторических событий с его собственной, личностной позиции. Философ Ю. Давыдов считает историческую память средством, с помощью которого создается человек человеком, народ народом, культура культурой. Постигание исторического, по его мнению, происходит всегда через опыт переживания истории [12, с. 56].

Иначе говоря, процессы социально-культурной, духовной идентификации человека прямо связаны с историческим познанием. Предметом усвоения при изучении истории являются не только факты, явления, процессы, но и те моральные и эстетические смыслы прошлого, которые в них содержатся. Если смыслы исторических событий переживаются сердцем, то они остаются с человеком на всю жизнь. Будучи «открытыми», исходя из системы духовных и жизненных ценностей своего народа, своей семьи, интериоризованными в процессе обучения, воспитания, взросления, они определяют конкретные поступки личности, а зачастую, и выбор ею жизненного пути.

Вторая мировая длилась 6 лет и 1 день. Военные действия, в которых участвовали более 60 государств мира, охватили территорию площадью 22 млн км². Страны-агрессоры (державы оси «Берлин – Рим – Токио») стремились установить мировое господство, истребить целые народы, разделить население мира на «высшие» и «низшие» расы, представителей последних обратить в рабов. О том, что ждало Землю в случае победы фашистов, убедительно свидетельствует политика гитлеровцев и их союзников на оккупированных территориях: геноцид целых народов в концлагерях и гетто, угон самого трудоспособного населения на каторжные работы, другие варварские, бесчеловечные акции.

1418 дней и ночей за свободу своей Родины сражались все народы Советского Союза, внося решающий вклад в спасение человечества от «коричневой чумы». Победа была оплачена очень дорогой ценой. В середине 1940-х годов казалось, что мир усвоил горькие уроки «войны столетия», и эта трагедия больше не повторится. Однако в начале XXI века неонацистские силы стали вновь набирать обороты.

Идейные наследники фашистов и их приспешников отчаянно стремятся к реваншу. Полем же боя стали перо и бумага, экраны телеви-

зоров и безграничные просторы Интернета и, конечно же, школы и вузы. Наряду со странами Балтии, особенно остро эта проблема стоит на Украине. Там осуществляется масштабная ревизия истории, объявлена настоящая культурная война против всего советского наследия (вспомним хотя бы так называемый «закон о декоммунизации»). Новые киевские власти культивируют шовинизм, сеют рознь между некогда братскими народами. В этих условиях Республики Донбасса стоят на переднем крае информационной войны. Наше оружие в этом бою – правда и память.

Различные аспекты деятельности образовательных учреждений по сохранению исторической памяти рассматривались в работах В.Р. Мединского, Б.В. Соколова, Т.Ю. Анпиловой и др. [1; 8; 11]. Однако комплексных исследований, посвященных образовательному пространству Новороссии, в этом направлении практически нет.

Цель настоящей статьи – дать обзор форм работы с учениками общеобразовательных учреждений и студентами вузов, направленных на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, практикуемых в республике.

Становление интеллектуально и духовно развитой личности к самостоятельной взрослой жизни происходит в школе. Недаром поэт назвал ученичество «главной профессией» юношества. Рассмотрим, какие меры в плане воспитания детей и подростков осуществляются в рамках школьного образования.

В последние годы был внесен ряд изменений в содержание школьного образования. Так, согласно Приказу МОН ЛНР от 10.06.2020 № 595-од, в школах Республики введен элективный курс «История Великой Отечественной войны». Он преподается в 10-м классе в объеме 34 часа в год (1 час в неделю). Он относится к части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений.

Цель данного курса – «сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, воспитание у обучающихся патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и старшему поколению». Важными особенностями преподавания указанного предмета являются «проблемное изложение изучаемого материала..., создание познавательных проблемных ситуаций на уроках; демонстрация обучающимися результатов своей проектно-исследовательской деятельности» [10, с. 2–5].

Разработчиками Программы предусмотрено свыше 60 тем проектов и научно-исследовательских работ. Они подготавливаются учениками индивидуально или в составе малых творческих групп. На защиту проектов отводится 2 урока в конце учебного года. Содержательная сторона проектов очень разнообразна. Среди них целесообразно выделить темы: «Блокада Ленинграда в зеркале судеб», «Великая Отечественная война и учителя/ врачи (или представители др. профессий – Д.П.)», «Великая Отечественная война в названиях улиц города», «Военнопленные в годы Великой Отечественной войны», «Детство, опаленное войной», «Из семейного архива – в школьный музей. Долг памяти», «История фронтового письма», «Концентрационные лагеря Третьего рейха, «Трудовой и ратный подвиг советских ученых, конструкторов, изобретателей», «Цена Победы» [10, с. 23–24].

Педагогический опыт свидетельствует о том, что направить творческую деятельность школьников в соответствующее русло можно намного раньше. Так, еще в V классе (по усмотрению учителей обществознания, в рамках темы «Семья») можно провести урок «История одной фотографии». За несколько недель до планируемого урока детям дается задание: подготовить рассказ об одном из своих предков и выступить с кратким рассказом об этом человеке (время выступления – 3–4 мин.). В ходе рассказа использовать фотографию. Примерный план рассказа таков.

1. Фамилия, имя, отчество героя рассказа, годы жизни, в каком родстве состоите (демонстрация фото).

2. Трудовая деятельность (кем работал, профессиональные достижения).

3. Рассказ о подвиге (боевом/ трудовом), о значимом случае/ поступке, событии из жизни.

4. Вывод.

Успешное выполнение данного творческого проекта имеет для школьника познавательное и воспитательное значение:

- во-первых, он поставил перед собой лично значимую цель – интересно рассказать о своем предке;

- во-вторых, он поговорил на эту тему с родными, т.е. взял интервью у своих родственников, провел беседы (метод социологических исследований);

- в-третьих, ученик поработал с документами семейного архива (письма, почетные грамоты, удостоверения к военным наградам, вырезки из газет, фото и др. документы);
- в-четвертых, пятиклассник написал рассказ согласно требованиям (нужного объема и нужной структуры);
- в-пятых, состоялось его публичное выступление как результат творчески поисковой деятельности;
- и, конечно же, важно, что бы результат проделанной работы обрел для школьника глубокий личностный смысл: «Я горжусь моим предком».

Не менее важен патриотический компонент внеклассной работы. Основы государственной политики ЛНР в области воспитательной работы были заложены в 2016 году, когда была утверждена Государственная целевая программа «Патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганской Народной Республики на 2016–2020 годы» [9]. Ярким примером реализации данной Программы в области военно-патриотического воспитания является акция «Знамя Победы», к которой школы Луганской Народной Республики приобщились с 2016 года. За 2 месяца до Дня Победы в порядке эстафеты из одной школы в другую передаются копии Знамени Победы. В течение недели в каждой школе города самые достойные ученики несут вахту памяти у Поста № 1. Заблаговременно разрабатываются сценарии торжественных линеек, графики дежурств у Поста № 1. Все действия, связанные с несением вахты памяти, осуществляются по-военному четко. На линейки приглашаются почетные гости: военнослужащие, представители органов власти, общественных организаций. Так, в 2016 году передача Знамени Победы из СШ № 1 проходила при активном участии членов клуба «Ночные волки».

Еще одним важным направлением внеурочной деятельности являются учебные экскурсии в различные музеи. Особенно содержательными являются поездки в Краснодон и Ровеньки, по местам боевой славы и мученической гибели героев «Молодой гвардии» – знаменитой подпольной комсомольской организации времен ВОВ. Тщательно подобранные и сохраненные в исключительно сложных условиях экспонаты, содержательные выступления опытных экскурсоводов не оставляют никого равнодушным. Ученики серьезно задумываются над тем, сколь дорогой ценой была оплачена Великая Победа.

В непростых условиях современности всё же осуществляются зарубежные поездки луганских школьников по местам воинской славы. Так, старшекласники СШ № 1 в 2018 году посетили Волгоград и приняли участие в акции «Сталинградский тополь». Саженец дерева был торжественно передан луганским школьникам и по возвращении делегации домой на торжественной линейке в присутствии почетных гостей высажен во дворе школы как символ исторической памяти о Великой Отечественной войне.

И, конечно же, накануне памятных дат регулярно проводятся уроки мужества, видеолектории. Школьники активно участвуют в акции «Поздравь ветерана», осуществляют волонтерскую деятельность. С введением дистанционного обучения (из-за пандемии коронавируса) многие аспекты воспитательной работы проходили в онлайн-режиме (в частности, разнообразные конкурсы и викторины).

Профессиональное становление личности происходит в высшем учебном заведении. В системе высшего образования Луганской Народной Республики также предусмотрен комплекс мер по сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Рассмотрим основные из них на примерах ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

В учебном плане по направлению подготовки бакалавриата 46.03.01 «История» введен курс «История внешней политики СССР» (IV курс, 108 ч., 3 з.е., экзамен). В этой сравнительно новой дисциплине большое внимание уделяется участию Советского Союза во Второй мировой войне и послевоенному отстаиванию им государственных интересов на международной арене. Представляемый студентам материал органически дополняет темы, посвященные ВОв в курсе «История России», «История Отечества».

Хорошей диалоговой площадкой по поддержанию связи между вузами и школами служит издаваемый в нашем Университете журнал «Образование Луганщины: теория и практика». Помимо научных статей, там регулярно публикуются методические разработки уроков и воспитательных мероприятий на военную тематику.

Учеными наших Республик ведутся активные научные и научно-популярные изыскания против фальсификации истории, а также по популяризации достоверной информации о событиях Великой Отечественной войны. В последние годы проводится активная краеведческая работа по освещению деятельности малоизвестных

подпольных и партизанских организаций Луганского края. Ученым оказывают неоценимую помощь сотрудники архивных и музейных учреждений. Результаты исследований представляются на конференциях и круглых столах, освещаются в СМИ.

В рамках этой работы было подготовлено несколько сборников документов, посвященных детям войны, «Молодой гвардии» [2–4]. С применением новых методологических парадигм исследуется история отдельных сфер жизни общества в годы войны. Так, научные изыскания преподавателей ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» посвящены проблемам эвакуации населения и предприятий (Ю.И. Краснякова), деятельности женщин-медиков на аренах боевых действий (О.А. Кривуля), малоизученным страницам военной истории пионерской организации (В.А. Кудинов) [5–7].

Студенты активно и с энтузиазмом участвуют в работе поисковых клубов. Направления поисков различны. «Полевые» исследования органически сочетаются с работой в архивах, библиотечных фондах редких книг. Накануне Дня защитника Отечества в рамках проекта «Чтобы помнили!» студентами Института истории, под руководством О.Ф. Турянской была проведена поисковая работа и снят ряд короткометражных видеосюжетов о преподавателях нашего вуза – ветеранах войны (Б.П. Бажутин, С.Ф. Складенко, В.Г. Пичугин, Г.И. Яворский и др.) На основе этих видеосюжетов во всех группах института были проведены онлайн кураторские часы, посвященные воинским будням и подвигам ушедших из жизни преподавателей – Защитников Отечества в годы Великой Отечественной Войны.

В Институте истории, международных отношений и социально-политических наук ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» существует добрая традиция поддержки связей профессорско-преподавательского состава с широкой общественностью. К направлениям такой работы относятся выступления преподавателей на радио и телевидении, в частности, комментарии к памятным датам военной истории, в том числе ко Дню освобождения Луганщины от фашистов 14 февраля 1943 года.

Для более успешных результатов описанной многоаспектной работы вузы наших Республик осуществляют плодотворное международное сотрудничество. Так, специалисты-гуманитарии в составе делегации нашей Республики участвовали в Международном антифашистском форуме (апрель 2017 года, Ростов-на-Дону). Работа форума

транслировалась в прямом эфире, запись была размещена в Интернете. Был сделан вывод, что фашистская идеология служит мощной подпиткой для терроризма и других «социальных недугов» современности. А на встречах луганских ученых с коллегами из Рязани (июнь 2019 года, март 2020 года) велось плодотворное обсуждение задач научного сообщества Русского мира в информационной войне, развязанной против Донбасса и России западными СМИ.

Таким образом, сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне является важнейшей задачей, стоящей перед нашими учеными, преподавателями и учителями на современном этапе. Сегодня молодежь Донбасса так же, как и 75 лет назад, взрослеет в ситуации военного конфликта. Противник ведет информационную войну и против нашего прошлого, и против нашего настоящего. Очевидно, что перечисленные выше вызовы и угрозы подчеркивают актуальность представленных форм и методов работы в образовательном пространстве ЛНР.

Этот многоаспектный процесс имеет свои особенности в средней и высшей школе. Однако важная общая черта работы школьных учителей и преподавателей вузов – органическое сочетание учебной и воспитательной работы с подрастающим поколением. На любом этапе образовательного процесса важно не только усвоение знаний, но и эмоционально-психологическая нагрузка, которую несет историческая информация. Активизация эмоционально-волевой сферы школьников и студентов средствами учебной и воспитательной работы способствует тому, что полученные исторические знания приобретают глубокий личностный смысл. Приобщение молодежи к этому пласту отечественного историко-культурного наследия направлены на формирование психологической устойчивости ученической и студенческой молодежи к воздействиям информационной войны.

Литература

1. Анпилогова Т.Ю. Гражданское население Ворошиловградской области УССР в период немецко-нацистской оккупации / Т.Ю. Анпилогова // Великая Отечественная война в мировой и отечественной истории: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы над нацистско-немецкими захватчиками. – Луганск, 2015. – С. 4–11.

2. Аптекарь Р.М. Огонь памяти: сб. док. очерков о героях «Молодой гвардии»/ Р.М. Аптекарь, М.Д. Аптекарь, А.Г. Никитенко. – Луганск, 2016. – 282 с.

3. Великая Отечественная война глазами детей: исторические источники мемуарного характера: сб. исторических материалов / Сост.: Анпилогова Т.Ю., Заверуха И.А., Королёва Г.И., Носков В.Ю.; под общ. ред. Т.Ю. Анпилоговой. – Луганск, 2017. – 256 с.

4. Газетной строкой о войне...: к 75-летию освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков / Министерство культуры ДНР; ГУК «Донецкая Республиканская универсальная библиотека им. Н.К. Крупской». – Донецк: ДРУНБ, 2018. – 200 с.

5. Краснякова Ю.И. Особенности процесса эвакуации населения Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны / Ю.И. Краснякова // Великая Отечественная война в мировой и отечественной истории: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы над нацистско-немецкими захватчиками. – Луганск, 2015. – С. 43–46.

6. Кривуля О.А. Путь от милосердия к подвигу: деятельность женщин-медиков на аренах боевых действий (середина XIX – середина XX вв.) / О.А. Кривуля // Великая Отечественная война в мировой и отечественной истории: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы над нацистско-немецкими захватчиками. – Луганск, 2015. – С. 46–50.

7. Кудинов В.А. Детская общественная организация пионеров как ресурс победы / В.А. Кудинов // Великая Отечественная война в мировой и отечественной истории: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы над нацистско-немецкими захватчиками. – Луганск, 2015. – С. 50–54.

8. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР 1939–1945. Второе изд. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2016. – 704 с.

9. Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики «Об утверждении Государственной целевой программы "Патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганской Народной Республики на 2016–2020 годы"» от 27 декабря 2016 года. № 723 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://minobr.su/activities/prog/> (Дата обращения: 15.04.2021).

10. Программа элективного курса для образовательных учреждений (организаций) Луганской Народной Республики «История Великой Отечественной войны», X класс. – Луганск, 2020. – 31 с.

11. Соколов Б.В. Вторая мировая: факты и версии / Б.В. Соколов. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. – 432 с.

12. Турянская О.Ф. Теоретические основы личностно ориентированного подхода к обучению: Монография / О.Ф. Турянская. – Орёл: Изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2015. – 278 с.

**АРКАДИЙ ВИНИЦКИЙ –
ЧЕЛОВЕК, РАЗВЕДЧИК, УЧЁНЫЙ**

Аннотация. Рассматривается деятельность А.С. Веницкого в годы Великой Отечественной войны. Акцентируется внимание на том, что это неизвестные страницы партизанского движения, когда А.С. Веницкий продолжил борьбу с оккупантами в безвыходном положении вражеского окружения, и его научной деятельности во время Великой Отечественной войны и после ее окончания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, Сещенское интернациональное подполье, Аркадий Веницкий.

Ushkalov S.V.

Chairman of the regional branch of the Russian Military
Historical Society. E-mail: sushkalov@yandex.ru.

Trifankov Yu.T.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the
Department of "Humanities and Social Disciplines" of BSTU

ARKADY VINITSKY – MAN, SCOUT, SCIENTIST

Abstract. The article considers the activity of A. S. Vinitzky during the Great Patriotic War. Attention is focused on the fact that these are unknown pages of the partisan movement, when A. S. Vinitzky continued the fight against the invaders in the hopeless situation of the enemy environment and as a scientist who continued scientific research in the difficult conditions of partisan life.

Keywords: the Great Patriotic War, the partisan movement, the Seshchinsky international underground, Arkady Vinitzky.

Наше знакомство с личностью Аркадия Веницкого состоялось во время работы над монографией «Партизаны и армия: вместе к победе». В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), в делах фонда Западного штаба партизанского движе-

ния (ЗШПД) нам попадались отчеты и разведсводки, подписанные агентурным псевдонимом «Аркадий». В этом же фонде нами был найден отчет [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48] «Аркадия», охватывающий весь период с февраля 1942 года и до конца сентября 1943 года, когда «Аркадий», а точнее разведгруппа под его командованием, соединилась с частями наступающей Красной армии. Из отчета мы узнали о достаточно успешной работе разведчиков в тылу немецких войск в районе Жирятино–Клетня–Сеща–Рославль–Брянск–Клинцы, документ был подписан командиром разведгруппы лейтенантом Аркадием Венициким. Именно А. Веницкий и скрывался за агентурным псевдонимом «Аркадий». Отчет Аркадия Веницкого «красной нитью» прошел через нашу монографию «Партизаны и армия: вместе к победе», так как охватывал практически весь период оккупации территории нынешних Брянской и части Смоленской областей, и давал информацию о состоянии партизанского движения в разные периоды оккупации и о карательных операциях против партизан и мирного населения. Но больше всего нас поразило охват территории, на которой «Аркадий» развернул свою разведывательную сеть. Агентура А. Веницкого действовала в Сеще, Дубровке, Рославле, Брянске, Унече, Мглине, Клинцах [4, ф. 8, оп. 2, д. 67, л. 36–41] и в других более мелких населенных пунктах. Между этими населенными пунктами расстояние в десятки километров, а от Брянска до Клинцов и Рославля расстояние составляет около 150 и 140 км соответственно и 140 км от Рославля до Клинцов. Из донесения «Аркадия», датированного 20.10.1942 [4, ф. 8, оп. 2, д. 70, л. 1–12], видно, что в созданную им разведывательную сеть входят Рославльская группа под руководством Тарасова, Сещенская группа, ведомая Казаковым, Дубровская группа «Николая», группа, руководимая Шепетом, ведет участок Брянск–Гомель и дает разведывательную информацию по военным объектам Почепа, Унечи, Мглина, Клинцов, Новозыбкова, Гомеля. Из этого же донесения мы узнаем о сложной ситуации, сложившейся с агентурной сетью в Брянске и Оржоникидзеграде (Бежица): «...в августе все 7 человек, работавших на нас по Брянску, Оржоникидзеграду и Рославльскому шоссе были повешены немцами. После этого новая сеть по этому району была создана силами и связями отряда Горбачева...» [4, ф. 8, оп. 2, д. 70, л. 4].

В ГАНИСО нами был обнаружен «список ядра группы “Аркадия”» [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 49–50], состоящий из 29 фамилий разведчиков,

напротив шести фамилий стоит пометка о том, что человек перебежал из полиции, вероятно, этих людей перевербовали разведчики Аркадия Веницкого, а возможно, и он сам. Надо понимать – двадцать девять, это ядро группы, находящееся, как правило, на нелегальном положении, а есть еще легальная агентура в деревнях, поселках и городах. Для примера приведем описание подвига из наградного листа на разведчицу Марьину Анну Сергеевну 1923 г/р, чье имя присутствует в указанном списке: «т. Марьина Анна с сентября м-ц 1942 года. Работает разведчицей 10 А – действует легально, т. Марьина завербовала 10 человек для обслуживания Дубровки, Сельца, Клетня, Брянск, Орджоникидзеград. Сама Марьина ходила в Дубровку, Брянск приносила ценные документы. За свою работу достойна правительственной награды медаль “За отвагу”» [10, ф. 33, оп. 682526, д. 538, л. 207].

Нас, как исследователей, заинтересовала личность офицера-разведчика Аркадия Веницкого, организовавшего столь успешную разведывательную сеть в немецком тылу. Но особый интерес у нас вызвала работа «Аркадия» по п. Сеща, где находился крупный немецкий аэродром. Подвиг Сещенского интернационального подполья стал известен благодаря художественному фильму «Вызываем огонь на себя», снятого режиссером Сергеем Колосовым по мотивам одноименной повести [9] Я. Пшимановского и О. Горчакова. По сюжету повести именно командир разведгруппы лейтенант А. Веницкий организует деятельность Сещенского подполья. Но в фильме «Вызываем огонь на себя» нет героя с фамилией Веницкий, но есть советский разведчик, блистательно сыгранный Народным артистом СССР Олегом Ефремовым и командир партизанского отряда Данченков, чью роль исполнил Народный артист РСФСР Александр Лазарев, эти герои фильма и создают, по сюжету фильма, Сещенское подполье. Ф.С. Данченков – реальный человек, офицер-окруженец, создавший партизанский отряд, выросший в Первую Клетнянскую партизанскую бригаду, комиссаром бригады стал И.К. Гайдуков, также офицер-окруженец. Оба партизанских командира оставили мемуары [3; 5], в которых рассказали, как они создавали Сещенское подполье. Мы не будем оспаривать мнение мужественных и заслуженных ветеранов Великой Отечественной войны, они бесспорно имели отношение к подполью и, возможно, руководили им, когда подпольщики перешли к диверсионной деятельности, закладывая магнитные мины в немецкие самолеты, о

чем свидетельствуют отчеты за подписью начальника штаба Первой Клетнянской партизанской бригады капитана Антонова [4, ф. 8, оп. 2, д. 64, л. 105–106]. Но в упоминаемом нами отчете [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48] «Аркадий» в разделе «Работа по разведке» указывает, что разведку района Сеци ведет группа в составе 3 человек во главе с И.Н. Казаковым с базой в отряде Рощина. Далее А. Виницкий перечисляет, по каким объектам давала разведданные его агентура, среди перечисленных есть п. Сеца и немецкий аэродром, находящийся в этом районе, более того, в отчете есть перечень документов, добытых агентурой «Аркадия»: «Подлинные немецкие документы, в том числе немецкие планы г. Рославля, Сеци, Познани (взят в Сеце) и др.» [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

Датируются эти действия разведсети «Аркадия» августом–декабром 1942 года. В декабре 1942 года А. Виницкий передает всю северную разведсеть (Рославль–Сеца–Дубровка) с согласия разведотдела 10-й армии радисту-разведчику Косыреву, отбившемуся от своей разведгруппы [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48]. Сам «Аркадий» в декабре 1942 «...со своей рацией снова перешел на юг, где сеть работала неудовлетворительно ... ограничил свою работу южным кустом (от Брянска до Клинцов), а всех своих разведчиков и агентов на севере передал Косыреву» [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

В фильме «Вызываем огонь на себя» одним из руководителей Сещенского интернационального подполья является Анна Морозова, удостоенная звания Героя Советского Союза (посмертно) в 1965 году Анна Афанасьевна Морозова героически погибла 31.12.1944, выполняя боевое задание в глубоком немецком тылу, действуя в составе разведгруппы «Джек» разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта. Но авторами статьи в Центральном архиве Министерства Обороны был обнаружен еще один наградной документ на А.А. Морозову, датирован этот документ 1 ноября 1942 года и подписан уже известным нам «Аркадием», который представляет Анну Морозову, работающую агентом разведгруппы 10-й армии с августа 1942 года к медали «За отвагу» [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48]. На наш взгляд, это свидетельствует о прямом отношении А. Виницкого и его разведгруппы к созданию Сещенского подполья. По информации, переданной нам зятем А.С. Виницкого, Львом Малорацким (авторы находятся в переписке с семьей А.С. Виницкого, проживающей в США), Арка-

дий Саввич консультировал съемочную группу фильма «Вызываем огонь на себя».

Так кто же он – «Аркадий», кадровый офицер советской разведки или человек, прошедший специальную подготовку и заброшенный в немецкий тыл со специальным заданием?

Теперь самое время перейти к рассказу о самом «Аркадии», он же Аркадий Саввич Веницкий. Кем он был до войны, его пути в разведку, и как сложилась его жизнь после войны?

А.С. Веницкий родился 2 февраля 1914 года в Москве в семье инженера-технолога С.О. Веницкого и концертной певицы Е.П. Веницкой. По окончании 7-летней школы Аркадий Веницкий поступил на первый курс радиотехникума УСМО, который он закончил в 1931 году и был направлен на работу в Центральный НИИ Связи Народного Комиссариата Связи в лабораторию стабилизации частот. С 1933 по 1939 годы А.С. Веницкий проходил обучение в Московском электротехническом институте связи, после окончания которого был снова направлен на прежнее место работы, а позднее – во вновь созданную лабораторию СВЧ радиорелейных линий. К этому времени у молодого талантливого ученого уже есть первые публикации и изобретения, в том числе метод следящего приема ЧМ сигналов [7]. То есть А.С. Веницкий не был кадровым военным и тем более разведчиком.

С началом Великой Отечественной войны, в июле 1941 года, А.С. Веницкий был призван в РККА, в звании младшего лейтенанта воевал в качестве начальника связи 831-го артполка 279-й дивизии, действовавшей в составе 43-й армии Западного фронта, а затем в составе 50-й армии Брянского фронта. В результате немецкого наступления на Москву (операция «Тайфун») остатки 831-го полка оказались в окружении и 25 октября 1941 года вступили в один из Брянских партизанских отрядов. К февралю 1942 года А.С. Веницкий построил радиостанцию и связался со штабом 10-й армии Западного фронта, которая в ходе наступления под Москвой заняла г. Киров Калужской области. Разведывательный отдел штаба 10-й армии вызвал А.С. Веницкого в свое распоряжение. После перехода линии фронта младший лейтенант А.С. Веницкий прошел курс краткосрочного обучения и был снова заброшен в немецкий тыл как командир отдельной разведгруппы, действующей на западном берегу р. Десна [7].

С этого времени начинается партизанский период жизни Аркадия Саввича, на котором мы остановимся подробнее, так как этот период характеризует его и как советского патриота, продолжившего борьбу с оккупантами в безвыходном положении вражеского окружения, и как ученого, продолжавшего научные изыскания в тяжелых условиях партизанской жизни. Во время войны Аркадий Саввич вел дневник [2], эти записи охватывают его службу в 831-м артполку, скитания в окружении и партизанский период. Дневниковыми записями А.С. Виницкого поделились с авторами статьи его родственники, проживающие в настоящее время в США.

Из дневника А.С. Виницкого мы знаем, в какой партизанский отряд он вступил, это был Орджоникидзеградский партизанский отряд, организованный из рабочих, милиционеров и пожарных Бежицы (ныне Бежицкий район г. Брянска). Между боевыми операциями партизан «Аркадий» (так называл себя Виницкий) начал из подручных средств собирать детекторный радиоприёмник, такой приёмник не требует аккумуляторных батарей. Он очень компактный и его невозможно запеленговать. Придя в партизанский отряд 25 октября, уже 5 ноября А.С. Виницкий изготовил радиоприёмник и принимал сообщения Совинформбюро, которые записывались и распространялись среди партизан. Следующим шагом радиоинженера-партизана Аркадия было изготовление радиостанции для связи с частями Красной армии, на это ушло более двух месяцев. Для изготовления полноценного радиопередатчика нужны были радиодетали и инструмент, более того, необходимо было паять, в условиях лесной партизанской жизни это невозможно. Для добычи необходимых компонентов для изготовления радиостанции А.С. Виницкий с товарищами осуществляли вылазки в соседние населенные пункты, занятые противником: Любохну, Дятьково, Титовичи [2]. Вот как описывает Аркадий Саввич одну из таких вылазок: «Мы совершили несколько вылазок в населенные пункты. Особенно успешной была вылазка в город Дятьково, куда проникли вдвоем с партизаном Гришей Осиповым. Там на явочной квартире партизана Алексева встретились с командиром Дятьковского отряда Сентюриным и с его помощью добыли, в здании местного техникума, самые необходимые для передатчика детали» [2].

Сохранились воспоминания А.С. Веницкого о том, с какими опасностями сталкивались партизаны, проникая в населенные пункты на оккупированной врагом территории: «Пытаясь собрать рацию, я предпринял вылазку в ближайший поселок. Мы снарядили подводу. Я, зная немецкий язык, оделся в немецкую форму, и мы благополучно доехали до школы, в которой до войны существовал радиокружок. Пока мы искали нужные детали, вбежал запыхавшийся мальчик с криком: "Немцы, немцы!" Он быстро провел нас в сарай, принадлежащий школе, где хранилось сено. Я вместе с моим товарищем спрятался в сене. Немцы обшарили школу, а потом зашли в сарай, где штыками протыкали сено. Штыки проходили в непосредственной близости от нас, но, к счастью, нас не задели. Немцы ушли, а мы благополучно вернулись в отряд» [2].

Работа по сборке радиопередатчика была организована следующим образом: «Передатчик я монтировал в заколоченной школе поселка Любохна, куда нас проводил местный подпольщик Костик Корнеев. Обычно мы вдвоем с политруком Локтюзиным проникали в школу с ночи; день работали, а к ночи снова возвращались в лес» [2]. Удивительно, но находясь в партизанском отряде, А.С. Веницкий продолжает и научную деятельность, как ему это удавалось, мы пока не знаем, как не знаем пока тематики этой деятельности, но в письмах, отправленных партизаном Аркадием, есть упоминания об этом: «Как с моими изобретениями? Я отсюда послал еще три в НКЮ» [2]. Судя по адресату, изобретения имеют оборонный характер.

Приведем еще один интересный и необычный факт из жизни партизана Аркадия. Мать А.С. Веницкого, Е.П. Веницкая, была известной певицей и во время одного из своих выступлений на радио она обратилась к своему сыну-партизану с пламенной речью: «Сын мой! Через линию фронта согреет тебя моя материнская любовь, сбережет тебя от вражеской пули. Я по-прежнему выступаю на концертах. Только теперь моя аудитория – это бойцы Красной армии. В землянках, блиндажах, на фронте под открытым небом приходится мне петь. Более благодарных слушателей, чем теперь, у меня никогда не было. Часто случается, что вражеские самолеты прерывают концерты. Тогда мои слушатели становятся к зениткам, на самолетах взмывают небо, летят в бой... Враг отогнан. Концерт продолжается. Любимую свою песню я заканчиваю словами: "Бывайте здоровы, живите богато, с победой

вернитесь в родимые хаты!» Эта песня нашей силы, нашей веры в победу. Обнимаю тебя, мой славный сын, мой храбрый партизан!» Эту радиопрограмму поймали на радиоприёмнике, собранном Аркадием, его товарищи по партизанскому отряду, когда сам он был на боевом задании и после возвращения рассказали об этом Аркадию. Текст этого обращения публиковался в одной из фронтовых газет и бережно хранится в семье Малорацких [2].

В конце февраля 1942 года Аркадий Веницкий был отозван из партизанского отряда в разведотдел штаба 10-й армии Западного фронта. В момент отъезда на «большую землю» партизан «Аркадий» занимал должность начальника разведки партизанского отряда [4, ф. 8, оп. 2, д. 64, л. 79]. С этого момента начинается новый этап жизни А.С. Веницкого, он становится разведчиком, не переставая быть партизаном, так как основной задачей разведгруппы «Аркадий» на первом этапе ее деятельности было установление связи с партизанскими отрядами, действовавшими на левом берегу р. Десна, и обеспечение их радиосвязью. Комплектовалась разведгруппа исключительно партизанскими кадрами и базировалась, как правило, в партизанских отрядах [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

После прибытия А.С. Веницкого в расположение частей Красной армии он был отправлен на работу в разведотдел 10-й армии Западного фронта, где прошел двухнедельное обучение работе на ключе и шифровке. В результате младший лейтенант Аркадий Веницкий назначается командиром разведгруппы и по совместительству ее радистом. 16 марта 1942 года группа перешла линию фронта. 18 марта А.С. Веницкий прибыл в свой партизанский отряд и отобрал пять партизан, составивших ядро группы. 1 апреля 1942 года разведгруппа «Аркадий» после нескольких неудачных попыток пересекла железную дорогу Брянск–Рославль и р. Десна и вышла в Жирятинский район [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

С апреля по август 1942 года разведчиками группы «Аркадий» было завербовано 4 человека по Брянску, по Жирятино – 2 человека, по Песочне и шоссе Рославль–Брянск – 7 человек, по Леденеву и Красное – 4 человека, по Сеще – 2 человека, по Мглину – 3 человека, по Унече – 2 человека, по Клинцам – 1 человек, по Почепу – 1 человек, т.е. всего около 30 агентов. Эта агентура давала разведданные о военных объектах указанных населенных пунктов, в том числе и сведения

об объектах для бомбежки, круглосуточный счет движения по шоссе Рославль–Брянск, большаку Рославль–Мглин и железным дорогам Рославль–Брянск и Брянск–Гомель. Агентуре «Аркадия» удалось добыть ценные документы противника – планы укреплений, штабные приказы, инструкции по химической войне, солдатские книжки, личные письма и т.д. [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48]. Надо учитывать, что эта работа была развернута в период «засилья полиции» в этом районе, которая подавляла партизанские отряды своей численностью и вооружением, и при активном противодействии немецких карательных органов [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

За указанный период А.С. Веницким в штаб армии были посланы три связных с добытыми документами и отчетами о работе. В конце июля группа «Аркадия» приняла самолет У-2, прибывший с «большой земли», это был первый самолет, севший в этом районе [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

Радиостанция разведгруппы «Аркадий» не только осуществляла связь партизанских отрядов, действовавших в этом районе, с советским командованием и Западным штабом партизанского движения, но и обеспечивала сводками Совинформбюро местное население и бойцов партизанских отрядов. «Группа провела специальную работу по установлению связи со всеми отрядами в районе разведки. В апреле была впервые установлена связь с Малиновским отрядом (ядро будущего отряда Данченко). В мае была установлена связь с отрядами: Клетнянским, Мглинским Ерёмкина на юг от Клетни, с отрядом Рощина на север от Клетни, с отрядом Озерова в Мухинских лесах... С появлением возможности связываться с армией через нашу радиостанцию в отрядах были созданы специальные подразделения разведки, развернувшие разведку для армии. Мною были указаны отрядам основные объекты и узловые вопросы разведки» [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48] – так описал в своем отчете А.С. Веницкий начальный период своей деятельности и становления партизанского движения.

К сожалению, объем статьи не позволяет нам подробно описать деятельность разведгруппы под командованием А.С. Веницкого, но изложенная информация позволяет говорить об Аркадии Саввиче как о талантливом организаторе разведывательной деятельности, смелом и харизматичном человеке. Командование оценило деятельность командира разведгруппы младшего лейтенанта А.С. Веницкого,

31 июля 1942 года он был награжден орденом Красной Звезды [10, ф. 33, оп. 682524, д. 339, л. 194]. В наградном листе отмечаются организаторские способности «Аркадия» как разведчика, а также организация «прекрасной связи» [10, ф. 33, оп. 682524, д. 339, л. 296 об.].

Почти два года провел в немецком тылу А.С. Веницкий, его разведгруппа соединилась с наступающими частями Красной армии в 20-х числах сентября 1943 года. За четыре дня пребывания в освобожденном п. Клетня Аркадий Саввич устраивает «на жительство и работу» всех своих агентов, оставшихся без крова или без средств к существованию. «Всем работникам ядра группы и ряду основных наших агентов я выдал на руки справки-характеристики, заверенные печатью Клетнянского РВК», – указывает в своем отчете командир разведгруппы [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48]. Забота о своих боевых товарищах характеризует Аркадия Саввича как очень внимательного к нуждам людей человека, заботливого командира, готового всегда прийти на помощь. Об этом свидетельствуют и последние предложения отчета: «За всё время работы группы к Правительственным наградам было представлено 30 человек, из них 3 человека дважды. Награждены пока 14 человек. Награды не вручены пока ни одному члену группы» [4, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 41–48].

После выхода в советский тыл лейтенант А.С. Веницкий некоторое время служил в Западном штабе партизанского движения и в 1-м полку связи Московского военного округа, но в начале 1944 года отзывается на работу в отрасли средств связи с реализацией совместного с Р.И. Поповым изобретения в НИИ-1. А.С. Веницкий и Р.И. Попов возглавили разработку первого в СССР доплеровского измерителя скорости летательных аппаратов и «ряда других автономных радиосистем» [7].

Научная карьера А.С. Веницкого сложилась успешно, он автор первой в СССР монографии по непрерывной радиолокации, опубликованной в 1961 году, эта монография была переведена на английский язык и издана в США в 1964 году. В 1950 году Аркадий Саввич без отрыва от производства защищает кандидатскую диссертацию, а в 1968 году докторскую диссертацию, с ноября 1981 года утверждён в звании профессора [7].

С 1964 года А.С. Веницкий работает в НИИ космического приборостроения, в котором является научным руководителем ряда НИР и НИОКР по космическим автономным радиосистемам, в должности

сначала начальника группы, а затем начальника лаборатории. С 1968 по 1981 год – д.т.н. А.С. Виноцкий по совместительству был заведующим кафедрой и лектором по курсу «Радиосистемы» на базовой кафедре НИИП в Московском институте радиотехники и автоматики (МИРЭА), а с 1981 года полностью перешел на преподавательскую работу в качестве профессора кафедры радиоприемных систем. Работая на кафедре, Аркадий Саввич являлся по совместительству научным руководителем НИР, выполняемых по заданию промышленности, а также входил в научные советы МИРЭА и НИИП [7].

Активно занимался д.т.н. профессор А.С. Виноцкий и научно-общественной деятельностью, являясь членом президиума Московского управления НТОРЭС им. А.С. Попова, руководителем научно-технической секции «Радиолинии и радиосистемы» и заместителем председателя редакционного Совета по радиосистемам издательства «Радио и Связь» [7].

В 1993 году Аркадий Саввич выехал на лечение в США, где к этому времени уже проживала семья его дочери, где, несмотря на болезнь, продолжил научную деятельность, являясь профессором-консультантом в «Aerospace Electronics Corporation» (Флорида). Незадолго до своей смерти Аркадий Саввич сдал в издательство «IEEEPress» свою последнюю монографию на английском языке «Introduction to Aerospace Autonomous Radio Systems» [7]. Сердце замечательного человека, отважного партизана-разведчика и талантливого ученого перестало биться 7 мая 1996 года [2].

Литература

1. Военный дневник А.С. Виноцкого. Личный архив семьи Малорацких.
2. Воспоминания А.С. Виноцкого, опубликованные в статье «В тылу врага». Личный архив семьи Малорацких.
3. Гайдуков И.К. Лесные мстители. – М: АО Прибой, 1995.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области.
5. Данченков Ф.С. Особое поручение. – Киев: Политиздат Украины, 1988.
6. История, рассказанная А.С. Виноцким. Личный архив семьи Малорацких.
7. Официальный сайт движения Бессмертный полк. Биография А.С. Виноцкого, написанная собственноручно. – URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/vinickiy-arkadiy-savvich-doktor-tehnicheskikh-nauk-professor> (дата обращения 19 апреля 2021 г.).
8. Письмо А.С. Виноцкого супруге из партизанского отряда, датированное 16.02.42. Личный архив семьи Малорацких.
9. Пшимановский Я., Горчаков О. Вызываем огонь на себя. – М.: Вече, 2007.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

ПОИСКОВАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Статья посвящена такому социальному явлению, как «поисковое движение». Возникновение такого движения в нашей стране по праву можно назвать феноменом, народной инициативой. Опираясь на личный опыт (автор – поисковик) и воспоминания первых энтузиастов поискового дела, предпринята попытка проследить мотивы, побудившие людей заниматься поисковой работой. Но главное – автор попытаться разобраться в той смысловой нагрузке, которую несет в себе это движение, и какова его роль в сохранении исторической памяти о войне.

Ключевые слова: пропавшие без вести; поисковая работа; культурная преемственность; Великая Отечественная война; Всесоюзный штаб красных следопытов.

Cherepanov A.V.

postgraduate Student, Moscow State
Pedagogical university

«FINDER WORK AS A WAY TO PRESERVE THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR»

Abstract. The article is devoted to such a social phenomenon as the «finder movement». The emergence of such a movement in our country can rightly be called a phenomenon, a popular initiative. Based on personal experience (the author of member) and the memories of the first enthusiasts of the search business, an attempt is made to trace the motives that prompted people to engage in search work. But the main thing is for the author to try to understand the semantic load that this movement carries and what its role is in preserving the historical memory of the war.

Keywords: missing persons; search work; cultural continuity; the Great Patriotic War; All-Union headquarters of the Red Pathfinders.

Цель данной публикации заключается в том, чтобы на конкретном примере, а именно – поисковой работе, обосновать важность сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Объектом исследования является поисковая деятельность на местах

бывших сражений. Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти, в которой нашли свое отражение героические образы прошлого нашей страны. Культурная преемственность поколений и сохранение традиций позволяет современному обществу отстаивать свою национальную идентичность, свое эго. Из множества отдельно взятых образов героики прошлого складывается память народа, память нации. К сожалению, всё чаще из средств массовой информации мы слышим агрессивную риторику относительно ратного подвига наших предков. Неоднократные попытки искажения исторической действительности, происходящие как по причине невежества, так и вполне сознательно, ставят своей целью уничтожить столь важную культурную преемственность или то, что мы называем «память о прошлом». Поисковая работа является отдельно взятым элементом большой правительственной программы по сохранению и защите наших культурных истоков. Возвращая из забвения имена павших, увековечивая подвиг тех, кто отстаивал свободу и независимость нашей Родины, поисковое движение берет на себя задачу не только сохранения культурно-исторического пласта, но и воспитания здорового гражданского общества. Уважение к истории страны, традициям живущих на ее территории народов, символам, законам и главное – к самому государству – позволяют нам существовать в стремительно меняющемся мире. Великая Отечественная война – это центральное событие новейшей отечественной истории, как по своим масштабам, так и по своему трагизму. В связи с этим поисковая работа на сегодняшний день является достаточно актуальной и обсуждаемой в обществе темой. Новизна публикации подразумевает новый взгляд на заявленную проблему. Поисковая работа рассматривается не как цель сама по себе. Она рассматривается как средство трансляции героизма советских людей, их ценностей и идеалов, которые они отстаивали в борьбе с оккупантами. Наравне с ретроспективным и проблемно-хронологическим методами применяется и аксиологический подход, что обуславливает не только сугубо историческую природу статьи, но и педагогическую. Поисковая работа – достаточно редкая тема в контексте историографии, до сих пор нет единого фундаментального труда, который претендовал бы на абсолютную полноту и освещал бы историю становления поисковой работы. Однако, некоторые достаточно важные аспекты этой темы были затронуты в

работах поисковиков-краеведов, которые буквально по крупицам собирали сведения и выискивали материал о становлении поискового дела в их регионе. Одной из первых работ стала книга Ю.М. Иконникова «Связные истории» [3], в которой поисковая работа оценивается как сознательная деятельность по увековечению памяти павших в боях защитников Родины. Книга содержит материал об истории Всеобщих поисков по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, которые привели к оформлению поисковой деятельности в самостоятельное движение. Работа «Нержавеющая память, в сердце храня...» [5], авторами которой были энтузиасты поискового дела Кротков Г.П. и Соколов И.И., содержала не только описание полевого поискового быта, но и обосновывала необходимость продолжения поисковой работы на местах бывших сражений. Книга писательницы Юлии Борисовны Капусто «Последними дорогами генерала Ефремова» [4] была посвящена истории и гибели 33-й ударной армии генерала М.Г. Ефремова. Автором был сделан очень важный акцент на поисковую деятельность, подробно описана работа поисковой группы А.Н. Краснова – одного из первых энтузиастов поисковой работы Калужской земли. В книге преподавателя Кондровского педагогического колледжа В.К. Ларина «Дорогами памяти» [6] подробно раскрывается история возникновения Кондровского педагогического поискового отряда, участником которого был автор книги. Одной из главных работ, посвященных истории поискового дела, является книга поисковика и историка С.И. Садовникова «Поиск, ставший судьбой...» [11], где автор прослеживает становление поисковой работы, указывая на важность продолжения и развития поиска, усматривая в этом фактор сплочения гражданского общества. Все авторы вышеперечисленных изданий указывают на необходимость продолжения и развития поисковой работы, так как от подрастающих поколений будет зависеть дальнейшая жизнь. Развитие поисковой работы, ее продолжение – вот та важная деталь, которая позволит создать своеобразный щит, не дающий на поругание героические страницы истории Великой Отечественной войны. Авторы намекают своим читателям, что поисковая работа – это способ сплотить общество в едином порыве для защиты не только истории, но и общечеловеческих ценностей, простых и понятных каждому здравомыслящему человеку. В распоряжении исследователя есть разнообразный источниковый ма-

териал, помогающий раскрыть суть поисковой работы и оценить ее возможности по сохранению памяти о войне. Основными источниками являются заметки в периодических изданиях, размещенные в молодежных туристических и военно-патриотических рубриках. Статья о поисковой работе на Новгородчине писателя С.С. Смирнова «Командант долины смерти» [13], статья «Долг живых», руководителя и основателя поискового клуба «Сокол» Н.И. Орлова, интервью с председателем ВШКС (Всесоюзный штаб красных следопытов) Ю.М. Иконниковым «Великий дед» [12]. Очень важно, что авторами являются не только писатели и журналисты, но и сами поисковики, это позволяет рассматривать тему изнутри, сопоставляя видение поисковиков и тех, кто ими не является. Такие публикации как: «Историческое значение поискового движения» [2], «К вопросу о мародерстве» [1], «Пропавшими без вести не считать...» [7] содержат выдержки из архивных документов, фотографии и воспоминания самих поисковиков. На основе этих данных можно рассматривать поисковую деятельность как историческое или, скорее, социальное явление, но так или иначе, самый главный источник при изучении поисковой деятельности – это личный опыт проведения поисковых работ. Опираясь на который, автор и выстраивает исследовательскую канву настоящей статьи. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что поисковая деятельность началась стихийно и прошла долгий и трудный путь своего становления. Зародившись как гражданская инициатива, поиск развился от поисковиков-одиночек до многочисленных поисковых объединений, включающих в себя несколько поисковых отрядов. Из-за стихийности возникновения поискового дела не сразу удалось организовать историческое изучение этого движения. Возникающие повсеместно поисковые группы и отряды могли вообще не вести никаких исторических заметок относительно своего существования, лишь за редким исключением могло сохраниться несколько фотографий из личных, как правило, семейных альбомов участников первых поисковых групп. Но сами фотографии мало что могут рассказать о идеологическом значении движения, о его глубоком духовном смысле и важности для общества. Немногочисленные кино- и фотодокументы способны отразить только бытовую сторону организации поисковых мероприятий. История должна работать с человеком, и в этой связи наиболее ценными будут являться воспоминания самих следопытов, энтузиастов поиско-

вого дела, поставивших перед обществом вопрос о сохранении подвига своих предков. Первые поисковые группы работали по местам окружений частей Красной армии. Одной из первых была группа Н.И. Орлова – поисковика-краеведа из г. Великий Новгород. В своих воспоминаниях он делился с журналистами областной газеты о том, какое впечатление производит на подрастающее поколение найденный на полях сражений предмет: «Когда приходится рассказывать юным следопытам о том, как сражались их отцы и деды, убедительным аргументом является обнаруженная на месте боя простреленная солдатская каска... Я – за то, чтобы сохранить хотя бы один уголок нетронутым, чтобы потом можно было сказать, каким был наш передний край». Н.И. Орлов одним из первых организовал поисковый клуб «Сокол», в музее которого начали экспонировать найденные на полях сражений предметы. В педагогическом смысле, поисковая работа получила ценное приобретение – наглядность. Понимание прошлого, его историческое восприятие через предмет составляют одну из важных черт поисковой работы. Имеет смысл обратить внимание, что поисковая работа это не просто какое-то собирательство военного имущества, это целенаправленное сохранение вещественного материала, свидетельствующего о характере боев, жестокости оккупации, нелегком быте в условиях военного времени, о героизме и стойкости советских людей. Поисковики не только начинали пополнять местные музеи экспонатами, они начинали передавать свой опыт как ремесло подрастающим поколениям и приобщать их к поисковой работе. Для поисковика найденный им предмет не является целью его изысканий, он ищет останки павших солдат и пытается установить личность погибшего. Именно в таком ключе формировалась культура поисковой работы, на это факт обратила внимание писательница Ю.Б. Капусто. Энтузиаст поискового дела А.Н. Краснов, пригласивший ее на места сражений 33-й ударной армии, произвел сильное впечатление на Юлию Борисовну. Она вспоминала: «Земля была для Александра Николаевича живым учебником, из которого нельзя вырвать ни героические, ни трагические страницы. Земля может рассказать ему всё, надо только уметь ее слушать. Землю, изрытую траншеями и начиненную осколками» [4, с. 280]. Поисковая работа, действительно, очень многогранна, она не ограничивается полевыми выездами и организацией музейных экспозиций, это кропотливая работа в архивах, поиск ин-

формации и работа с местным населением, работа в школе с детьми и молодежью. В 1988 году на Калужской земле состоялся Первый Всесоюзный слет «красных следопытов», который возглавил писатель-фронтовик Ю.М. Иконников. Возглавив уже четко оформившееся движение, Юлий Михайлович Иконников поставил одной из важнейших задач поиска работу с молодежью. Активно сотрудничая с газетами и комсомольскими ячейками, Ю.М. Иконников добился создания при оборонном отделе ЦК Комсомола штаба ВШКС (Всесоюзный штаб красных следопытов). Позже в интервью он вспоминал: «Меня принял и выслушал Виктор Мироненко, только недавно ставший первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Он спросил меня: “Как думаете, а не собрать ли нам ребят, занимающихся этой работой? Деньги дадим, организовать сбор поможем...” Так было положено начало историческому, считаю, движению, с честью выдерживающему вот уже годы и годы многие удары нашего бурного времени. Энтузиасты стали объединяться в отряды, а в оборонном отделе появился штаб ВШКС, а всё начиналось с Калуги, и много воды утекло с той поры...» [12]. ЦК ВЛКСМ поддерживал поисковый энтузиазм, так как усматривал в этом возможность укрепления советской идеологии. Со стороны ветеранских организаций, силовых ведомств и просто неравнодушных граждан началась активная помощь поисковой работе. Тема Великой Отечественной войны была близка каждому советскому человеку, но вихрь политических событий конца 1980-х годов, привел к распаду советского государства. В непростое время, когда многие прежние ценности советской системы оказались забыты или были вовсе попорчены, поисковое движение старалось выжить не только в экономическом, но и в духовно-нравственном кризисе. Некоторые «поисковики», разочаровавшись в поиске, стали переходить на нелегальное положение и заниматься мародерством, какие-то поисковые отряды прекращали свою деятельность из-за недостаточного финансирования, а собственными силами поисковая группа обойтись не могла и распадалась, какие-то коллективы вступали в конфликт с собственными руководителями и тоже прекращали существование. Казалось бы, поисковая работа была обречена на возвращение к энтузиастам-одиночкам, к своему первоначальному состоянию, но этого не произошло. Поисковое движение преодолело все вставшие на его пути кризисы, и большинство поисковиков все-таки остались верны заветам своих предшественни-

ков. Здесь следует сказать о том, что поисковики-краеведы Н.И. Орлов и А.Н. Краснов, работавшие по месту окружений были не единственные люди, кто взял на себя задачу по становлению поисковой работы в масштабах государства. На это обратил внимание ветеран поискового дела Константин Анатольевич Степанчиков, в интервью он сказал: «Еще в середине 60-х к поиску приобщаются разные люди, самых разных профессий и знаний. Многие из этих одиночек станут командами крупнейших поисковых объединений, войдут в историю поискового движения как основатели поискового дела. Александр Николаевич Краснов из Калуги, Сергей Михайлович Щербак из Керчи, Эдуард Иванович Григорьев из Старого Оскола, Ткаченко Александра Васильевна из Ростова-на-Дону, Вячеслав Иванович Спиридонов из героического Волгограда, фронтовик Ксения Тихоновна Зоркина из Воронежа, Вячеслав Дмитриевич Митягин из Москвы, Николай Андреевич Кручинкин из Республики Мордовия, Орлов Николай Иванович из Новгорода. Такое движение не могло не оставить след в истории нашей страны, но мы действительно мало что про него знаем, в этом парадокс» [10]. Немаловажным кажется тот факт, что с распадом СССР поисковая работа не прекратилась, более того, она стала активно развиваться. Не без оснований Юлий Михайлович Иконников считал самым результативным 1995 год, И.П. Сафронова – директор музея Боевой Славы Калуги – вспоминала: «Радовали успехи поисковиков. Работа продолжалась и Юлий Михайлович старался как можно чаще бывать в регионах, оставаясь связующим и объединяющим звеном всех поисковиков бывшего Советского Союза» [10, с. 10]. Юлий Михайлович Иконников был человеком сильной воли, прошедший фронтовыми дорогами, посвятивший свою жизнь педагогической деятельности и поисковой работе. 12 февраля 2000 года он ушел из жизни. Для всего поискового сообщества это была невосполнимая потеря, но даже со смертью первого председателя ВШКС, поисковая деятельность не была свернута. Поисковые отряды, при поддержке ветеранских организаций выступали с инициативой о сохранении движения, и в 2013 году удалось создать Общероссийское Общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» [8]. Уже более семи лет эта организация курирует поисковую работу на государственном уровне, реализуя различные проекты по сохранению памяти о событиях Великой Оте-

чественной войны. Несмотря на то, что история самого поискового движения как такового действительно еще требует всевозможных уточнений и дополнений, основные идеи и ценности, которые вобрало в себя это народное движение, сохраняются. Поисковая работа дает обществу не только наглядный материал, занимается не только пополнением музейных коллекций и организацией полевых экспедиций. Поисковая работа учит и дисциплинирует, показывая подрастающим поколениям, что ради их благополучного будущего собой сознательно жертвовали советские люди, в едином порыве поднявшиеся на борьбу с врагом. Поисковый коллектив объединяет людей разного возраста и разных профессий, социального положения и достатка, национальности и религии. В этом заключается одна из важнейших педагогических составляющих поисковой работы. Это справедливо отметила кандидат исторических наук, поисковик Е.Н. Боле: «Поисковое движение сегодня не просто составляющая гражданского общества, оно является тем социальным движением, которое способствует сохранению морально-нравственного стержня, основ преемственности духовных ценностей в поколениях многонационального российского народа. Сегодня оно имеет огромный потенциал, который направлен на решение важных государственных задач, к числу которых относятся увековечение памяти о павших за Отечество, интернациональное, патриотическое воспитание населения – исключительно важных составляющих процесса формирования национальной идеологии» [2, с. 21]. Подводя итог, имеет смысл полагать, что о поисковой работе можно говорить в нескольких аспектах. Во-первых, в историческом, ведь мы действительно мало знаем о том, как развивалось поисковое движение, особенно на начальных этапах своего становления. Требуют уточнения вехи биографии первых энтузиастов поискового дела, данные о первых поисковых группах и отрядах, всю эту колоссальную работу еще предстоит проделать в будущем. Во-вторых, это педагогический аспект, подразумевающий под собой воспитание подрастающего поколения в духе уважения к памяти павших. Но не только изучение военной истории и работа на местах боев составляют поисковую работу как таковую. Активное привлечение молодых людей в ряды поисковых объединений приобщает их к общечеловеческим ценностям, которые не позволят им мириться с произволом, беззаконием, хамством в адрес тех, кто ценой своей жизни и здоровья отстаивал

честь нашей страны. В настоящий момент тоже идет своеобразная война, направленная на уничтожение исторической памяти. Оружие в этой войне самое разное, но цель – показать противнику, что история его страны – это не предмет гордости, а случайная историческая метаморфоза, лишенная всякого смысла. Первый удар наносится по истории страны, по ее выдающимся личностям, научным и техническим достижениям, воинским подвигам. Всё это делается для того, чтобы лишить современное общество идеалов, смысла к существованию. И линия фронта проходит своей невидимой нитью через сердца тех, кто будет расти и жить после нас. За умы подрастающего поколения идет борьба, и в этой борьбе поисковая деятельность является своеобразным часовым, стоящим на страже героических страниц истории нашей страны. В сохранении исторической памяти заключается третий аспект поисковой работы, которая способна эту память не только сохранять, но и транслировать. Ведь тот, кто однажды забыл свое прошлое, утратил свой культурно-исторический исток, маловероятно, сможет когда-либо обрести его снова. И пока существует поисковое движение, ведется поиск на полях бывших сражений, будет существовать и то, что называют «здоровое гражданское общество», которое не позволит осквернить те ценности и идеалы, которые оно отобрало для себя как приоритетные.

Литература

1. Бойко С. К вопросу о мародерстве // Военная археология. – 2009. – № 1. – С. 44–46.
2. Боле Е.Н. Историческое значение поискового движения // Военная археология. – 2009. – № 1. – С. 12–21.
3. Иконников Ю.М. Связные истории. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 304 с.
4. Капусто Ю.Б. Последними дорогами генерала Ефремова. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – 286 с.
5. Коротков Г.П., Соколов И.И. Нержавеющая память в сердце храня. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 168 с.
6. Ларин В.К. Дорогами памяти. – Калуга: Гриф, 2000. – 70 с.
7. Миронов Н., Анохин И. Пропадшими без вести не считать... // Военная археология. – 2009. – № 1. – С. 22–28.
8. Общероссийское Общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». – [Электронный ресурс]: URL: <http://rf-poisk.ru/> (дата обращения 08.04.2021).

9. Орлов Н.И. Долг живых // Новгородский химик. – 1976. – 27 октября.
10. Петров В.Н., Шкапа Н.А. Методические рекомендации по военной археологии: Учеб. пособие. – М.: Азбука, 2014. – С. 11–12.
11. Садовников С.И. Поиск, ставший судьбой. – М.: Самиздат, 2003. – 258 с.
12. Сафронова И.П., Иконников Ю.М. Великий дед // Молодежная газета. – 1992. – 21 октября.
13. Смирнов С.С. Комендант долины смерти // Новгородская правда. – 1969. – 8 ноября.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авраменков Сергей Михайлович – независимый исследователь, командир поискового отряда «Серп и Молот». Сафоново, Россия (monster.81@mail.ru).

Артамошин Сергей Викторович – д.и.н., профессор, декан факультета истории и международных отношений. Брянский государственный университет (artamoshinsv@mail.ru).

Атрушкевич Марат Михайлович – к.и.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (maratmih@mail.ru).

Борисов Валерий Иннокентьевич – д.и.н., профессор кафедры истории России. Смоленский государственный университет. Россия (ValerijBorisov@yandex.ru).

Журков Артём Сергеевич – младший научный сотрудник Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника «Хмелита». Россия (khmelita@mail.ru).

Занько Евгений Александрович – аспирант Калужского Государственного университета им. К.Э. Циолковского (Z_E_A9696@mail.ru).

Ковалёва Ольга Валентиновна – к.и.н., доцент. Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «ДОННТУ», г. Горловка, Донецкая Народная Республика (kf-sn@adidonntu.ru).

Комаров Дмитрий Евгеньевич – д.и.н., профессор кафедры истории казачества и социальных дисциплин Московского государственного университета технологий и управления (ПКУ). Россия (Buffel1943@mail.ru).

Кометчиков Игорь Вячеславович – к.и.н., доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Россия (kometchikov.igor@mail.ru).

Марченков Роман Робертович – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (rollan16@yandex.ru).

Михайлов Игорь Геннадьевич – заведующий «Усадьбой “Богородицкое”». Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник «Хмелита». Россия (mig.mihailow@yandex.ru).

Пикалова Наталья Фёдоровна – начальник отдела информатизации и использования документов Государственного архива новейшей истории Смоленской области. Россия (ganico67@yandex.ru).

Писаный Денис Михайлович – к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета. Луганская Народная Республика (mypostdmp@mail.ru).

Полугодин Андрей Дмитриевич – учитель истории средней школы № 50 г. Калуги, соискатель Калужского государственного университета (andrei.polugodin@yandex.ru).

Сидорчук Евгений Александрович – независимый исследователь, г. Севастополь (zerlo739@mail.ru).

Сороковик Иван Александрович – к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Минск (i.sorokovik@yandex.by).

Стоделова Екатерина Андреевна – ординатор ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет им. Н.И. Пирогова».

Тарасенкова Татьяна Ивановна – к.и.н., доцент, директор Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ganico67@yandex.ru).

Теплицкий Юрий Михайлович – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Луганского государственного аграрного университета. Луганская Народная Республика.

Трифанков Юрий Трофимович – д.и.н., профессор кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» Брянского государственного технического университета, член регионального отделения Российского военно-исторического общества (trifankov.yury@yandex.ru).

Турянская Ольга Фёдоровна – д.п.н., профессор кафедры истории Отечества Луганского государственного педагогического университета. Луганская Народная Республика (turjanskof@mail.ru).

Ушкалов Сергей Валерьевич – постоянный член Изборского клуба, председатель Брянского регионального отделения Российского военно-исторического общества (sushkalov@yandex.ru).

Цобкало Андрей Анатольевич – к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (andreysobkalo@mail.ru).

Черепанов Александр Владимирович – аспирант Московского педагогического государственного университета (aleks.1100@mail.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Н.Г. Куликовских	3
Приветственное слово А.П. Брылёва	4
Авраменко С.М. Смоленский лагерь для военнопленных «ДУЛАГ 126»: на основе рассекреченных документов.	6
Артамошин С.В. Восточный фронт 1942 года в дневниках Эрнста Юнгера	18
Атрушкевич М.М., Цобкало А.А. Основные черты движения подпольщиков на территории Беларуси (БССР) в 1941–1944 годах.	26
Борисов В.И., Ковалёва О.В. Береговые артиллерийские батареи в обороне Севастополя 1941–1942 годов	33
Борисов В.И. Карельский фронт в Великой Отечественной войне и выход Финляндии из войны 1941–1945 годов.	42
Журков А.С. Преступления оккупантов на территории Вяземского района Смоленской области по материалам Вяземской районной чрезвычайной государственной комиссии. . .	51
Занько Е.А. Использование голода как средства сокращения населения гитлеровцами на западе РСФСР (1941–1945).	64
Комаров Д.Е. Дивизии народного ополчения города Москвы в боях на Смоленщине и их боевая судьба	72
Кометчиков И.В. Региональная власть и организация оборонительного строительства на западе РСФСР (1941–1944 годы)	81
Марченков Р.Р. Феномен британского министерства экономической войны во Второй мировой	94
Михайлов И.Г. 103-я стрелковая (моторизованная) дивизия в дни Смоленского сражения 1941 года	100
Пикалова Н.Ф. Боевой путь партизанского отряда № 3 под командованием М.В. Антоненкова. 1941–1943 годы (по документам Западного штаба партизанского движения).	110

Полугодин А.Д. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии и ее пособников в борьбе против партизан (на примере Западнорусских территорий РСФСР в 1941–1943 годах)	117
Сидорчук Е.А. Вклад специализированных частей и соединений в Севастопольскую оборонительную операцию 1941–1942 годов на примере экспедиции подводных работ особого назначения	131
Сороковик И.А., Цобкало А.А. Деятельность армии Крайовой на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны	137
Стоделова Е.А. Герои фронта и тыла Великой Отечественной войны – члены моей семьи	144
Тарасенкова Т.И. Деятельность партизанского полка им. 24-й годовщины РККА на оккупированной территории Смоленской области, 1941–1943 годы (по документам Западного штаба партизанского движения)	151
Теплицкий Ю.М. Героическая оборона Севастополя (1941–1942 годы)	158
Турянская О.Ф., Писаный Д.М. «Чтобы помнили!»: формирование памяти о Великой Отечественной войне в образовательном пространстве ЛНР.	165
Ушкалов С.В., Трифанков Ю.Т. Аркадий Виницкий – человек, разведчик, учёный	174
Черепанов А.В. Поисковая работа как способ сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне	185
Информация об авторах.	195

Научно-популярное издание

**ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**Материалы II международной научной конференции
23 мая 2021 года, г. Вязьма**

Издание печатается в авторской редакции

Выпускающий редактор *И.А. Флиманкова*
Технический редактор *М.В. Алейник*
Корректор *А.С. Алексеева*

ООО «Свиток»
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано в печать 12.08.2021 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «MinionPro». Печ. л. 12,5
Тираж 300 экз. Заказ №

